

Урсула Ле Гуин

Волшебник Земноморья

Моим братьям: Клифтону, Тэду, Карлу

*В молчаньи слов,
Во мраке света
И только в смерти жизни ты
Отыщешь путь свой к свету, сокол,
Среди небесной пустоты...
«Сотворение Эа»*

1. Битва в тумане

Остров Гонт, одинокая гора, на целую милю вздымающая свою вершину над истерзанным штормами Северо-Восточным морем, знаменит своими волшебниками. Многие уроженцы Гонта покидали города в его высокогорных долинах и порты в узких мрачных бухтах, чтобы волшебством и магией служить Лордам Архипелага или странствовать в поисках приключений с острова на остров по всему Земноморью, зарабатывая на жизнь чародейством и колдовством.

Говорят, что величайшим из них, и уж, конечно, самым неутомимым странником, был человек, прозванный Соколом. Впоследствии он стал Повелителем Драконов и Верховным Магом. О его жизни поется в «Деяниях Геда» и множестве баллад, но наш рассказ – о времени, когда он был не столь знаменит, и песни о нем еще не были сложены.

Он родился в отдаленной деревушке, именуемой Тэн Алдерс, высоко в горах, в самом сердце Северного Дола. Ниже деревни луга и пашни Долины терраса за террасой спускались к морю. В излучинах реки Ар стояли маленькие уютные селенья, а выше – только лес зелеными волнами накатывался на скалы и снега Высокогорья.

Свое первое имя – Дани – он получил от матери. Кроме этого имени и самой жизни она ничего не смогла ему дать – женщина умерла, когда мальчику не исполнилось и года. Отец Дани, деревенский кузнец, был хмурым, неразговорчивым человеком. Когда шестеро братьев Дани, которые были старше его на много лет, один за другим покинули дом, чтобы возделывать землю, бороздить моря или работать кузнецами в других селениях Северного Дола, некому стало приласкать малыша. Он рос заброшенным сорняком – высокий, подвижный, гордый и вспыльчивый мальчишка. Вместе с другими деревенскими детьми паренек пас стада коз на кручах над родниками, из которых брала начало река Ар, а когда он достаточно окреп, отец взял его к себе в подмастерья – раздувать кузнечные мехи. Плату Дани получал немалую – в основном затрещинами и кнутом. Пользы от него было немного. Вечно он где-то пропадал – бродил в лесной чаще, купался в быстром и холодном, как и все реки Гонта, Аре, или взбирался по уступам на заоблачные высоты, откуда видно море – бескрайний северный океан, в котором дальше Перрегала не было ни единого островка.

В этой же деревне жила сестра его умершей матери. Женщина заботилась о нем, пока он был еще совсем крохой, но у нее были свои заботы, и когда Дани подрос, она перестала обращать на него внимание. Однажды, когда мальчику было семь лет, и он еще ничего не знал о силах, которые управляют миром, он случайно услышал, как тетка разговаривает с козлом, забравшимся на соломенную крышу какой-то хижины и ни за что не желавшим слезать оттуда. Но как только женщина произнесла некую рифмованную фразу, животное послушно спрыгнуло на землю. На следующий день, когда Дани пас свое длинношерстое стадо на лугу у Высокого Обрыва, он выкрикнул услышанное им накануне двустипение, не имея ни малейшего представления о том, что это за слова и для чего они могут служить:

Ноф хирф мелк мен

Хиолк хен мерф хен!

Едва Дани замолчал, все стадо вдруг молча ринулось к нему. Козы столпились вокруг него и вопросительно уставились на мальчика своими узкими желтыми глазами.

Дани весело рассмеялся и еще раз произнес двустипшие, давшее ему такую власть над козами. Животные придвинулись еще ближе, теснясь и толкая друг друга. И вдруг мальчик испугался частокола острых рогов, их остановившихся глаз, этой жуткой тишины. Он кинулся бежать со всех ног, пытаясь скрыться от них, но козы не отставали, обступив мальчика плотным кольцом. Так они и примчались в деревню – плачущий Дани и козы, окружившие его так плотно, будто все стадо стянули крепкой веревкой, разорвать которую у них не было сил. Люди выбегали из домов, проклиная коз и смеясь над пареньком. Выскочила наружу и его тетка, но она не смеялась. Женщина что-то сказала козам, и те, освобожденные от чар, превратились в обычных животных, разбрелись по сторонам и принялись щипать травку. Тетка сказала Дани:

– Пойдем со мной.

Она привела его в хижину, в которой жила одна. Колдунья ни под каким видом не позволяла детям заходить в нее, и они боялись этого места, как огня. В низкой и сумрачной, без единого окна, хижине витал аромат целебных трав, развешанных для просушки – мяты и дикого чеснока, тмина, тысячелистника и парамала, королевского листа и клевера, пижмы и лаврового листа. Скрестив ноги, тетюшка уселась у очага и, искоса поглядывая на мальчика сквозь космы спутанных черных волос, спросила, что он сказал козам и осознает ли он значение этих слов. Выслушав бессвязный рассказ Дани и уразумев, что не имея ни малейшего понятия о колдовстве, он сумел полностью подчинить коз своей воле, она сразу поняла, что у мальчика есть все задатки настоящего чародея.

Как племянник, Дани был для нее пустым местом, но теперь он предстал перед ней в совершенно ином свете. Она похвалила мальчика и сказала, что может научить его другим заклинаниям, которые понравятся ему еще больше. Он сможет заставить улитку выглянуть из раковины, а сокола – спуститься из поднебесья.

– Ну что ж, научи меня, – сказал Дани, оправившись от страха, который нагнали на него козы, и задрал нос от ее похвал. Колдунья сказала ему:

– Ты никогда не расскажешь об этих заклинаниях другим детям, если я научу тебя им.

– Я обещаю.

Она только улыбнулась этому наивному ответу, который лишний раз подчеркивал его полное невежество.

– Что ж, прекрасно. Но я сделаю твое обещание еще крепче. Ты станешь немой на столько, на сколько я сочту нужным, но даже когда я снова верну тебе дар речи, заветные слова не сорвутся у тебя с языка там, где тебя могут услышать. Мы должны крепко хранить секреты нашего ремесла!

– Согласен, – повторил мальчик, потому что у него и без того и в мыслях не было делиться чем-либо со своими товарищами. Ему хотелось обладать такими знаниями и умением, каких у них никогда не будет.

Он сидел неподвижно, пока тетка откинула назад свои нечесанные волосы, туго затянула поясом одежды и снова села скрестив ноги, бросив в очаг пригоршню листьев, так что клубы дыма заполнили всю хижину. Она начала петь. Ее голос становился то низким, то пронзительно высоким, словно пели разные люди. Песня лилась не переставая, и скоро мальчик уже не осознавал, спит он или бодрствует. Старая черная собака колдуньи, которая никогда не лаяла, со слезящимися от дыма глазами подошла и уселась рядом с ним. Потом колдунья заговорила с Дани на неизвестном ему языке и заставила мальчика до тех пор повторять за ней непонятные рифмы и слова, пока колдовство не овладело им и не заставило замолкнуть.

– Говори, – потребовала она, проверяя силу заклинания. Дани не смог произнести ни слова, но вдруг рассмеялся.

Этот смех заставил колдунью с опаской взглянуть на мальчика, так как она наложила

на него самое сильное из известных ей заклинаний, желая не только подчинить себе его речь, но и полностью связать его своими чарами, сделав Дани своим помощником в колдовском ремесле. А он смеется, как ни в чем не бывало, даже связанный заклинанием! Колдунья молча залила огонь родниковой водой, а остаток дала выпить мальчику. Когда воздух в хижине очистился от дыма, и Дани снова обрел дар речи, она научила его, как произносится Настоящее Имя сокола, на которое тот не может не откликнуться...

Это был первый шаг Дани на длинном пути, которым он шел всю жизнь: пути волшебства и магии, пути, на котором он преследовал зловещую Тень, гнал ее над морем и над сушей, до самых призрачных берегов царства смерти. Но в то время, когда он делал свои первые шаги, путь этот казался ему широкой и светлой дорогой.

Когда Дани обнаружил, что услышав свое Имя, дикие соколы подобно молниям спускаются к нему с заоблачных высот, оглушительно хлопая крыльями, и садятся ему на руку, будто ловчие птицы какого-нибудь принца, мальчику страшно захотелось узнать больше, и он умолял тетку назвать ему Имена пустельги, скопы и орла. Чтобы заработать право знать эти слова власти, он делал все, что приказывала колдунья и учился у нее всему, что она могла ему дать, хотя далеко не все поручения приходились ему по вкусу. На острове Гонт есть пословица: «Слабый, как женское колдовство». Но есть и другая: «Злой, как женское колдовство».

Колдунья из деревушки Тэн Алдерс не была злой ведьмой и никогда не пыталась воспользоваться изощренными приемами Древней Магии. Но она была невежественной женщиной из невежественного народа и часто употребляла свое искусство в весьма сомнительных целях. Она понятия не имела о Равновесии и Структуре, о которых знали и которыми пользовались, избегая применять мощные заклинания без крайней нужды, настоящие маги. У нее имелись заклятия на все случаи жизни, и она целыми днями только и занималась тем, что налагала или снимала чары. Большая часть ее колдовства была сущей чепухой и надувательством, она с трудом отличала настоящее заклинание от фальшивого. Она знала множество проклятий, ей гораздо проще было наслать на кого-нибудь недуг, чем вылечить от него. Как и всякая деревенская колдунья, она запросто могла приготовить приворотное зелье, но не гнушалась и более опасными снадобьями, прекрасно служившими людской зависти и злобе. Правда, свои темные делишки тетка хранила в секрете от Дани и, как могла, учила его настоящему ремеслу.

Поначалу все удовольствие, получаемое им от занятий, заключалось в осознании своей огромной власти над зверями и птицами. Это чувство осталось у него на всю жизнь. Дети, часто видевшие Дани на высокогорных лугах в компании хищных птиц, прозвали его Соколом. Это прозвище так и осталось за ним, а его Настоящего Имени не знал почти никто...

Пока колдунья продолжала твердить о славе, богатстве и огромной власти над людьми, которые якобы имеют чародеи, Дани стремился узнать как можно больше по-настоящему полезного. Он все схватывал на лету. Колдунья не могла нарадоваться на него, деревенские дети стали его бояться, а сам мальчик пребывал в уверенности, что скоро станет знаменитым волшебником. Так Дани шел от слова к слову, от заклинания к заклинанию, и к двенадцати годам знал почти все, что знала его тетка – не так уж и много, но вполне достаточно для деревенской колдуньи и более чем достаточно для двенадцатилетнего мальчика. Она передала ему все, что знала о травах и врачевании, об искусстве находить и распознавать, скреплять и исправлять. Она спела ему все баллады о Великих Деяниях, которые помнила, и сообщила все те слова Истинного Языка, которым научил ее когда-то другой чародей. А от заклинателей погоды и бродячих жонглеров, странствовавших по городам Северного Дола и Восточного Леса, Дани научился различным трюкам и розыгрышам, а также заклинаниям Иллюзий. Именно с помощью одного из таких заклинаний он впервые показал всем, какая великая сила дремлет в нем.

В те годы Империя Каргад находилась в расцвете своего могущества. В нее входили четыре больших острова, лежащие между Северным и Восточным Пределами: Карего-Ат,

Атуан, Гур-ат-Гур, Атнини. Язык, на котором говорили их жители, белокожие и желтоволосые злобные дикари, пьянеющие от вида крови и дыма пылающих городов, не походил ни на один из языков Архипелага или других Пределов. Год назад они напали на Ториклы и хорошо укрепленный остров Торхевен, налетев, как саранча, на кораблях с парусами цвета крови. Весть об этом быстро дошла до Гонта, но Лорды Гонта были слишком заняты пиратством, и им не было дела до чужих горестей. Потом под ударами каргов пал остров Спиви. Его селения были сожжены и разграблены, а их жители – угнаны в рабство. По сей день остров этот лежит в руинах. И вот карги появились на Гонте, атаковав Восточный Порт армадой из тридцати больших кораблей. Они прорубились сквозь город, захватили его и сожгли. Оставив корабли с небольшой охраной в устье Ара, дикари двинулись вглубь острова, сея на своем пути смерть и разрушение, не щадя ни людей, ни домашний скот. По дороге они разбились на отдельные банды, каждая из которых грабила и убивала где ей нравилось. В высокогорные деревни потоком хлынули беженцы. Вскоре горизонт на востоке затянула дымная пелена. А как-то ночью те из жителей Тэн Алдерса, кто пришел к Высокому Обрыву взглянуть вниз, на Долину, увидели охватившие ее бесчисленные костры пожаров. Пылали созревшие хлеба, горели сады, и плоды поджаривались на полыхавших ветках, дымились развалины домов...

Некоторые из жителей деревни убежали и спрятались в лесах и ущельях, но многие остались и готовились к битве не на жизнь, а на смерть. Однако встречались и такие, кто никак не мог ни на что решиться и надоедал остальным своими жалобами. Сбежала и колдунья – она спряталась в пещере в Каппердинском утесе и запечатала вход в нее заклинаниями. Отец Дани остался, он не мог бросить на произвол судьбы плавильный горн и кузницу, в которой проработал пятьдесят лет. Всю ночь он ковал наконечники копий, а остальные привязывали их к рукояткам мотыг и грабель, так как не было времени проделывать в наконечниках отверстия и вырезать древки для копий. В деревне не было никакого оружия, кроме охотничьих луков и коротких кинжалов, ибо горцы не воинственны – они больше прославились как похитители коз, морские пираты и волшебники.

С рассветом деревню окутал густой белый туман, как это частенько бывает осенью на высокогорье. Вдоль единственной улицы Тэн Алдерса молча стояли люди, сжимая в руках охотничьи луки и самодельные копья. Они ничего не знали о каргах – далеко те или близко, и, сохраняя полное молчание, напряженно вглядывались в туман, который скрывал под своим пологом окружающие предметы и опасности.

Дани стоял вместе со всеми. Он всю ночь не выходил из кузницы, раздувая меха – два длинных рукава из козьих шкур, которые питают огонь воздухом. Его руки так болели и дрожали от усталости, что он не мог держать копье, которое выбрал для себя. Мальчик понимал, что в схватке от него не будет никакой пользы. Его мучила мысль, что он должен умереть от каргадской пики таким молодым, уйти в страну теней, так и не узнав своего Имени, Настоящего взрослого Имени. Дани взглянул на свои маленькие руки, сырые от росы, и горечь охватила его – ведь он-то знал свою силу. Но как обратить ее во благо? Мальчик начал вспоминать заклинания, которые могли бы дать преимущество жителям его деревни или хотя бы уравнивать шансы. Но одна лишь нужда в его магической силе не могла освободить ее – нужны были еще и знания.

Из-за горных вершин появилось солнце, и под его жаркими лучами туман начал редеть. Когда сплошная пелена распалась на отдельные клочья, люди увидели толпу воинов, поднимающихся в гору. Одеты в доспехи – бронзовые шлемы с султанами из перьев, наколенники и кирасы из толстых кож, в руках они держали бронзовые щиты, мечи и длинные пики. Бряцая оружием и доспехами, варвары беспорядочной цепью поднимались по крутому извилистому берегу Ара и подошли уже так близко, что стали видны их бледные лица и слышны возгласы на незнакомом языке. В этой шайке, отбившейся от основной орды завоевателей, было около ста воинов, что само по себе не больно много. Но в деревне осталось только восемнадцать мужчин и юношей...

Знание пришло, как только возникла нужда в нем. Дани, видя как рассеивается туман

на тропе перед каргами, вспомнил, наконец, магическую формулу, которая могла подойти. Однажды старый заклинатель погоды из Долины, надеясь уговорить Дани пойти к нему в ученики, кое-чему научил мальчика. Один из этих трюков назывался «сплетение тумана»: он собирал на некоторое время все мельчайшие частички тумана в одном месте. С помощью такого заклинания искусный маг может превратить туман в призрачные тени, постоянно меняющие свой облик. Мальчик не владел этим искусством, но, благодаря своим разносторонним способностям, имел достаточно сил, чтобы держать под контролем данное заклинание. Дани быстро и громко назвал местоположение и границы деревни и произнес заветное заклинание, но среди слов мага мальчик вплетал слова другого заклинания, означающего скрытность и, наконец, громко выкрикнул слово, приводящее волшебство в действие.

В это время сзади к нему подбежал отец и, размахнувшись, отвесил Дани увесистую оплеуху, сбив мальчика с ног.

– Заткнись, дурачина. Держи свой болтливый рот на замке и прячься, если не можешь сражаться!

Дани поднялся на ноги и увидел, что первые карги уже входят в деревню – они как раз поровнялись с высоким тисовым деревом, росшим у дома кожевника. Ясно были слышны голоса и кланье доспехов и оружия. Но тут снова спустился туман и накрыл деревню, стирая все краски и размывая очертания предметов так, что трудно стало различить даже пальцы вытянутой вперед руки.

– Я спрятаю нас всех, – тихо сказал Дани. Голова его болела от удара, а произнесение двойного заклинания совсем обессилило мальчика. – Я постараюсь продержат этот туман сколько смогу, а ты собирай остальных и веди к Высокому Обрыву.

Кузнец уставился на сына, который стоял, окутанный липким, жутким туманом, похожий на призрака. Он не сразу понял смысл сказанного, но когда до него дошло, что имел в виду Дани, старик, ни слова не говоря, бесшумно бросился в туман, чтобы обойти все закоулки Тэн Алдерса, найти остальных и сказать им, что нужно делать. Сквозь туман пробилось красное размытое пятно – это карги подожгли соломенную крышу какого-то дома. Они не торопились войти в деревню, ожидая, пока туман рассеется и явит их взору желанную добычу.

Хозяин горящего дома, кожевник, послал двоих ребят, и они прошмыгнули под самым носом каргов, вопя во всю глотку и дразня их, а потом растаяли, словно призраки, в дымке тумана. Тем временем мужчины крались вдоль заборов и, перебегая от дома к дому, обошли варваров с тыла и осыпали сгрудившихся в кучу врагов дождем стрел и копий. Один из каргов упал, пронзенный копьем, наконечник которого еще не успел остыть. Другие были лишь поцарапаны стрелами и в слепой ярости рванулись вперед, горя желанием изрубить нападающих в куски, но встретили только туман, полный таинственных голосов. Они погнались за этими голосами, вслепую нанося удары своими длинными, запятнанными кровью пиками. С яростными криками побежали они по деревенской улице мимо пустых домов, которые то вырастали перед ними, то вновь растворялись в клубящемся сером тумане. Жители разбежались в разные стороны – они знали в деревне каждую травинку, но некоторые, в основном старики и мальчишки, не могли бегать быстро... Карги протыкали их пиками или рубили мечами, сотрясая воздух своим боевым кличем – именами Белых Богов-Братьев острова Атуан:

– Вула! Атва!

Некоторые из бандитов остановились, почувствовав под ногами каменистую почву, но другие напирали сзади, разыскивая призрачную деревню и преследуя неясные тени, которые мелькали перед ними за пределами досягаемости. Все вокруг было заполнено этими ускользающими видениями, которые возникали со всех сторон и, нанося удар, исчезали. Группа каргов гналась за ними до Высокого Обрыва – гигантского утеса над истоками Ара, и здесь призраки исчезли, растворившись в тумане, а их преследователи один за другим с криками ужаса срывались и целых сто футов падали на острые камни среди бьющих ключей.

Те, кто бежал позади и не упал, остановились и стали прислушиваться.

Сердца каргов сжались от ужаса, и они начали искать в этом сверхъестественном тумане уже не врагов, а друг друга. Они собрались на склоне холма, но призраки и туманные образы продолжали терзать их, нанося удары копьями и ножами и снова исчезая. Карги бросились бежать без оглядки, вниз, в полном молчании, пока они внезапно не выскочили из серой пелены тумана и не увидели реку и пустынные овраги, залитые ярким солнечным светом. Варвары остановились, сгрудившись в кучу, и оглянулись. Колеблющаяся серая стена преграждала тропу, скрывая все, что лежало за ней. Из этой стены тумана выскочили еще несколько отставших воинов, которые спотыкались и шарахались из стороны в сторону, длинные пики качались на их плечах. Ни один карг не оглянулся дважды. Все сломя голову понеслись вниз, прочь от заколдованного места.

А внизу, в Северном Доле, этих вояк ждала битва, к которой они так стремились. Все мужчины из городов Восточного Леса, от Оварка до побережья, собрались и выступили против завоевателей... Они сбрасывали с холмов банду за бандой и весь этот день, а также следующий гнали каргов к Восточному Порту, где пылали, как костры, их корабли. Встав спиной к морю, карги бились, пока не пал последний из них. Песок на берегу стал красным от крови, и только прилив смыл ее.

А в то утро плотная серая пелена тумана над деревней Тэн Алдерс и Высоким Обрывом повисела еще немного, затем поредела и рассеялась. Один за другим этим ясным ветреным утром люди останавливались с земли и с недоумением осматривались вокруг. Вон лежит мертвый карг с окровавленными желтыми волосами, а вот – деревенский кожевник – словно павший в битве король.

На окраине деревни еще горел его дом, и люди принялись тушить пожар, так как их битва была уже выиграна. На околице, возле тисового дерева, они нашли Дани – сына кузнеца. Он стоял один-одинешенек, совершенно невредимый, но глаза его были пусты. Жители деревни прекрасно понимали, что парень сделал для них. Его отвели в отцовский дом и пошли звать из пещеры колдунью, чтобы та вылечила парня, который спас их жизни и имущество, если не считать четверых, погибших от рук каргов, и одного сгоревшего дома.

Мальчик не был ранен, но он не ел, не разговаривал и не спал. Он, казалось, не слышал обращенных к нему слов и не узнавал подходивших к его постели. К сожалению, не было в тех краях волшебника настолько искусного, чтобы вернуть ему разум. Колдунья помочь ему не смогла, сказав только:

– Он слишком щедро тратил свою силу...

Пока Дани лежал глухой и немой, весть о паренке, испугавшем знаменитых воинов – каргов – обыкновенным туманом, разнеслась по острову. Об этом узнали и в Восточном Лесу, и в Северном Доле, и высоко в горах, и даже за горами – в Порт-Гонте. И случилось так, что на пятый день после Великого Истребления каргов в деревню Тэн Алдерс пришел незнакомец – человек средних лет, закутанный в плащ и с непокрытой головой. Опираясь он на длинный дубовый посох, высотой с него, и пришел не снизу, со стороны Ара, как большинство людей, а сверху, из высокогорных лесов. Деревенские кумушки с первого взгляда признали в нем волшебника, и когда он сказал, что сможет вылечить любую болезнь, его, не мешкая, отвели в дом кузнеца. Выпроводив из дома всех, кроме отца и тетки Дани, незнакомец склонился над кроватью, на которой, уставившись в темноту, лежал Дани. Он лишь положил руку мальчику на лоб и пальцем другой руки коснулся его губ.

Озираясь по сторонам, Дани медленно сел в постели. Через некоторое время к нему вернулся дар речи, к мальчику стали возвращаться силы, а вместе с ними – и аппетит. Подкрепившись, он снова прилег, не отрывая от странника своих темных глаз, в которых застыло удивление.

Кузнец сказал незнакомцу:

– Ты не простой человек.

– Этот мальчик тоже не будет простым смертным, – ответил тот. – Рассказы о битве в тумане дошли до Ре Альби, где я живу. Я пришел сюда, чтобы дать ему Имя, если он еще не

прошел Обряд Посвящения.

Колдунья прошептала на ухо кузнецу:

– Братец, это, должно быть, Маг Ре Альби, Огион Молчаливый, укротитель землетрясения...

– Господин, – сказал кузнец, которого знаменитое имя отнюдь не повергло в трепет, – тринадцать лет моему сыну исполнится через месяц, но мы хотели исполнить Обряд Посвящения зимой, на Празднике Возвращения Солнца...

– Пусть он получит Имя как можно скорее, – сказал маг, – оно ему необходимо. У меня сейчас другие дела, но я обещаю вернуться в назначенный тобой день. Потом, с твоего согласия, я заберу его с собой. Если он покажет себя, я возьму его в ученики, или прослежу, чтобы он получил приличествующее его таланту образование. Нельзя держать в невежестве разум, рожденный для великих дел. Это опасно.

Огион говорил очень тихо, но с такой уверенностью, что его правоту вынужден был признать даже упрямый кузнец.

И вот настал день тринадцатилетия Дани – изумительный осенний день, когда еще не опали ярко-желтые листья с деревьев. Из своих странствий по горам Гонта вернулся Огион, и Обряд Посвящения был исполнен. Колдунья взяла у мальчика имя, которое дала ему в детстве мать. Безымянный и нагой ступил он в холодный родник под высокими утесами, из которого берет свое начало река Ар. Когда мальчик вошел в воду, облака затмили солнце, и огромные тени упали на гладь источника. Паренек пересек небольшое озерцо с холодной, как лед, водой и вышел на другой берег, дрожа от холода, но держась как полагается – уверенно и прямо. На берегу его ждал Огион. Он взял мальчика за руку и, нагнувшись, прошептал ему на ухо его Настоящее Имя: ГЕД.

Так паренек получил свое Имя из уст того, кто был мудр и знал, как пользоваться данной ему силой.

Празднество было в самом разгаре – стол уставлен яствами и напитками, а сказитель из Долины пел песню о славных деяниях Повелителей Драконов, когда маг тихо сказал Геду:

– Пойдем, парень. Простись со всеми, и пусть они веселятся.

Гед взял с собой только самое необходимое: хороший бронзовый нож, выкованный для него отцом, кожаную куртку, подогнанную под его размер вдовой кожевника, и ольховый посох, на который наложила заклятие колдунья. Это было все его имущество, если не считать одежды, что была на нем. Гед попрощался со всеми жителями деревни – с единственными людьми, которых он знал на белом свете, и бросил прощальный взгляд на беспорядочно разбросанные у подножия высоких утесов дома родной деревни... Затем он отправился в путь со своим новым учителем по извилистым лесным тропинкам, сквозь буйство красок и теней чудесной золотой осени.

2. «Тень»

Геду представлялось, что, будучи учеником великого мага, он тотчас окунется в тайны волшебства. Он думал, что сразу научится понимать язык животных и шепот листьев в лесу, управлять ветром, принимать любое обличье, какое пожелает. Возможно, они вместе с учителем побегут по лесу в облике оленей, или долетят до Ре Альби на орлиных крыльях.

Действительность жестоко обманула его ожидания. Они шли пешком – сначала вниз по Долине, потом свернули на юго-запад, огибая Гору. Иногда они ночевали в маленьких деревушках, но большей частью встречали рассвет под открытым небом, подобно бедным странствующим заклинателям, бродягам или нищим. Ни одного заколдованного замка не встретилось на их пути, никаких приключений. Дубовый посох мага, на который Гед поначалу взирал с благоговейным ужасом, казался обыкновенной палкой – на нее было очень удобно опираться при ходьбе. Прошло три дня, затем еще один, а Гед не услышал из уст Огиона ни одного заклинания, не узнал ни одного нового Имени, ни одной руны.

Несмотря на свою молчаливость, Огион был настолько спокойным и мягким человеком,

что Гед быстро утратил благоговение перед ним и через пару дней набрался достаточно дерзости, чтобы спросить:

– Господин, когда же ты начнешь учить меня?

– Я уже начал, – ответил Огион. Некоторое время Гед молчал, как бы обдумывая что-то. Наконец он спросил:

– Но я же ничему новому не научился!

– Ты думаешь так, потому что не знаешь, чему я учу тебя, – ответил маг, все так же бодро шагая по тропе, ведущей через высокий перевал между Оварком и Виссом. Как и у большинства жителей Гонта, кожа Огиона была цвета темной меди; маг был светловолос, строен и жилист, как хорошая гончая, и мог шагать без усталости много миль. Говорил он редко, ел мало, а спал еще меньше. Зрение и слух его были остры чрезвычайно, и Геду часто казалось, что Огион к чему-то прислушивается.

Мальчик промолчал: понять волшебника порою очень трудно.

– Тебе хочется знать заклинания, – неожиданно сказал Огион. – Ты выпил уже слишком много воды из этого источника. Не торопись. Быть мужчиной – значит уметь терпеть. Быть Мастером – значит быть в десять раз терпеливее. Скажи мне, что это за растение возле тропинки?

– Бессмертник.

– А вон то?

– Не знаю.

– Оно называется четырехлистник. – Огион остановился и показал окованным медью наконечником своего посоха на невзрачный сорняк. Гед внимательно рассмотрел его, взял засохший стручок, и, видя, что Огион не собирается что-либо добавить к уже сказанному, спросил:

– Какая от него польза, Мастер?

– Никакой, насколько я знаю.

Они пошли дальше, и Гед скоро выбросил стручок.

– Когда ты будешь узнавать четырехлистник во все времена года по корешку, по листочку и по цветку, по виду, по запаху и по семени, только тогда ты сможешь научиться произносить его Настоящее Имя. А это больше, чем знать, какую он приносит пользу. Много ли проку от тебя или от меня? Полезна ли Гора Гонта или Открытое Море? – Какое-то время они шли молча, и наконец Огион сказал: – Чтобы слышать, нужно молчать!

Мальчик нахмурился. Ему показалось, что учитель смеется над ним, и это Геду совсем не понравилось. Но он не показал виду. Когда же Огион снизойдет до того, чтобы научить его хоть чему-нибудь? Мальчику уже начинало казаться, что он узнал бы гораздо больше, взяв себе в наставники какого-нибудь собирателя трав или деревенского колдуна и, пока они огибали Гору, углубляясь в глухие леса за Виссом, Гед все больше задумывался над тем, в чем же заключается могущество великого Мага Огиона. Когда пошел дождь, Огион даже не попытался его остановить или отвести в сторону, что с легкостью сделал бы любой заклинатель погоды. В таких странах, как Гонт или Энлад, где волшебники в избытке, часто можно видеть, как грозовое облако мечется с места на место, гонимое летящими с разных сторон заклинаниями, пока, наконец, не окажется над морем, где сможет без помех избавиться от молний и пролиться дождем. Но Огион позволил дождю идти, где ему вздумается. Он нашел густую ель и прилег под ней отдохнуть. Гед угрюмо скрючился среди промокшей хвои и стал думать о том, какой смысл обладать властью, если ты слишком мудр, чтобы пользоваться ей. Лучше бы он пошел в ученики к старому заклинателю погоды из Долины, по крайней мере, спал бы на сухой земле. Но вслух мальчик не произнес ни слова. А его учитель улыбнулся украдкой и уснул под дождем.

К тому времени, как на перевалах Гонта начал выпадать первый снег, они добрались до Ре Альби – родины Огиона. Это было маленькое селенье у подножия высоких скал Оверфелла, а его имя означало «Гнездо сокола». Отсюда открывался прекрасный вид на глубокую гавань и башни Порт-Гонта; на корабли, входившие в бухту между Боевыми

Утесами, а в ясную погоду у самого горизонта виднелись подернутые голубоватой дымкой холмы Оранза – самого восточного из Внутренних Островов.

Хотя в доме Огиона, большом и добротном, вместо обычного очага был настоящий камин с дымоходом, тем не менее он весьма походил на простую деревенскую хижину: всего одна комната, а в углу – загон для коз. В западной стене имелось что-то вроде ниши, где и спал Гед. Над его соломенной постелью находилось окно, выходившее на море, но большую часть времени ставни держали закрытыми, дабы защитить дом от ураганных ветров, дувших с севера и запада. В уютном полумраке этого дома Гед и провел зиму, обучаясь чтению и написанию Шестисот Рун Хардика. Он учил их с охотой, ведь без знания Рун простое зазубривание заклинаний не дает человеку настоящей власти. В языке Хардик было не больше магической силы, чем в любом другом языке, на котором говорили люди Архипелага, но корни его уходили в Древнее Наречие, которое все вещи в мире называет их Настоящими Именами. Путь к его пониманию начинается с этих Рун, записанных еще в те времена, когда Архипелаг только-только поднялся из морской пучины.

Никаких чудес по-прежнему не происходило. Всю зиму за стенами дома бушевала непогода, а Гед все так же переворачивал тяжелые страницы Книги Рун. Огион возвращался из своих путешествий по обледеневшему лесу, стряхивал снег с сапог и молча присаживался к огню. Бесконечно долгое молчание мага как бы заполняло комнату и, вместе с ней, мозг Гед, пока ему иногда не начинало казаться, что он забыл, как звучит человеческая речь, а когда Огион наконец что-то говорил, то его слова звучали так, словно он только что изобрел их, первым в мире обретя дар речи. Они, как правило, обозначали самые простые вещи: хлеб, воду, ветер, сон, не касаясь более сложных понятий.

Наконец, пришла весна, быстрая и яркая. Гед выполняя поручения Огиона, часто делал вылазки за целебными травами на горные луга над Ре Альби. Маг давал ему полную свободу, и Гед целые дни проводил в лесах и влажных от росы зеленеющих полях, странствуя по берегам бурных ручьев и получая при этом огромное удовольствие. Он уходил с рассветом, а приходил, когда уже темнело, но не забывал и о травах. Мальчик высматривал их, карабкаясь по скалам, бродя по лесу, переходя вброд мелкие речки, и всегда приносил что-нибудь домой. Однажды он случайно набрел на луг, где росло великое множество цветов, именуемых «белый орел», которые очень ценились у врачей. Гед вернулся туда на следующий день и обнаружил, что какая-то девочка уже опередила его. Он узнал ее – это была дочь лорда Ре Альби. Гед промолчал бы, но она сама подошла к нему и завела разговор.

– Я тебя знаю, ты – Сокол, ученик нашего Мага. Расскажи мне что-нибудь про волшебство!

Он угрюмо уставился себе под ноги, на белые цветы, легко касавшиеся подола ее белого платья, и что-то пробурчал в ответ. Но она говорила и говорила – открыто, беззаботно и своенравно, и мало-помалу Гед почувствовал себя свободнее. Она была девочкой примерно его возраста, высокой, с очень бледной, почти белой, кожей. В деревне говорили, что ее мать была родом с какого-то дальнего острова, чуть ли не с Оскила. Длинные прямые волосы девочки черным водопадом струились по плечам. Хотя она совсем не понравилась Геду, ему почему-то захотелось порадовать ее и заслужить ее благодарность. И чем дольше они говорили, тем сильнее становилось это желание. Она заставила его подробно рассказать всю историю о тумане, победившем воинов-каргов. Слушала она с таким видом, словно ей было чрезвычайно интересно, но когда он закончил, не стала хвалить его, и вскоре разговор перешел в другое русло:

– Ты можешь подзывать к себе зверей и птиц? – спросила она.

– Могу, – ответил Гед.

Он знал, что тут совсем рядом на утесе, возвышающемся над лугом, есть гнездо сокола, и он назвал птицу по Имени. Сокол прилетел, но не захотел сесть ему на руку, боясь девочки. Птица закричала, взмахнула своими широкими крыльями и взлетела в поднебесье.

– Как ты называешь волшебство, которое заставило прилететь сокола?

– Заклинание Вызова.

– А ты можешь заставить души умерших явиться к тебе?

Уж не издевается ли она над ним, подумал Гед. Ведь даже сокол не полностью подчинился его воле. Но нельзя же позволить ей посмеяться над ним...

– Смогу, если захочу, – ответил он уверенно.

– Наверно, это очень трудно и опасно...

– Трудно? Да. Опасно? – мальчик пожал плечами. На этот раз он был почти уверен в том, что в ее глазах промелькнуло восхищение.

– А можешь заставить одного человека полюбить другого?

– Для этого не надо быть большим мастером.

– Верно, – сказала она. – Любая деревенская колдунья в силах это сделать. А знаешь ли ты заклинания Изменения? Можешь ли ты менять свой облик, как настоящий волшебник?

И опять Гед не был уверен, спрашивает она в шутку или всерьез, и снова ответил:

– Смогу, если захочу.

Она начала упрощать его превратиться во что-нибудь: в ястреба, быка, огонь, дерево. Мальчик отвечал уклончиво, как обычно делал его учитель, но окончательно отказать ей так и не смог, так как она стала ему льстить. С другой стороны, Гед сам не мог понять, верит ли он своему же хвастовству, или нет. Гед ушел, сказав, что его ждет учитель и не вернулся обратно на следующий день. Но еще через день он пришел опять, уверив себя, что ему совершенно необходимо нарвать побольше белых цветов, пока они не опали. Девочка была уже там, и они вместе бродили босиком по мокрой траве, срывая тяжелые белые соцветия. Сияло весеннее солнце, и она говорила с ним весело и непринужденно, словно пастушка из его родной деревни. Она вновь расспрашивала его о колдовстве, слушая с широко открытыми от удивления глазами, и снова он не смог удержаться от хвастовства. Она спросила, может ли он произнести заклинание Изменения, а когда Гед начал отказываться, искоса взглянула на него, откинула с лица свои черные волосы и спросила:

– Боишься?

– Нет. Не боюсь!..

Она улыбнулась с едва заметным презрением:

– Наверно, ты еще слишком молод.

Этого он вынести не смог. Гед не стал оправдываться, но про себя решил доказать ей, что она не права. Он сказал, что если она хочет, пусть приходит на луг завтра. Распрощавшись с девочкой, он пулей кинулся домой, стараясь поспеть до прихода Огиона. Войдя в дом, Гед сразу кинулся к книжной полке и взял с нее два тома Книги Заклинаний, которые Огион еще ни разу не открывал в его присутствии.

Гед принялся искать заклинание Изменения, но все еще плохо разбираясь в древних рунах, не нашел его. Эти книги были очень стары, Огион получил их от своего учителя Хелета Ясновидящего, а тот, в свою очередь, от своего учителя – Мага Перрегала, и эта цепочка уходила во времена, описываемые в древних мифах. Почерк был мелкий и странный, многие слова были исправлены и исчерканы множеством рук, которые давно обратились в прах. Но в некоторых местах Гед понимал кое-что из того, что пытался прочесть и, помня вопросы, которые задавала ему девочка, а также ее насмешки, остановился на странице, где было записано заклинание Вызова душ умерших.

Когда он начал читать его, с трудом разбирая руны и символы, его охватил ужас. Гед не смог оторвать глаз от книги до тех пор, пока не дочитал заклинание до конца.

И только подняв голову, он заметил, что уже стемнело. Он читал без света, в темноте. Гед опять посмотрел в книгу и не смог различить ни единой руны. Но страх рос в нем, не было сил встать со стула, на котором он сидел. Внезапно ему стало очень холодно. Оглянувшись, Гед увидел нечто, притаившееся возле закрытой двери – бесформенный сгусток тени, который был чернее, чем сама тьма. Казалось, это нечто тянется к нему, шепчет и зовет его к себе, но он не понимал смысла обращенных к нему слов.

Вдруг дверь широко распахнулась, и кто-то вошел в комнату в сияющем белом ореоле и заговорил громко и решительно. Тьма растаяла и шепот стих – заклинание потеряло свою

силу.

Леденящий ужас отпустил Геда, но страх остался, потому что не кто иной, как Маг Огион, стоял в дверном проеме, окруженный ослепительным сиянием. Его дубовый посох пылал белым пламенем.

Он молча подошел к Геду, зажег лампу и поставил книги на полку. Потом Огион повернулся к мальчику и спросил:

– Ты ради этого заклинания открыл книгу?

– Нет, Учитель, – пробормотал Гед, и, залившись краской стыда, поведал Огиону, что он искал и почему.

– Разве ты не помнишь, я ведь говорил тебе, что мать этой девочки, жена Лорда – колдунья?

И в самом деле, Огион однажды упоминал об этом, но Гед тогда не обратил на его слова никакого внимания. Теперь-то он понимал, что если Огион говорит о чем-то, то на это у него есть серьезная причина.

– Девочка сама уже наполовину колдунья. Скорее всего, именно мать послала ее поговорить с тобой. Возможно, именно она открыла книгу на нужной ей странице. Силы, которым мы служим – разные силы. Я не знаю ее намерений, но добра она мне не желает. Слушай меня внимательно, Гед: тебе никогда не приходило в голову, что опасность неотделима от власти, как тень – от света? Магия – не игра, в которую мы играем ради собственного удовольствия или похвалы. Помни, что каждое слово, каждый поступок в нашем Искусстве служит или добру, или злу. Прежде чем сказать или сделать что-либо, ты должен узнать – какова цена, которую придется заплатить!

Со стыдом и отчаянием в голосе Гед воскликнул:

– Откуда же мне знать все это, если ты ничему меня не учишь! Я еще ничего не сделал, ничего не увидел...

– Сегодня, – прервал его маг, – ты кое-что увидел... у двери, в темноте, прежде чем я вошел.

Гед умолк.

Огион, встав на колени, положил в камин дрова и зажег огонь, так как в доме стало прохладно. Все еще стоя на коленях, он сказал своим тихим голосом:

– Гед, мой юный сокол, ты не обязан жить здесь или служить мне. Не ты пришел ко мне, а я к тебе. Ты слишком молод, чтобы сделать правильный выбор, а я не могу сделать его за тебя. Хочешь, я пошлю тебя на остров Рокк, где обучают великому искусству магии? Любая наука покорится тебе, ибо в тебе есть великая сила. Надеюсь, что она превосходит даже твою гордость. Без всякого сомнения, я охотнее оставил бы тебя здесь, но не стану удерживать тебя против воли. Выбирай между Рокком и Ре Альби.

Гед, сбитый с толку, молчал. Он полюбил этого человека, вылечившего его одним прикосновением. В Огионе не было ни капли злобы. Мальчик любил его, но осознал это лишь сегодня. Гед взглянул на прислоненный к стене дубовый посох, вспоминая ослепительное сияние, которое выжгло притаившееся во мраке Зло, и на мгновение ему захотелось остаться с Огионом, чтобы бродить с ним по лесам и учиться молчанию. Но в нем жили и другие желания, уже властно заявившие о себе – жажда славы и действия. Путь к совершенству, что предлагал Огион, был слишком долг, тогда как хороший парусник быстро перенесет его во Внутреннее Море, на Остров Мудрости, где даже воздух пронизан волшебством, и где среди чудес живет сам Верховный Маг.

– Учитель, – сказал он, – я должен ехать на Рокк.

Прошло несколько дней, и вот солнечным весенним утром Огион шагнул вместе с ним по крутой дороге через перевал, ведущей из Ре Альби в Порт-Гонт. У городских ворот, украшенных высеченными из камня драконами, стражники столицы Гонта, увидев мага, опустились на колени и отсалютовали Огиону обнаженными мечами. Узнав его, они воздали ему почести не только повинаясь приказу Принца, но и выражая свою любовь к нему – десять лет назад Огион спас Порт-Гонт от землетрясения, грозившего до основания

разрушить город и засыпать ведущий в гавань канал между Боевыми Утесами. Тогда он успокоил трепещущую Гору мягкими словами, как успокаивают испуганного зверя. Гед когда-то слышал об этом и теперь, пораженный видом стражников, преклонивших колени перед его невозмутимым учителем, почти со страхом смотрел на человека, который укротил стихию. Но лицо мага было как всегда невозмутимо.

Они спустились к гавани, где Начальник Порта радушно встретил Огиона и осведомился, чем может быть ему полезен. Маг объяснил, и тот сразу указал на корабль, который направлялся во Внутреннее Море, и который мог взять Геда на борт в качестве пассажира.

– Или его могут взять ветрогоном, если он владеет этим ремеслом, – добавил он. – У них нет на борту заклинателя погоды.

– Ему некогда удавались кое-какие трюки с туманом, – сказал маг, положив руку на плечо Геда. – Но не шути с морем и штормами, Сокол, ты пока что сухопутная крыса. Начальник, как называется этот корабль?

– «Тень» с Андрад, идет в Хорттаун с грузом мехов и китовой кости. Хороший корабль, Мастер Огион.

Маг помрачнел, услышав название судна, но, тем не менее, сказал:

– Пусть так и будет. Отдай это письмо Хранителю Школы на Рокке, Сокол. Попутного ветра... Прощай!

Огион отвернулся и пошел вверх по улице, ведущей к выходу из гавани, не сказав больше ни слова. Гед, несчастный и покинутый, с тоской глядел ему вслед.

– Пойдем, парень, – сказал Начальник Порта и повел его к причалу, где «Тень» готовилась поднять паруса.

Может показаться странным, что на острове шириной всего пятьдесят миль человек может провести все детство и юность в деревне, у подножия утесов, с которых видна бесконечная гладь моря, так ни разу не увидев вблизи лодки и не опустив палец в соленую воду... Но это так. Фермер, пастух, охотник или ремесленник видит в океане только соленое неустойчивое царство, с которым не желает иметь ничего общего. В двух днях пути от его деревни – уже чужая страна, а остров на расстоянии дневного перехода под парусом – это мираж, туманные холмы на горизонте, а не та твердая земля, по которой он ходит.

Для Геда, никогда не спускавшегося с гор, порт был местом, внушающим одновременно страх и восхищение. Огромные дома и башни из тесаного камня, набережная, доки и пристани – морские ворота острова, где полсотни шхун и галер качались на волнах у пирсов, или лежали, вытасканные на берег, перевернутые для ремонта, или стояли на рейде со спущенными парусами и убранными веслами; моряки, разговаривающие на странных наречиях; грузчики, бегущие с тяжелыми тюками на плечах между бочек, ящиков, свернутых канатов и сваленных в кучи весел; бородатые купцы в подбитых мехом плащах, которые беседовали друг с другом, осторожно ступая по скользким камням набережной; рыбаки, выгружающие улов. Бондари колотили молотками, корабелы пилили, продавцы моллюсков расхваливали товар, капитаны ругались, и за всем этим – тихая, залитая солнцем бухта. Совершенно ошарашенный подобным зрелищем, Гед проследовал за Начальником Порта к причалу, где была пришвартована «Тень», и был представлен капитану корабля.

После коротких переговоров капитан согласился взять Геда пассажиром до Рокка – не принято отказывать магу в пустячной просьбе. Начальник Порта ушел, оставив их наедине... Капитан, он же хозяин «Тени», был настоящим великаном – высокий и толстый, как бочка. Одет он был в красный, отороченный мехом плащ, который носили андрадские купцы. Не глядя на Геда, он спросил сочным басом:

– Можешь делать погоду?

– Могу.

– А ветер можешь менять?

Гед сознался, что не может, после чего капитан приказал ему найти такое местечко, где он не будет путаться под ногами, и не высовывать оттуда носа.

На борт стали подниматься гребцы – «Тени» нужно было до заката выйти на рейд, чтобы успеть с ночным отливом выйти в море. Места, где можно не путаться под ногами, на корабле не было, но Гед ухитрился забраться на кучу прикрытых шкурами тюков на корме судна, и оттуда внимательно наблюдал за всем, что происходило вокруг. Подошли последние гребцы – крепкие мужчины с огромными ручищами, грузчики с грохотом закатили бочки с водой и поставили их под скамьями. Готовый к отплытию, тяжело груженный корабль, низко осев, слегка покачивался на плещущихся о пирс волнах. Рулевой занял свое место справа от мостика и поглядывал на капитана, стоявшего на дощатом настиле на носу корабля, который был украшен деревянной скульптурой Старого Змея Андрада. Капитан проорал во все горло приказ, «Тень» отдала швартовы и была отбуксирована от причала двумя баркасами. Потом он проревел: «Открыть порты!» – и на воду опустились огромные весла, по пятнадцать с каждой стороны. Спина гребцов напряглись, и паренек, стоявший рядом с капитаном, начал отбивать ритм на маленьком барабане. Корабль легко, как чайка, устремился вперед, городской шум отдалялся, пока, наконец, не затих вдали. Они вышли в спокойные воды бухты, над которой возвышалась, казалось, нависавшая над морем белоснежная вершина Горы. В устье ручья у подножия Боевых Утесов был брошен якорь, и там они заночевали.

На корабле было около семидесяти членов экипажа, среди них нашлось и несколько ровесников Гед. Они пригласили его разделить с ними еду и питье, и были настроены вполне доброжелательно, хотя держались немного грубовато и так и сыпали шуточками, иногда отнюдь небезобидными. Они сразу прозвали его Пастушком – ведь он был родом с Гонта, но до более обидных шуток дело не дошло. Для своих пятнадцати лет Гед был высоким, сильным парнем, не лез за словом в карман, так что его быстро приняли в компанию. С первого же дня он стал жить одной жизнью с командой, не отлынивая от работы. Это вполне устраивало офицеров – на торговых судах нет места праздношатающим.

На беспалубной галере, битком набитой людьми и грузом, не могло быть и речи о каких-то удобствах, но Гед о них и не помышлял. Он лежал среди тюков кож с северных островов, глядя на яркие весенние звезды и городские огни, отражающиеся в спокойной воде залива. Незаметно для себя он уснул и проснулся в прекрасном настроении. Незадолго до восхода солнца начался отлив. Они подняли якорь и «Тень» на веслах вышла между Боевыми Утесами в море. Когда первые лучи солнца коснулись вершины Горы, корабль поднял главный парус и резво побежал на юго-запад через Гонтийское Море.

При легком попутном ветре они прошли между Барником и Торхевеном и на второй день увидели Хавнор, Великий Остров, сердце Архипелага. Три дня плыли они вдоль зеленых холмов его восточного берега, не приставая к нему. Только через много, много лет довелось Геду ступить на землю Хавнора и своими глазами увидеть белоснежные башни Великого Порты.

Одну ночь они провели, лежа в дрейфе у Кембермаута, северного порта острова Уэй, следующую – у маленького городка в бухте Фелкуэй, а на следующий день – обогнули мыс О и вошли в проливы Эбанора. Здесь они спустили парус и взялись за весла, медленно лавируя среди больших и маленьких кораблей. Некоторые из них возвращались со странными грузами после многолетних скитаний во Внешних Пределах, другие, словно воробы, прыгали с острова на остров во Внутреннем Море. Выйдя из переполненных кораблями проливов и повернув на юг, они оставили Хавнор за кормой и между сказочно красивыми островами Арк и Илиен, на склонах гор которых высились башни городов, вошли во Внутреннее Море, встретившее их штормом и проливным дождем. Корабль начал с трудом пробираться к острову Рокк.

Когда ночью свежий ветер перешел в ураган, они спустили парус, сняли мачту и гребли без отдыха целый день. Длинный корабль устойчиво держался на волнах и храбро шел вперед, но вокруг был только дождь и ничего кроме дождя. Они шли по компасу на юго-запад, четко зная, куда идут, но совершенно не представляя, где сейчас находятся. Гед слышал, как некоторые матросы говорили об опасностях мелководья к северу от Рокка и

скал Борильо на востоке, а другие утверждали, что «Тень», должно быть, сбилась с курса и блуждает теперь в безлюдных водах к югу от Камери. Ветер все усиливался, на верхушках волн стали появляться хлопья пены, а они все гребли и гребли на юго-запад. Смены на веслах были сокращены – работа выжимала из людей последние силы. Юноши садились по двое за одно весло, и Гед трудился наравне со всеми, так уж повелось с тех пор, как корабль покинул порт. Те, кто в данный момент не греб, вычерпывали воду – море принялось за «Тень» всерьез. Но корабль упрямо продолжал пробивать себе путь сквозь волны, которые из-за ураганного ветра походили на дымящиеся горы. Холодный дождь хлестал гребцам в спины, а стук барабана звучал сквозь рев ветра, как биение изнемогающего сердца.

Гед сидел у весла, когда к нему подошел человек и сменил его, сказав, что капитан ждет его на носу корабля. Вода ручьями стекала с плаща капитана, но он стоял на мостике твердо, как полная до краев винная бочка. Поглядев на Геда сверху вниз, он спросил:

– Можешь прекратить бурю?

– Нет, сэр!

– А с железом обращаться умеешь? – он имел в виду, может ли Гед заставить стрелку компаса повиноваться воле человека и вместо севера показывать направление на Рокк. Но этим искусством владели лишь Чародеи Моря, и Гед опять ответил отрицательно.

– Тогда, – прорычал капитан сквозь вой ветра, – придется тебе поискать корабль, чтобы вернуться на Рокк из Хорттауна. Рокк, должно быть, находится сейчас к западу от нас, и только волшебство может помочь нам попасть туда. Мы вынуждены плыть строго на юг.

Геду это совсем не понравилось, ибо он слышал рассказы матросов о том, что Хорттаун – воплощение беззакония, там человека запросто могли схватить и продать в рабство в Южный Предел. Вернувшись от капитана, он уселся на свое место, рядом с крепким парнем с Андрад, и продолжал грести. Он слышал стук барабана, видел раскачиваемый ветром мерцающий фонарь на корме – единственное светлое пятно в исхлестанном дождем полумраке. Но как только позволял безжалостный ритм гребли, Гед поглядывал на запад, и когда большая волна в очередной раз подняла корабль, увидел в разрыве облаков над темной беснующейся водой свет, похожий на последний отблеск заката: но свет был белый, а не красный...

Хотя его напарник не заметил света, он сообщил об этом происшествии другим. Рулевой стал смотреть в ту сторону каждый раз, когда судно вздымалось на высокой волне и тоже увидел свет, но крикнул, что это, наверное, садится солнце. Тогда Гед попросил одного из матросов, черпавших воду, немного погрести вместо него, и пробрался по загроможденному проходу между скамей на нос корабля. Ухватившись за канат, чтобы не смыло за борт, он крикнул капитану:

– Сэр! Тот свет на западе – остров Рокк!

– Не вижу никакого света! – гаркнул тот в ответ, но в этот миг Гед протянул вперед руку и сквозь бушевавший вокруг кромешный ад все увидели ясное белое сияние.

Не ради пассажира, а спасая корабль из объятий шторма, капитан мгновенно отдал приказ рулевому следовать на запад, к свету, но все же предупредил Геда:

– Парень, ты говоришь, как Чародей Моря, но если ты ошибся, я своими руками вышвырну тебя за борт. Добирайся до Рокка вплавь!

Изменив курс, «Тень» вместо того, чтобы убегать от шторма, пошла наперерез волнам. Грести стало еще труднее – весла то и дело вырывались из воды. Волны били в борт, кружа и сбивая корабль с курса, перекачиваясь через него. Воду теперь вычерпывали беспрерывно. Тьма окружила их, но свет на западе не слабел, и они уверенно держали курс. Скоро ветер немного утих, и сияние перед ними стало разгораться. Внезапно, между двумя ударами весел, корабль прорвался сквозь завесу шторма и в прозрачном воздухе перед ними засияла вечерняя заря. Невдалеке, среди покрытых пеной волн, они увидели высокий круглый зеленый холм, а подле него – город в маленькой бухте, в которой стояли на якорях, мирно покачиваясь на волнах, несколько рыбацких баркасов.

Кормчий устало облокотился на руль и позвал капитана:

– Сэр, это действительно земля или наваждение?
– Держи курс, дубина стоеросовая! А вы, бесхребетные рабские душонки, гребите! Каждому идиоту видно, что это бухта Твилл и Холм Рокка! Гребите!

Подчиняясь ритму барабана, устало склоняясь над веслами, они вошли в бухту. Здесь было так тихо, что можно было расслышать голоса людей на берегу, звон колоколов в городе, и только где-то далеко позади ревел и бесновался шторм. Низкие черные облака затянули все небо, не приближаясь, однако, к острову ближе чем на милю. В тихом ясном небе над Рокком одна за другой загорались звезды...

3. Школа Магов

Гед провел эту ночь на борту «Тени», а ранним утром, распрощавшись со своими товарищами-моряками, кричавшими ему с корабля веселые напутствия, сошел на берег. Твилл оказался небольшим городком, его высокие дома сгрудились вдоль нескольких крутых и узких улочек. Но Геду Твилл показался огромным городом. Не зная, в какую сторону направиться, он остановил первого попавшегося ему навстречу прохожего и спросил, где ему найти Хранителя Школы Рокка. Человек посмотрел на него искоса и сказал:

– Умный сам найдет дорогу, а глупцу совет не поможет, – после чего отправился дальше по своим делам. Гед шел вверх по улице до тех пор, пока не вышел на площадь. С трех сторон ее окружали дома с остроконечными, покрытыми шифером, крышами, а замыкала периметр стена величественного здания, маленькие окошки которого были выше, чем дымовые трубы соседних домов. Сложенное из огромных серых каменных блоков, оно напоминало крепость или замок. Рядом с ним расположился небольшой, но весьма оживленный рынок. Гед повторил свой вопрос какой-то старухе, которая несла корзину моллюсков. Она ответила:

– Не всегда можно найти Хранителя там, где он есть, но иногда его можно найти там, где его нет, – и продолжала громко расхваливать свой товар.

Невдалеке от угла здания в стене имелась небольшая деревянная дверь. Гед подошел, громко постучал и решительно сказал старику, открывшему дверь:

– У меня есть письмо от Мага Огиона к Хранителю Школы на этом острове. Мне нужен Привратник, и я не собираюсь выслушивать загадки и насмешки!

– Это и есть та самая Школа, – дружелюбно ответил старик, – а я – Привратник. Входи, если сможешь.

Гед шагнул вперед. Ему показалось, что он переступил порог, но, к его величайшему удивлению, на самом деле он остался стоять на том же месте на тротуаре.

Юноша сделал еще шаг и опять не сдвинулся с места. Старик изнутри спокойно наблюдал за ним.

Гед был не столько озадачен, сколько разозлен этим, как ему казалось, продолжающимся издевательством над ним. Руками и голосом соткал он заклинание Открытия, которому в свое время его научила тетка. Это было лучшее из всех ее заклинаний, и Гед произнес его уверенно, но деревенское колдовство не произвело на силу, которая мешала ему войти, ни малейшего впечатления.

Не зная, что делать дальше, Гед долго стоял у двери. Наконец он взглянул на старика, который стоял внутри.

– Я не смогу войти, – сказал юноша бессильно, – если ты не поможешь мне.

– Скажи мне свое Имя, – ответил тот. И снова Гед задумался. Человек не должен произносить вслух свое Имя – разве только тогда, когда ставка больше, чем его жизнь.

– Меня зовут Гед, – сказал он громко и вошел в открытую дверь. При этом ему показалось, что, хотя солнце светило ему в спину, какая-то тень проскользнула внутрь вместе с ним.

Обернувшись, Гед увидел, что дверь, которую Привратник закрыл за ним, была сделана вовсе не из дерева, как ему показалось сначала, а из белой, как снег, кости, без единого шва.

Потом он узнал, что она была выточена из зуба Великого Дракона. Сквозь нее тускло просвечивало солнце, на внутренней ее стороне было вырезано Тысячелистное Дерево.

– Добро пожаловать в наш Дом, парень, – сказал старик и, не произнеся больше ни слова, повел его по залам и коридорам вглубь здания. Скоро они вышли на вымощенный камнем внутренний дворик, расположенный прямо под открытым небом. В центре его, на лужайке под молодыми деревцами, играл и переливался в лучах солнца небольшой фонтан. Здесь Привратник оставил Геда на некоторое время одного. Юноша стоял, не двигаясь, и сердце его отчаянно колотилось – ему казалось, что он ощущает присутствие каких-то могучих сил. Он понял, что все здесь построено не столько из камня, сколько из волшебства, куда более крепкого, чем камень. Гед стоял в открытом небу сердце Дома Мудрости. Внезапно он увидел прямо перед собой закутанного в белый хитон человека, наблюдавшего за ним сквозь падающие струи фонтана.

В тот миг, когда глаза их встретились, какая-то птица звонко запела на ветке. И Гед понял, о чем поет птица; понял язык журчащей в чаше фонтана воды. Он понял, о чем говорят облака на небе, о чем шелестят качаемые ветерком деревья. Ему показалось, что и сам он – слово, произнесенное солнечным светом.

Но этот миг прошел, и Гед, вместе с окружающим его миром, стал таким же, как и прежде. Впрочем, не совсем таким... Он ступил вперед и, преклонив колени перед Верховным Магом, подал ему написанное Огионом письмо.

Неммерле, Верховный Маг, Хранитель Рокка, был глубоким стариком. Говорили, что старше его нет никого на свете. Добрым, но слабым от старости голосом он вежливо поздоровался с Гедом. Борода, и хитон Верховного Мага были белы, как снег. Казалось, медленное течение времени вымыло из него всю черноту и тяжесть, оставив только легкость и белизну, и сделав его похожим на ствол дерева, проплававший не одну сотню лет в море.

– Глаза мои ослабели к старости, и я не могу прочесть письмо твоего учителя, – сказал он дрожащим голосом. – Прочти мне письмо, паренек.

Гед вскрыл конверт и громко прочитал письмо вслух. Оно гласило: «Лорд Неммерле! Посылаю к тебе того, кто станет величайшим среди волшебников Архипелага, если ветер подует в нужную сторону». Подписано письмо было не Настоящим Именем Огиона, а его руной, обозначающей Сомкнутые Уста.

– Тебя послал тот, кто смог удержать в узде землетрясение, и поэтому мы рады тебе вдвойне. Огион дорог мне с тех пор, как он совсем молодым приплыл к нам с Гонта. Расскажи-ка мне, парень, о морях, по которым ты путешествовал, и о предзнаменованиях, которые наблюдал.

– Путешествие было приятным, мой господин, если не считать вчерашнего шторма.

– На каком корабле ты приплыл?

– «Тень», корабль с Андрад.

– Чья воля привела тебя сюда?

– Моя собственная.

Верховный Маг взглянул на Геда, потом отвел глаза и заговорил на незнакомом Геду языке. Речь его была неразборчива, как у старого человека, чей разум странствует среди прожитых лет и далеких стран. Но в его бормотании слышны были слова, которые пропела птица, и которые прожурчал фонтан. Он не произносил заклинаний, но в голосе его чувствовалась такая сила, что Гед был совершенно зачарован. На какое-то мгновение ему показалось, что он видит себя со стороны, одиноко стоящим на обширной пустоши среди призрачных теней. На самом деле юноша по-прежнему находился на залитом солнцем дворике возле журчащего фонтана.

В это время, ступая по камням и траве, к ним подошел ворон с острова Осскил – огромная черная птица. Ворон приблизился к Верховному Магу и встал рядом с ним, черный, как ночь, с кинжалообразным клювом и глазами, похожими на прибрежную гальку. Он искоса посмотрел на Геда, потом три раза клюнул белый посох, на который опирался Неммерле, и бормотание внезапно прекратилось. Верховный Маг улыбнулся.

– Беги и поиграй, паренек, – сказал наконец он Геду, словно ребенку. Юноша вновь преклонил колени и склонил голову. Когда он поднялся, Неммерле исчез. Только ворон глядел на него, вытянув шею, словно пытаясь клюнуть внезапно пропавший посох.

Он заговорил, как предположил Гед, на языке острова Оссил.

– Терренон уссбак, – хрипло прокаркал ворон. Потом, подумав, добавил: – Терренон уссбак оррек. – И, важно ступая, ушел туда, откуда появился.

Не зная толком, куда направиться, Гед повернулся и пошел прочь из дворика. Под аркой ему встретился высокий юноша, который очень вежливо представился, слегка поклонившись:

– Меня зовут Джаспер, сын Энвита. Я из Эолга, что на острове Хавнор. Сегодня я буду в вашем распоряжении, покажу наш Большой Дом и отвечу на ваши вопросы, если смогу. Как прикажете величать вас, сэр?

Гед, деревенский парень, никогда не бывавший в обществе детей богатых купцов и знатных вельмож, подумал, что Джаспер просто издевается над ним, когда кланяется и говорит ему «сэр». Он коротко ответил:

– Меня кличут Соколом.

Юноша подождал еще минутку, как будто ожидая более вежливого ответа, и, не получив такового, выпрямился и отступил немного в сторону. Он был на два-три года старше Геда, очень высок и двигался со своеобразной грацией. Как танцор, подумал Гед. На Джаспере был серый плащ с откинутым назад капюшоном. Первым делом он привел Геда в гардероб, где тот, как студент Школы, мог выбрать себе такой же плащ по своему размеру, а также любую другую одежду, которая ему понадобится. Когда Гед надел понравившийся ему темно-серый плащ, и Джаспер сказал:

– Теперь ты один из нас.

Джаспер имел обыкновение чуть-чуть улыбаться при разговоре, и Гед невольно начинал искать в его вежливых словах скрытую насмешку. Он угрюмо спросил:

– Разве одежда делает человека магом?

– Нет, – последовал ответ, – хотя я где-то слышал, что хорошие манеры делают человека человеком... Куда теперь?

– Куда хочешь. Я тут ничего не знаю.

Джаспер повел его по коридорам Большого Дома, показывая ему открытые дворики и спрятанные под крышей залы: Комнату Полок, где хранились книги преданий и исписанные рунами тома, огромный Зал Очага, где вся Школа собиралась в праздничные дни. Потом он провел его наверх – в башни и мансарды под крышей, где в маленьких комнатках жили студенты и Мастера. Геда поместили в Южную Башню. Из окна его комнаты были видны крутые крыши Твилла, а за ними – море. Как и в других комнатах, здесь не было никакой мебели, только в углу лежал набитый соломой матрас.

– Мы живем очень скромно, – сказал Джаспер, – но я думаю, ты ничего не имеешь против.

– Я привык к простоте, – ответил Гед и, желая показать, что он ничем не хуже этого вежливого надменного юнца, добавил: – Правда, мне кажется, что когда ты появился здесь, у тебя еще не было такой привычки.

Джаспер посмотрел на него, и его взгляд как бы говорил: «Что ты можешь знать о том, к чему я, сын лорда Эолга, привык или не привык?». Но вслух он сказал лишь:

– Нам сюда.

В это время прозвучал гонг, и они спустились вниз, в столовую, чтобы за Длинным Столом разделить полуденную трапезу с сотней других мальчиков и молодых людей. Каждый обслуживал себя сам, накладывая еду из огромных дымящихся котлов и перекидываясь при этом шутками с поварами, после чего занимал любое понравившееся место.

– Говорят, – сказал Джаспер, – что сколько бы народу не село за этот стол, всегда остается свободное место. – И действительно, места хватало и для шумных групп юнцов,

евших и разговаривавших с одинаковым усердием, и для старших студентов с серебряными застёжками на плащах около шеи, молча поглощавших еду с таким серьезным и задумчивым видом, словно они решали неимоверно трудные проблемы. Джаспер и Гед уселись рядом с приземистым парнем по имени Ветч, который в основном молчал и с решительным видом запихивал в себя еду. По его акценту было заметно, что родом он из Восточного Предела. У него была очень темная кожа – не красновато-коричневая, как у Геда, Джаспера и большинства народов Архипелага, а черно-коричневая. Он не выделялся ни внешностью, ни изысканными манерами. Закончив обед, он повернулся к Геду и сказал:

– По крайней мере, этот обед – не иллюзия, которых здесь предостаточно. Чувствуется, как он прилипает к ребрам.

Гед не понял, что тот имел в виду, но почему-то сразу почувствовал расположение к Ветчу и был рад, когда он после обеда остался с ними.

Они все вместе спустились в город, и Гед смог наконец повнимательнее рассмотреть его. Короткие и немногочисленные улочки Твилла так извивались и поворачивали под такими немыслимыми углами среди домов с высокими крышами, что заблудиться было немудрено. Станный это был город, и странные люди жили в нем. На первый взгляд они казались обычными рыбаками, ремесленниками, землевладельцами, но, живя в постоянной атмосфере волшебства Острова Мудрости, сами стали наполовину магами. Как Гед уже убедился на собственном опыте, они всегда говорили загадками, и ни один из них не моргнул бы и глазом, если бы увидел, как, например, мальчик превращается в рыбу, или дом взмывает в небо. Горожане сразу догадались бы, что это проделки безответственного юнца-студента и продолжали бы как ни в чем не бывало чинить ботинки или рубить баранину.

Выйдя из Задней Двери, ребята прошли через сад Большого Дома и, перейдя по деревянному мостику через чистую и быструю речку Твиллберн, зашагали по петлявшей среди лугов и рощ тропинке на север. Они прошли мимо дубового леса, в глубине которого, несмотря на яркое солнце, прятались густые черные тени. Впереди они увидели рощу, которую Гед никак не мог толком рассмотреть. До нее было, казалось, рукой подать, но они, сколько ни шли, не приближались к ней ни на шаг. Гед не мог даже разобрать, что за деревья там растут. Ветч сказал тихо:

– Это Вечная Роща. Мы не сможем даже приблизиться к ней...

На залитых обжигающими лучами солнца лугах повсюду цвели какие-то желтые цветы.

– Искрянка, – сказал Джаспер. – Она растет там, где ветер развеял пепел горящего острова Илиен, когда Эррет-Акбе оборонял Внутренние Острова от Огненного Лорда. – Он сорвал один увядший цветок, подул на него, и семена, подобно огненным искрам, взлетели вверх.

Через некоторое время тропа привела их к высокому, круглому холму, поросшему яркой зеленой травкой. Именно этот холм и увидел Гед с корабля, когда тот вошел в зачарованные воды острова Рокк. Джаспер остановился на склоне холма.

– Дома, на Хавноре, я много слышал об искусстве волшебников Гонта, и всегда о них говорили с похвалой. Мне давно хотелось познакомиться с их манерой плести заклинания. Теперь и у нас появился гонтиец, и мы стоим на склонах Холма Рокка, чьи корни доходят до центра Земли. Все заклинания имеют здесь огромную силу. Сделай что-нибудь, Сокол. Покажи нам свой стиль.

Застигнутый врасплох и сконфуженный, Гед не нашелся, что ответить.

– Потом, Джаспер, – сказал Ветч в своей обычной прямой и открытой манере. – Пусть он сначала немного освоится.

– У него есть и мастерство, и сила, иначе Привратник не впустил бы его. Почему бы ему не показать себя? Верно, Сокол?

– Правильно, у меня есть и то и другое, – сказал Гед. – Объясни, чего ты хочешь от меня.

– Иллюзий, конечно – разных трюков, обмана зрения. Например, как этот!

Вытянув палец, Джаспер произнес несколько странных слов и в том месте, куда он указывал, среди зеленых стеблей травы появилась тонкая струйка воды. Вскоре из склона Холма забил родник. Гед опустил в него руку – казалось, это настоящая вода, чистая и прохладная. Но ею не утолить жажды – то была всего лишь иллюзия. Еще одним словом Джаспер остановил поток и все стало как прежде, даже трава не намокла.

– Теперь ты, Ветч, – сказал он с холодной улыбкой.

Ветч угрюмо почесал затылок, взял в руки немного земли и начал что-то, фальшивя, напевать себе под нос. Пальцы его в это время мяти, гладили, раскатывали комок земли, придавая ему какую-то форму, и внезапно тот превратился в маленькое насекомое – не то в шмеля, не то в мохнатую муху. Посидев немного на руке Ветча, оно с жужжанием улетело прочь.

Гед совершенно упал духом. Что он знает, кроме деревенского колдовства? Он умеет лишь созывать коз, лечить бородавки, перетаскивать мешки, да чинить протекающие горшки.

– Я не занимаюсь такими фокусами, – сказал он.

Для Ветча этого было вполне достаточно, но Джаспер тут же спросил:

– А почему?

– Волшебство – не забава. Мы, гонтийцы, не играем в волшебников для собственного удовольствия, – ответил Гед высокомерно.

– А для чего же? – вкрадчиво осведомился Джаспер. – Ради денег?

– Нет... – но он так и не смог придумать, что бы еще сказать, дабы скрыть свое невежество и спастись от позора. Джаспер беззлобно рассмеялся и повел их дальше вокруг Холма. Гед плелся сзади, понимая, что вел себя как глупец, и вина во всем Джаспера.

В эту первую ночь, когда Гед, закутавшись в плащ и вслушиваясь в заполнившую Большой Дом Рокка тишину, лежал на соломенном матрасе в своей темной и холодной каменной камерке, мысль о всех тех заклинаниях и заклетах, которые звучали в этих стенах, леденила его душу. Тьма сомкнулась над ним, по коже мальчика пробежали мурашки. Как ему хотелось сейчас оказаться где-нибудь вдали от Рокка! Но в этот момент в дверь постучал Ветч и спросил, можно ли ему зайти и немного поболтать с ним. Над его головой покачивался голубоватый огонек-обманка, освещавший ему путь. Он присел и стал расспрашивать Геду о Гонте, а потом с любовью заговорил о своих родных островах в Восточном Пределе. Ветч рассказывал, как по вечерам слабый ветерок носит дым деревенских очагов между островами с забавными именами: Корп, Холп и Копп, Венвей и Вемиш, Иффиш, Коппиш и Снег. Чтобы Геду было понятнее, он пальцем рисовал на каменном полу их очертания, и проведенные им линии некоторое время светились тусклым серебристым светом. Ветч проучился в Школе уже три года и скоро должен был стать волшебником – и он пользовался магией так же непринужденно, как птица – крыльями. Но он владел еще одним искусством, которому нельзя было научиться – добротой. В эту ночь Ветч предложил Геду свою дружбу, спокойную и открытую, и Гед не мог не ответить ему тем же.

Правда, Ветч дружил и с Джаспером, который в первый же день заставил Геду показать себя на Холме Рокка круглым дураком. Гед помнил об этом, да и Джаспер, который всегда разговаривал с ним очень вежливо, но постоянно усмехаясь, явно не забыл о его позоре. Это больно задевало Геду. Он поклялся в один прекрасный день показать Джасперу, да и всем остальным, среди которых тот был заводилой, насколько в действительности велика его сила. Ведь не эти мелкие фокусники спасли деревню, и ни об одном из них Огион не написал, что он станет величайшим волшебником Архипелага.

Итак, подхлестываемый задетой гордыней, Гед усиленно налег на науки, которым учили носящие серые плащи Мастера Рокка – их звали Девять Мудрых.

Каждый день часть своего времени он проводил с Мастером Сказителем, впитывая Деяния героев и Пути мудрости, начиная с самой древней баллады «Сотворение Эа». Потом, с дюжиной других студентов, он практиковался с Мастером Ветров в умении управлять

ветрами и погодой. Весной и ранним летом они все погожие дни проводили в бухте Рокка, учась управлять маленькой легкой лодкой при помощи слов, умирять волны, разговаривать с настоящим ветром и поднимать ветер магический. Это очень тонкое искусство, и Гед частенько получал синяки и шишки, не успевая увернуться от гика, когда ветер внезапно начинал дуть в другую сторону. Или вдруг его лодка сталкивалась с другой, хотя вся бухта была в их распоряжении; или он вместе с двумя товарищами оказывался в воде, когда огромная, невесть откуда взявшаяся волна переворачивала их утлое суденышко. Более спокойными были пешие походы с Мастером Целителем, вводившим их в мир растений. Мастер Руки учил фокусам, жонглированию и азам искусства Перевоплощения.

Наука давалась Геду легко, и уже через месяц он обогнал ребят, проводивших в Школе целый год. Особенно хорошо получались у него иллюзии. Казалось, этот дар заложен в нем с рождения и теперь он лишь вспоминает что-то давно забытое. Мастер Руки, мягкий и добрый человек, был бесконечно влюблен в то искусство, которое преподавал. Гед сначала благоговел перед ним, но вскоре это чувство прошло, и он начал одолевать старика вопросами. Мастер всегда улыбался в ответ и показывал Геду все, что тот хотел. Но однажды, желая наконец посрамить Джаспера, Гед сказал Мастеру:

– Сэр, подобные заклинания все на одно лицо, если знаешь одно, можно сказать, что знаешь их все. Но в конце концов любая иллюзия исчезает. Если я превращу камешек в алмаз, – и он быстро сделал это, взмахнув рукой и произнеся какое-то слово, – что я должен сделать, чтобы он навсегда остался алмазом? Как заставить заклинание длиться вечно?

Мастер Руки внимательно посмотрел на драгоценность, которая сверкала на ладони Геда, словно гордость коллекции какого-нибудь дракона. Затем произнес одно лишь слово: «Толк», и алмаз вновь стал невзрачным серым осколком скалы. Мастер взял его и поднес поближе к глазам.

– Этот камень, – сказал он, мягко глядя на Геда, – на Истинном Языке называется «Толк». Осколок гранита, из которого сложен наш остров, частица суши, на которой живут люди. Он – часть нашего мира. Пользуясь заклинаниями Изменения, можно придать ему облик алмаза, цветка, пчелы, глаза или огня. – Камень последовательно превращался в те предметы, которые он называл, а затем вновь становился самим собой. – Но все это только видимость. Иллюзия обманывает чувства смотрящего, она заставляет его видеть, слышать и чувствовать превращение какого-либо предмета. Но она не изменяет самой вещи. Чтобы сделать из этого камня настоящую драгоценность, ты должен дать ему другое Имя. А для этого, сынок, необходимо изменить сам мир, частью которого является камень. Это действительно можно сделать. Ты научишься этому у Мастера Изменения, когда будешь к этому готов. Но ты не должен изменять ни единой песчинки, пока не будешь точно знать, что последует за твоим действием – добро или зло. Мир находится в равновесии, но заклинания Изменения или Вызова могут поколебать его. Это очень опасно. Такие поступки обязательно должны опираться на знания и служить определенной цели. Когда зажигаешь свечу, появляются тени...

Он вновь взглянул на камешек.

– Знаешь, камень – тоже неплохая штука. Если бы острова Земноморья были сложены из алмазов, у нас была бы трудная жизнь. Наслаждайся иллюзиями, паренек, а камни пусть остаются камнями. – Он улыбнулся, но Геда не удовлетворил его ответ. Стоит только попытаться выудить из мага его секреты, он обязательно начинает разглагольствовать, подобно Огиону, о равновесии, опасности, тьме. Гед был уверен, что настоящий маг, прошедший весь путь от этих детских трюков с иллюзиями до секретов Вызова и Изменения, может делать все, что ему заблагорассудится. Он может сбалансировать мир как ему нравится и отодвинуть тьму своим собственным светом.

В коридоре юноша встретил Джаспера, который в последнее время, прослышав об успехах Геда, разговаривал с ним, казалось, более дружелюбно, но, на самом деле, с еще большей издевкой.

– Почему у тебя такой унылый вид, Сокол? Не получается что-нибудь?

Стараясь, как всегда, не уронить себя в глазах Джаспера, Гед ответил, не обращая внимания на насмешливый тон:

– Я сыт по горло жонглированием, меня мутит от иллюзий и всех этих трюков, годных только для развлечения скучающих Лордов в их замках. Из всего, чему я здесь научился, только малая часть действительно полезна. А все остальное – просто глупости!

– Даже глупости опасны, – ответил Джаспер, – в руках глупца.

Геду вздрогнул, будто его ударили, и шагнул к Джасперу. Но тот только улыбнулся, как бы показывая, что не хотел никого оскорбить, и, как обычно, легонько кивнув на прощание, пошел дальше.

Клокая от ярости и глядя вслед Джасперу, Гед поклялся, что превзойдет его, и не в каком-нибудь пустячном состязании, а в настоящем деле. Он покажет себя, унижит Джаспера, и не позволит никому смотреть на него сверху вниз.

Геду не давал покоя вопрос: почему Джаспер ненавидит его? Он лишь знал, в чем причина его ненависти к Джасперу. Другие студенты давно поняли, что им трудно тягаться с Гедом. Они говорили о нем – кто с похвалой, а кто и со злобой: «Гонтиец – прирожденный волшебник, и не позволит никому превзойти себя». Один только Джаспер не хвалил, но и не избегал его. Он просто смотрел на Геда сверху вниз, слегка улыбаясь. И поэтому Джаспер оставался его единственным соперником, которого любой ценой необходимо было поставить на место.

Гед не видел или не хотел видеть, что в этом противоборстве, ставшем частью его жизни, таятся те самые опасности, о которых предостерегал его Мастер Руки.

Когда ярость не затмевала разум Геда, он понимал, что ему еще далеко до Джаспера или до других старших студентов, и продолжал учиться. К концу лета напряжение в работе немного спало, так что оставалось время и для развлечений – лодочных гонок в бухте, состязаний в мастерстве владения иллюзиями во двориках Большого Дома, игр в прятки долгими вечерами, где водящий и игроки были невидимы, и только веселые юные голоса звенели среди деревьев, сопровождаемые юркими шариками-светлячками. Потом пришла осень, и все с новыми силами взялись за учебу. Словом, первые месяцы в Школе пролетели для Геда незаметно, наполненные новыми впечатлениями.

Зима принесла перемены. Вместе с еще семью студентами его послали на другой конец острова, на Северный мыс, где стояла Башня Уединения. Там в одиночестве жил Мастер Имен. Имя у него было странное – Курремкармеррук, ни в одном из языков Архипелага не встречалось такого слова. На несколько миль от Башни не было ни единого поселения. Уныло возвышалась она над прибрежными утесами. Серы были облака над суровым зимним морем, и бесконечны были списки Имен, которые следовало выучить. На высоком стуле в огромном зале Башни в окружении своих учеников сидел Курремкармеррук, записывая слова, которые следовало запомнить до темноты, потому что в полночь чернила исчезали, и пергамент вновь становился чистым. Здесь царил полумрак, а также холод и тишина, которая нарушалась только скрипом пера Мастера, да иногда вздохом бедного студента, которому предстояло до полуночи вызубрить название каждого мыса, бухты, фарватера, канала, гавани, мели, рифа и скалы на берегах Лоссоу, крохотного островка в Море Пелн. На жалобы студентов Мастер обычно не отвечал, но удлинял список. Иногда он говорил:

– Тот, кто хочет стать Чародеем Моря, должен знать Настоящее Имя каждой капли воды.

Гед хоть и вздыхал порою, но не жаловался. Он понимал, что в этой пыльной и беспросветной зубрежке Имен каждого места, предмета и существа и заключена, как бриллиант на дне высохшего источника, та власть, к которой он стремится. Ведь вся магия и состоит в том, чтобы назвать каждое место, вещь или существо их Настоящими Именами. Так сказал Курремкармеррук в их первый вечер в Башне. Он больше не повторял этих слов, но Гед их запомнил.

– Много великих волшебников потратили всю жизнь на то, чтобы найти Имя одной-единственной вещи, одно-единственное забытое или скрытое Имя. Но списки наши

далеко не полны. И они не будут завершены никогда. Послушайте меня, и вы поймете, почему. В мире под солнцем, и в другом мире, где нет солнца, есть много такого, что не имеет ничего общего с людьми и людской речью, и есть силы, по сравнению с которыми силы людей – ничто. Но магия, истинная магия, подвластна лишь тем, кто говорит на языке Хардик, или на Древнем Наречии, из которого он вырос.

На Древнем Наречии говорят драконы, на нем говорил Сегой, сотворивший острова Архипелага, на этом языке мы поем баллады и песни, произносим заклинания и заклęcia. Слова его разбросаны и скрыты среди привычных нам слов. Например, мы зовем пену на волнах «сакиен». Это Слово составлено из двух слов Древнего Наречия: «сак» – перо, и «иниен» – море. Перо моря – вот что такое пена. Но нельзя заколдовать пену, назвав ее «сакиен»; вы должны использовать ее Настоящее Имя – «эсса». Любая колдунья знает несколько Слов Древнего Наречия, маг знает их много. Но часть Слов забыта, некоторые известны только драконам и Древним Силам земли, а некоторых не знает никто... И ни один человек не может знать их все, ибо им нет конца.

Вся загвоздка – в следующем. Например, Слово для моря – «иниен». Что ж, прекрасно. Но то, что мы называем Внутренним Морем, имеет свое название на Древнем Наречии. Так как ничто не имеет двух Настоящих Имен, Слово «иниен» может означать только «все море, кроме Внутреннего». Но оно, конечно, не означает даже этого: ведь существуют бесчисленные заливы, бухты и проливы, у которых тоже есть Имена... Если какой-нибудь маг окажется достаточно глуп, чтобы попробовать наложить чары на шторм, или успокоить весь Океан, в его заклинаниях должны звучать названия каждого фута моря, не только в Архипелаге, но и за Внешними Пределами – везде, где волшебство имеет силу. Таким образом, как раз то, что позволяет нам заниматься магией, одновременно ограничивает наши возможности. Маг может управлять только тем, что находится рядом с ним, и что он может назвать точно и полно. И это хорошо, иначе какой-нибудь извращенный или капризный маг давным-давно попытался бы изменить то, что не может быть изменено, и Равновесие нарушилось бы. Разбушевавшееся море затопило бы острова, где мы живем, и похоронило бы в бездонной пучине все голоса и Имена.

Гед много думал над этими словами и кое-что начинал понимать. Однако даже великая цель не могла сделать работу в Башне легче и интереснее. В конце года Курремкармеррук сказал ему:

– Ты хорошо начал...

Не более того. Маги говорят только правду, а правда заключалась в том, что все, чему научился Гед за один год, было только началом, прелюдией к тому, что он должен познать за всю жизнь. Он запоминал Имена быстрее остальных и покинул Башню Уединения раньше всех, но то была единственная награда, которой его удостоили.

Поздней осенью, в одиночестве, по пустынным дорогам, отправился он на юг. Ночью пошел дождь. Гед не пытался остановить его, потому что за погоду на острове отвечал Мастер Ветров, а тот не одобрял вмешательства в свои дела. Гед нашел убежище под огромным дубом, закутался в плащ и подумал о своем старом учителе Огионе. Наверное, как и каждую осень, он странствует сейчас по Гонту, спит под крышей из голых ветвей, а вместо стен его окружают струи дождя. Гед невольно улыбнулся – мысли об учителе всегда приносили ему утешение и, несмотря на промозглую тьму, окружающую его, он уснул с легким сердцем под шелест дождя. Когда юноша проснулся, дождь уже кончился. Он поднял голову и в складках своего плаща увидел какого-то маленького спящего зверька, забравшегося к нему в поисках тепла. Гед удивился, когда узнал в нем отака – редкое и странное существо.

Они водятся только на четырех южных островах Архипелага: Рокке, Энсмере, Поди и Ватхорте. Отаки – небольшие гладкошерстные зверьки, с широкой мордочкой, темно-коричневым или полосатым мехом и огромными сверкающими глазами. Зубы их остры, нрав вспыльчив – редко кому удавалось приручить отака. Эти зверьки всегда молчат. Гед погладил отака. Тот проснулся и широко зевнул, показав маленький коричневый язычок

и острые зубы, но совсем не испугался.

– Отак, – сказал Гед, но затем, вспомнив Имена всех зверьков, которые он выучил в Башне, назвал его Настоящим Именем: – Хог! Хочешь пойти со мной?

Отак уселся на раскрытую ладонь Гед и принялся расчесывать шерстку.

Гед посадил зверька себе на плечо в складки капюшона и отправился дальше. Днем отак несколько раз прыгивал и убегал в кусты, но всегда возвращался. Один раз он даже принес только что пойманную лесную мышь. Гед засмеялся и сказал отаку, чтобы он съел ее сам. В тот день отмечали Праздник Возвращения Солнца, и когда Гед в сумерках добрался до Холма Рокка, то увидел яркие огни, плавающие среди струй дождя над крышей Большого Дома. Он вошел в здание и был радостно встречен Мастерами и своими друзьями.

При виде такого множества знакомых лиц Геду показалось, что он вернулся домой, а когда он увидел, как через толпу к нему пробирается Ветч с широкой улыбкой на смуглом лице, радости его не было предела. Как Геду не хватало его в Башне! Ветч уже не был студентом, срок его обучения закончился, и он стал волшебником, но это не отделило их друг от друга. Они сразу оживленно заговорили, и Гед подумал, что за час сказал другу больше слов, чем произнес в Башне Уединения за целый год.

Скоро все уселись за длинные столы, накрытые для праздничного ужина в Зале Очага. Отак все еще сидел на плече Гед, уютно устроившись в складках капюшона. Ветч удивился, увидев это маленькое создание и попробовал погладить его, но отак огрызнулся, щелкнув острыми зубами. Ветч засмеялся.

– Говорят, что с человеком, который понравился дикому зверю, Древние Силы камня и воды разговаривают человеческими голосами.

– Говорят еще, что маги с Гонта часто приручают диких зверей, – заметил сидевший рядом с Ветчем Джаспер. – У нашего Лорда Неммерле, например, есть ворон, а в песнях поется, что Рыжий Маг с острова Арк водил за собой на золотой цепочке дикого вепря. Но я никогда не слышал про волшебника, у которого в капюшоне сидела бы крыса!

Все рассмеялись, и Гед тоже. Вечер был праздничный, он был счастлив, что находится здесь, в тепле, со своими друзьями. Хотя шутка Джаспера, как водится, была далеко не безобидной.

В тот вечер гостем Школы был Лорд острова О, сам прославленный маг. В свое время он учился у Неммерле и теперь иногда приезжал на Рокк, чтобы повеселиться на Встрече Зимы или на летнем Долгом Танце. С ним была его жена, юная, стройная и сияющая. Ее черные волосы украшали огромные опалы. Женщины нечасто появлялись в залах Большого Дома, и некоторые старые Мастера поглядывали на нее неодобрительно... Молодежь же не сводила с нее глаз.

– Для такой, как она, – сказал Ветч, – я соорудил бы иллюзию, которой не видывал свет...

– Она всего лишь женщина, – ответил Гед.

– Принцесса Эльфарран тоже была всего лишь женщиной, – заметил Ветч, – но из-за нее весь Энлад был обращен в руины, ради нее умер Герой-Маг с Хавнора, и остров Солеа погрузился в море.

– Старые сказки, – заявил Гед, но после слов Ветча стал чаще поглядывать в сторону Леди О, стараясь понять, такова ли неувядающая красота, воспетая в древних балладах.

Мастер Сказитель спел «Деяния Юного Короля», а затем все вместе они спели Гимн Зиме. Потом, прежде чем люди начали подниматься с мест, Джаспер подошел к столу у очага, за которым сидел Верховный Маг, его гости и другие Мастера, и заговорил с Леди О. За год Джаспер из мальчика превратился в высокого красивого юношу и, как и Ветч, был произведен в волшебники, получив право носить серебряную застежку на плаще. Леди улыбнулась его словам, и опалы ярко вспыхнули в ее черных волосах. Затем Мастера кивнули головами в знак благосклонного согласия, и Джаспер принялся за работу. Из каменного пола выросло белое дерево. Ветви его коснулись высоких стропил залы, и на каждой веточке, словно крохотное солнце, засияло золотое яблоко – как на Дереве Жизни.

Белые, как только что выпавший снег, птицы запорхали среди ветвей, золотые яблоки начали тускнеть и, превратившись в хрустальные капли, упали с мелодичным звоном на пол. По залу разнеслось благоухание, дерево зацвело белоснежными цветами и покрылось алыми листьями... Иллюзия медленно растаяла. Леди вскрикнула от изумления и склонила свою сверкающую голову перед юным магом в знак уважения к его мастерству.

– Поедем с нами, будем вместе жить в О-токне. Можно ему поехать с нами, милорд? – совсем по-детски спросила она своего сурового мужа. Но Джаспер сказал только:

– Только тогда, когда мое искусство станет достойным моих Учителей и Вашей благосклонности, Леди, я приеду на ваш остров и с радостью буду служить вам вечно.

Так что все остались довольны, кроме Геда. Он присоединил к похвалам свой голос, но не сердце. «У меня получилось бы лучше», – пробормотал он про себя, обуреваемый завистью. После этого все радости вечера померкли для него.

4. Тень вырывается на волю

В ту весну Гед нечасто видел Ветча и Джаспера. Будучи дипломированными волшебниками, они занимались теперь с Мастером Образов в уединении Вечной Рощи, куда путь студентам был закрыт. Гед же остался в Большом Доме, изучая те искусства, которыми может заниматься начинающий маг, не имеющий пока посоха: управление ветром и погодой, нахождение и связывание, искусство сказителей и целителей. По ночам, в своей каморке, зажигая вместо свечи или лампы огонек-обманку, он штудировал Древние Руны и Руны Эа – основу Великих Заклинаний. Все давалось ему легко, и по Школе поползли слухи, будто какой-то Мастер сказал, что парень с Гонта – лучший студент из тех, что когда-либо учились на Рокке. Про отака говорили, что это замаскированный дух, нашептывающий Геду в ухо мудрые мысли. Рассказывали даже, что впервые увидев Геда, ручной ворон Неммерле приветствовал его словами: «Будущий Верховный Маг». И вне зависимости от того, верили в это остальные студенты или не верили, нравился им Гед или не очень, все без исключения восхищались им и охотно признавали его лидерство, когда он присоединялся к их играм в долгие весенние вечера. В остальное время он целиком погружался в работу и держался обособленно. Ветч был далеко, а больше друзей у него не было. Гед не ощущал потребности в дружбе.

Ему исполнилось пятнадцать лет. Он был еще слишком юн, чтобы постигать Высокие Магические Искусства тех, кто носит посох, однако он настолько быстро овладел Иллюзиями, что Мастер Изменения, сам еще молодой человек, начал заниматься с ним отдельно и поведал ему о настоящих Заклинаниях Изменения. Он объяснил, что если какую-нибудь вещь необходимо превратить в другую, ее нужно переименовать и рассказал, как это влияет на Имена и природу всего того, что окружает превращенный предмет. Мастер говорил об опасностях превращений и в особенности о той, что поджидает волшебника, когда тот превращается в другое существо – он может так и не выбраться из нового образа, оставшись в нем навеки. Мало-помалу, уверенный в том, что Гед понимает его, молодой Мастер начал делать больше, чем просто рассказывать об этих тайнах. Сначала он научил его одному, потом другому Великому Заклинанию Изменения, потом дал Геду для работы Книгу Образов. Сделав это без ведома Верховного Мага, он поступил весьма необдуманно, хотя и не имел в мыслях ничего дурного.

Гед работал и с Мастером Вызова, строгим стариком, закаленным сложным и мрачным волшебством, которому он учил. Он не баловался с миражами, а занимался настоящей магией, имея дело с такими понятиями, как снег, тепло, магнетизм, тем, что люди ощущают через вес, форму, цвет, звук: с реальными силами, происходящими из безграничной энергии Вселенной, равновесия которой не нарушить никакими заклинаниями. Его ученики уже владели искусством управления погодой и ветрами, но именно он объяснил им, что настоящие маги никогда не применяют эти заклинания без крайней необходимости, потому что управление явлениями природы приводит к изменению мира, частью которого они сами

являются. Он говорил:

– Если вы хоть чуть-чуть ошибетесь, то дождь на Рокке вызовет наводнение на Осскиле, а спокойное море в Восточном Пределе обернется ужасным штормом на Западе.

Он никогда не говорил о том, как вызывать реальные вещи, живых людей, души умерших и воплощения Невидимого – о всех тех заклинаниях, что являлись вершиной искусства Вызова и могущества мага. Несколько раз Гед пытался навести Мастера на разговор об этих вещах, но тот в ответ лишь долго и упорно молчал, строго глядя на него.

Иногда Гед, работая даже с теми простыми заклинаниями Вызова, которым его обучал Мастер, ощущал непонятную тяжесть и неуверенность. Кое-какие руны на некоторых страницах казались ему знакомыми, но он никак не мог вспомнить, в какой книге он их видел раньше. Иногда ему почему-то очень не хотелось произносить отдельные фразы заклинаний Вызова – они вызывали у него смутные воспоминания о неясных тенях в темной комнате, закрытой двери, рядом с которой... Гед гнал от себя эти мысли и продолжал трудиться. Эти мгновения страха и тьмы, убеждал он себя, просто от невежества. Чем больше он будет знать, тем меньше у него будет возникать поводов для страха, а когда он станет волшебником, ему не надо будет бояться никого и ничего на свете.

Во второй месяц лета все – и ученики, и учителя, собрались в Большом Доме, чтобы отметить праздники Лунной Ночи и Долгого Танца. В это лето их праздновали одновременно, две ночи кряду, что случается только раз в пятьдесят два года. В первую ночь, самую короткую ночь полнолуния в году, в полях заиграли флейты, узкие улицы Твилла затопил барабанный бой и свет факелов, над залитыми лунным светом водами бухты Рокк звенели песни. Утром, после восхода солнца, Сказители Рокка запели длинную балладу «Деяния Эррет-Акбе», повествующую о том, как были построены белые башни Хавнора, о странствиях Эррет-Акбе от Древнего Острова Эа по всему Архипелагу и Пределам, пока на самом краю Открытого Моря он не встретил дракона Орма... И доныне кости мага в разбитых доспехах лежат среди костей дракона на берегу одинокого Селидора, но меч его все еще горит кровавым пламенем в лучах заката на самой высокой башне Хавнора. Закончилась баллада, и начался Долгий Танец. В теплых сумерках горожане, Мастера, студенты, фермеры, мужчины и женщины под звук флейт и барабанов, не прекращая танца, двинулись по дорогам со всего Рокка к морскому берегу. Они вошли в море, залитое светом полной луны, и музыка потерялась в шуме прибоя. Когда на востоке забрезжил рассвет, все вышли на берег и отправились обратно вверх по улицам. Барабаны уже молчали, и только флейты пели тихо и пронзительно. То же самое происходило на каждом острове Архипелага: один и тот же танец и одинаковая музыка объединяли разделенные морем страны.

Долгий Танец закончился. Большинство людей проспало весь следующий день и собрались вместе только вечером, для ужина. Несколько молодых магов и студентов, среди которых были Ветч, Джаспер и Гед, взяли с собой еду и расположились на свежем воздухе в одном из внутренних двориков Большого Дома. К ним присоединились несколько ребят, отпущенных из Башни Уединения – праздник заставил даже Курремкармеррука покинуть ее. Они ели, смеялись и проделывали из озорства трюки, сделавшие бы честь королевскому двору. Один придумал осветить двор сотней маленьких разноцветных огоньков-обманок, сверкавших как драгоценные камни. Они медленной процессией плыли между небом и землей. Двое ребят играли в кегли – шары были сделаны из зеленого пламени, а сами кегли подпрыгивали и разбегались, когда шары приближались к ним. Ветч, скрестив ноги и вкушая жареного цыпленка, сидел в воздухе. Один из младших студентов попробовал стянуть его оттуда, но Ветч лишь поднялся повыше и продолжал висеть в пустоте, спокойно улыбаясь. Время от времени он подбрасывал вверх цыплячью косточку, которая превращалась в сову и летала, ухая, среди огоньков. Гед выпускал совам вслед стрелы из хлебных крошек, сбивая их, и когда птицы и стрелы касались земли, то превращались снова в кости и крошки. Иллюзия кончалась. Гед захотел присоединиться к Ветчу наверху, но плохо знал заклинание и, чтобы удержаться на плаву, ему приходилось размахивать руками. Все смеялись, и Гед, чтобы поддержать всеобщее веселье, продолжал строить из себя дурачка. После двух ночей

танцев, лунного света, музыки и магии он был в прекрасном настроении и готов к чему угодно.

Наконец, Гед легко опустился на землю рядом с Джаспером, который никогда не смеялся вслух. Тот отодвинулся в сторону и пробормотал:

– Сокол, не умеющий летать...

– А разве Джаспер [Jasper (англ.) – черная яшма] – драгоценный камень? – ухмыляясь, сказал Гед. – О, драгоценность среди чародеев, о, Бриллиант Хавнора, посверкай для нас!

Парень, управляющий танцующими огоньками, приказал одному из них опуститься на голову Джаспера. Тот нахмурился и одним жестом погасил его.

– Как я устал от мальчишек, шума и глупостей! – сказал он.

– Да, ты стареешь, – заметил Ветч сверху.

– Если тебе хочется тишины и уныния, – вставил один из ребят, – поживи немного в Башне вместе с нами!

Гед спросил:

– Так чего же ты хочешь, Джаспер?

– Общества равных себе, – ответил Джаспер. – Пошли, Ветч. Пусть приготовишки веселятся.

Гед повернулся к Джасперу.

– Что же такое имеется у волшебников, чего нет у приготовишек? – спросил он очень тихо, но присутствующие сразу замолчали. И в тоне Джаспера, и в вопросе Гедана ненависть прозвучала так же отчетливо, как свист клинка, вылетающего из ножен.

– Сила! – ответил Джаспер.

– Моя сила не уступит твоей!

– Это вызов?

– Да, я вызываю тебя!

В этот миг Ветч прыгнул на землю и с решительным видом встал между ними.

– Довольно! Дуэли между магами запрещены, и вы прекрасно знаете это!

Гед и Джаспер молчали. Они знали закон Школы и понимали, что если их собственные слова продиктованы злобой, то Ветч движим только любовью. Но злоба и ненависть не исчезают в одно мгновение. Не обращая внимания на остальных, Джаспер сказал Ветчу, кривя губы в холодной улыбке:

– Мне кажется, ты правильно сделал, напомнив своему дружку-пастушонку о законе, оберегающем его. Он как будто обиделся. Интересно, неужели он в самом деле подумал, что я приму вызов от него, еще не отмывшегося от козлиной вони и путающегося в простейших заклинаниях?

– Джаспер, что ты можешь знать обо мне?

Внезапно Гед исчез и над тем местом, где он стоял, повис в воздухе огромный сокол с раскрытым в крике крючковатым клювом. Через мгновение Гед вновь появился в мерцающем свете факелов, пристально глядя в глаза Джасперу.

Пораженный Джаспер отступил на шаг, но быстро пришел в себя, пожал плечами и пробормотал:

– Иллюзия...

Остальные разом заговорили, а Ветч произнес:

– Нет, это Истинное Перевоплощение. И вообще, достаточно. Джаспер, подумай...

– Этим он доказал лишь, что тайком от Мастера успел заглянуть в Книгу Превращений. Ну и что? Давай, давай, Пастушок! Мне нравится смотреть, как ты роешь себе яму, и чем больше ты усердствуешь, тем яснее становится, кто ты есть на самом деле.

Услышав это, Ветч повернулся к Геду и очень мягко сказал:

– Сокол, будь мужчиной! Оставь его и пойдем со мной...

Гед посмотрел на друга, улыбнулся и сказал:

– Не поддержишь немного мою зверушку? – С этими словами он снял со своего плеча отака и передал его Ветчу. Обычно отак никому, кроме Гедана, не позволял прикасаться к себе,

но сейчас он охотно взобрался на плечо Ветча и сжался в комочек, не сводя своих больших сверкающих глаз с хозяина.

– Итак, Джаспер, – все так же тихо сказал Гед, – чем ты можешь доказать, что сильнее меня?

– А я и не должен ничего доказывать, Пастушок. Но тем не менее, я попробую. Зависть ест тебя, как червяк яблоко, давай-ка выгоним этого червяка. Как-то у Холма ты хвастался, что гонтийские маги не играют в бирюльки. Идем, и ты покажешь нам, чем же они все-таки занимаются. А уж потом, так и быть, я покажу тебе несколько фокусов.

– С удовольствием посмотрю на них, – ответил Гед. Их спутники, привыкшие, что Гед взрывается при малейшем намеке на оскорбление, с удивлением взирали на это ледяное спокойствие. Ветч уже не удивлялся – его охватил панический страх. Он попробовал возразить, но Джаспер остановил его:

– Не вмешивайся, Ветч! Сокол, как ты собираешься использовать предоставленный тебе шанс? Что ты нам продемонстрируешь? Мираж, огненный шар или заклинание, вылечивающее коз от глистов?

– А что бы ты предпочел, Джаспер?

– Вызови призрак умершего!

– Я сделаю это!

– Ты не сделаешь этого! – Джаспер смотрел прямо в глаза Геду. Злоба его превзошла, наконец, презрение. – Ты не сможешь! Ты только хвастаешь и хвастаешь...

– Клянусь своим Именем, я сделаю это!

Все застыли в молчании. Вырвавшись из рук безуспешно пытавшегося удержать его Ветча, Гед, не оглядываясь, вышел из дворика. Танцующие огоньки наверху погасли. Джаспер выждал мгновение, а затем пошел за ним. Остальные со страхом и любопытством толпой побрели вслед.

...Холм Рокка темной массой вздымался в черноте летней ночи. Луна еще не взошла. Сам вид этого необычного Холма, на склонах которого произошло много чудесного, обычно умирал самых дерзких студентов – на память сразу приходили мысли о том, что корни его уходят глубже морского дна, к древнему слепому и таинственному огню в сердце мира. Они остановились на восточном склоне. Звезды мерцали над поросшей травой вершиной Холма. Не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка.

Гед поднялся по склону на несколько шагов выше остальных и, обернувшись, сказал ясным и чистым голосом:

– Джаспер, с чьим призраком хотелось бы тебе встретиться?

– Зови, кого хочешь! Никто не послушается тебя! – голос Джаспера немного дрожал – вероятно, от ярости.

Гед насмешливо спросил:

– Побаиваешься?

Но он не расслышал, что ответил Джаспер, и ответил ли тот вообще. Ему больше не было дела до Джаспера. Гед стоял на вершине Холма. На смену ослепляющей ярости и ненависти пришла непоколебимая уверенность в себе. Никогда раньше не чувствовал он себя таким сильным. Сила переполняла Геду, и он с трудом сдерживал ее. Ему представилось, что Джаспер – не враг, а просто покорный слуга судьбы, приведший его сюда в этот час. Он ощущал, как корни Холма под ним идут все глубже и глубже во тьму, а над головой сияют холодным светом далекие звезды. Все, что существует между небом и недрами, должно подчиняться ему, повиноваться его приказам. Гед стоял в сердце мира.

– Не бойтесь, – сказал он с улыбкой, – я вызову призрак женщины, а вам не пристало бояться женщин. Я вызову Эльфарран, прекрасную Леди из «Героев Энлада».

– Но она умерла тысячу лет назад, и кости ее покоятся на дне Моря Эа. А, может, она вообще только миф.

– Годы и расстояния ничего не значат для мертвых... и разве баллады лгут? – ответил

Гед с той же самой тихой насмешкой и добавил: – Следите за воздухом между моими руками.

Он отвернулся, медленно вытянул руки в приветственном жесте, который открывал любой обряд Вызова, и начал говорить.

С тех пор, как два с лишним года назад Гед прочитал руны Заклинания Вызова в книге Огиона, он их больше не видел. Этой ночью та самая страница будто снова открылась перед ним. Но сейчас он понял, что там написано, и как можно соткать нужное заклинание голосом и движением рук и тела.

Все молча следили за ним – великое заклинание начало действовать. Гед говорил тихо, произнося внезапно изменившимся голосом незнакомые им певучие слова. Наконец он замолк. Внезапно поднялся ветер и зашелестела трава. Гед опустился на колени, громко что-то выкрикнул и упал вперед, словно пытаясь обнять всю землю своими распростертыми руками. Вот он с трудом снова поднялся на ноги, держа в своих напрягшихся руках что-то черное и очень, очень тяжелое. Горячий ветер, застонав, всколыхнул темную траву Холма. Если звезды и светили, никто не видел их.

Последние слова заклинания сорвались с губ Геда, и он ясно и громко произнес:

– Эльфарран!

Потом еще раз:

– Эльфарран!

Бесформенный клубок тьмы, что он поднял с земли, раскололся. Арка тусклого света встала из Холма на высоту его воздетых к небу рук, и в ней на мгновение мелькнула тень человека – высокой женщины, оглядывающейся через плечо. Лицо ее было прекрасно, но полно горечи и страха.

Все это длилось лишь мгновение. Бледная арка меж рук Геда вдруг начала светлеть. Она становилась все выше и шире и, наконец, превратилась в некий разрыв пространства. Оттуда полился ослепительный свет, и сквозь этот уродливый пролом выбралось нечто ужасное, напоминающее сгусток черной тени. Внезапно это Нечто вцепилось Геду в лицо.

Подавшись назад под тяжестью твари, Гед громко вскрикнул. Маленький отак, сидящий на плече Ветча, немая зверюшка, пронзительно заверещал и бросился на обидчика.

Корчась от боли, Гед упал, а яркая трещина в темноте продолжала расширяться. Зрителей словно ветром сдуло, а Джаспер согнулся в три погибели, защищая глаза от ослепительного света. Один лишь Ветч кинулся на помощь другу, и только он один сумел разглядеть сгусток тьмы, который вцепился в Геда, терзая его плоть. Эта тварь напоминала небольшого черного зверя, размером примерно с рысь и, казалось, что она распухает и растет на глазах... У нее не было ни головы, ни лица, только четыре когтистых лапы, впившихся в жертву. Всклипывая от страха, Ветч протянул руку, чтобы оторвать хищника от Геда. Но, не успев коснуться твари, Ветч застыл, словно потеряв способность двигаться.

Внезапно невыносимое сияние померкло, и разверстые врата мира медленно закрылись. Рядом послышался чей-то голос, тихий, словно шепот листвы или журчание фонтана.

Звезды снова засияли на небе, и траву на склоне Холма залил свет только что взошедшей луны. Ночь словно выздоровела после тяжелой болезни. Равновесие света и тьмы восстановилось вновь. Тень-хищник исчезла. Гед лежал на спине, широко раскинув руки. Лицо юноши потемнело от крови, ее черные сгустки испещрили рубашку. Маленький отак, дрожа, жался к его плечу. Над ними стоял старик, облаченный в слабо мерцающий в лунном свете плащ – Верховный Маг Неммерле.

Коснувшись серебристым наконечником посоха сначала груди Геда, потом его губ, Неммерле что-то прошептал. Гед вздрогнул и глубоко вздохнул. Старый маг поднял свой посох, затем поставил его на землю, сложил на рукояти руки и опустил на них голову. У него не осталось сил стоять прямо.

Ветч обнаружил, что к нему вернулась способность двигаться. Оглянувшись, он увидел Мастеров Вызова и Изменения. Несомненно, почувствовав действие могучих заклинаний, они быстро оказались там, где их присутствие было необходимо. Но все-таки Верховный

Маг опередил всех... Кто-то устремился за помощью, некоторые ушли, сопровождая Верховного Мага, а оставшиеся – и Ветч в их числе – перенесли Геда в комнату Мастера Целителя.

Всю ночь Мастер Вызова нес стражу на Холме, но ничего не произошло там, где была разорвана ткань Вселенной. Никакая тень не кралась в лунном свете, пытаясь вернуться в свое царство. Она смогла ускользнуть как от Неммерле, так и от могущественных чар, защищавших Рокк, и вырвалась на простор Архипелага. Где-то там она и притаилась. Если бы Гед умер этой ночью, Тень могла бы попытаться найти открытую им дверь и последовать за ним в страну мертвых или уйти туда, откуда появилась. Поэтому и остался на Холме Мастер Вызова. Но Гед выжил.

Юношу уложили на кровать в лечебнице, и Мастер Целитель промыл раны на его лице, шее и плечах. Раны были рваными, глубокими и очень нехорошими на вид. Черная кровь не свертывалась, она продолжала сочиться, несмотря на заклинания и завернутые в паутину листья перриота, положенные на раны. Гед, ослепший и потерявший дар речи, лежал, сжигаемый лихорадкой, и никакая магия не в силах была погасить пожиравший его огонь.

Невдалеке от лечебницы, посреди открытого внутреннего дворика, где журчал фонтан, лежал так же неподвижно Верховный Маг. В отличие от Геда тело его было холодно, как лед, только глаза еще жили, наблюдая за посеребренными лунным светом струями воды и листьями деревьев. Сидевшие рядом с ним не произносили заклинаний и не пытались лечить его. Иногда они негромко переговаривались между собой, после чего вновь смотрели на своего господина. Он лежал неподвижно. Его ястребиный нос, высокий лоб и седые волосы, залитые лунным светом, были цвета китовой кости. Неммерле истратил всю свою силу на то, чтобы остановить действие заклинания и прогнать Тень от Геда, а вместе с силой из его тела ушла и жизнь. Он умирал. Но смерть Верховного Мага, еще при жизни не раз ступавшего по крутым иссушенным тропам царства мертвых, не похожа на смерть обычного человека – он уходит уверенно, хорошо зная дорогу. Никто из присутствующих не знал, куда устремил свой взгляд Неммерле сквозь листву склонившихся над ним деревьев: то ли на меркнувшие перед рассветом летние звезды, то ли на те, другие звезды, вечно сверкавшие над холмами царства мертвых.

Ворон с Оскила, живший у Неммерле тридцать лет, куда-то исчез.

– Он улетел немного раньше, – сказал Мастер Образов, и маги продолжали бдение.

Пришло ясное, солнечное утро. Большой Дом и улицы Твилла хранили молчание, и длилось оно до полудня, когда с Башни Мастера Сказителя хрипло зазвонили колокола...

На следующий день девять Мастеров Рокка собрались под сенью таинственных деревьев в Вечной Роще. Но даже там они возвели еще девять непроницаемых стен, чтобы никто – ни человек, ни дух – не смогли повлиять на выбор нового Верховного Мага из величайших волшебников Архипелага. Избран был Ганчер с острова Уэй. Туда сразу же снарядили корабль. Мастер Ветров взошел на борт, магический ветер наполнил паруса судна и унес его в море.

Гед ничего не знал об этом. Четыре долгих недели он пролежал без сознания, и лишь иногда рыча и стелая, как зверь. Но мало-помалу упорство и заботы Мастера Целителя сделали свое дело – раны начали затягиваться, и горячка спала. Гед стал немного слышать, но по-прежнему не говорил ни слова. Наконец, в ясный осенний день, Мастер впервые открыл ставни в комнате Геда. До этого, с той самой ночи на Холме, он все время лежал в полутьме. Увидев свет, Гед закрыл израненное лицо руками и заплакал.

Пришла зима, и Гед заговорил, сильно запинаясь при этом. Мастер Целитель не выпускал его из палат лечебницы, надеясь постепенно вернуть силу его телу и разуму. Только ранней весной позволил он Геду покинуть комнату, чтобы тот принес клятву верности Верховному Магу Ганчеру. Когда Ганчер появился на Рокке, Гед не смог исполнить этот долг вместе с остальными студентами.

Во время болезни никому из прежних приятелей не позволяли навещать Геда и теперь многие в недоумении спрашивали, когда он проходил мимо:

– Кто это такой?

Раньше Гед был легким, гибким и сильным юношей. Теперь же он шел, хромая и не поднимая головы, чтобы никто не видел жутких шрамов на левой стороне лица. Избегая встреч, с теми, кто его знал, Гед сразу направился во Дворик Фонтана. Там же, где он впервые встретил Неммерле, его ждал Ганчер.

Как и прежний Верховный Маг он был закутан в белый плащ, но как и у большинства уроженцев Восточного Предела, кожа Ганчера была темна. И черен был его взгляд из-под косматых бровей.

Гед преклонил колено и поклялся Верховному Магу в верности и покорности. Ганчер ответил не сразу.

– Мне известно, что ты сделал, но я не знаю, кто ты такой. Я не могу принять твою клятву.

Гед выпрямился и, чтобы не упасть, вынужден был ухватиться за ствол молодого деревца.

– Мой господин, должен ли я покинуть Рокк?

– Ты хочешь этого?

– Нет.

– А чего же ты хочешь?

– Остаться. Учиться. Чтобы исправить... зло...

– Сам Неммерле не смог сделать этого... Правда, я все равно не разрешил бы тебе уйти. Здесь тебя защищает сила Мастеров и сам остров. Если ты покинешь его сейчас, создание, выпущенное тобой в мир солнца, найдет тебя и подчинит своей воле. Ты перестанешь быть человеком и превратишься в *геббета*, марионетку, исполняющую волю злобной Тени. Ты останешься здесь до тех пор, пока не накопишь достаточно мудрости и силы, чтобы защитить себя, если когда-нибудь это время наступит. Тень ждет тебя, я уверен в этом. Видел ли ты ее с тех пор?

– Только в снах, господин. – Помолчав, Гед с болью и стыдом в голосе продолжил: – Лорд Ганчер, я не знаю, что это такое бросилось на меня...

– Я тоже не знаю. У него нет Имени. В тебе дремлет великая сила, но как ты распорядился ею?! Стал вить заклинание, которое не мог контролировать, не зная при этом, как оно повлияет на баланс света и тьмы, жизни и смерти, добра и зла. Ты поступил так, движимый высокомерием и ненавистью. Стоит ли удивляться тому, что произошло? Ты вызвал призрак умершей, но вместе с ним пришла одна из Сил, враждебных всему живому. Незванная, она пришла оттуда, где не существует Имен. Являясь средоточием зла, она будет творить зло твоими руками. Та сила, при помощи которой ты вызвал Тень, дает ей власть над тобой. Вы связаны навеки. Она – тень твоего невежества, твоего высокомерия – тень, которую отбрасываешь ты сам. Есть ли Имя у тени?

Гед был потрясен. Он пробормотал:

– Лучше бы я умер...

– Кто ты такой, чтобы судить об этом? Неммерле отдал свою жизнь за тебя. На острове ты в безопасности, живи здесь и учись. Говорят, ты очень умен. Делай свою работу и делай ее хорошо. Это все, что тебе осталось.

Так закончил Верховный Маг свою речь и внезапно исчез, как это принято среди магов. В солнечном свете весело журчал фонтан. Прислушиваясь к его голосу, Гед вспомнил Неммерле. Когда-то, давным-давно, в этом самом дворике Гед почувствовал себя Словом, произнесенным солнцем. Теперь настал черед тьмы...

Покинув Дворик Фонтана, Гед направился в Южную Башню, где находилась его старая комната, которую оставили за ним. Там он посидел немного в одиночестве. Когда прозвучал гонг на ужин, он спустился в Зал Очага, но во время еды ни разу не поднял головы от тарелки и ни с кем не заговорил, даже со старыми знакомыми. Так продолжалось несколько дней, и его оставили в покое. Этого Гед и добивался. Он боялся, сам того не желая, сказать или сделать что-нибудь дурное, злое.

Ветча и Джаспера нигде не было видно, и Гед не стал расспрашивать про них. Ребята, с которыми он вместе учился и у которых был вожаком, обогнали его, так что весну и лето Гед провел со студентами моложе себя. Он ничем не выделялся среди них – слова и жесты любого заклинания, даже простейшей иллюзии, получались у него так же медленно и неуклюже.

Осенью ему опять пришлось отправиться в Башню Уединения, к Мастеру Имен. Гед воспринял эту весть с удовольствием – столь раздражающая юношу когда-то тишина и кропотливая работа теперь манили его. Там не нужны будут заклинания, и никто не потребует от него показать свою силу.

В последнюю ночь в Большом Доме к нему явился посетитель. Он был одет в дорожный плащ и в руке держал окованный железом дубовый посох, при виде которого Гед почтительно встал.

– Сокол...

Услышав знакомый голос, Гед поднял глаза – перед ним стоял Ветч, все такой же крепкий и широкоплечий. Темное лицо его стало жестче, но улыбка осталась прежней. На плече у него сидел маленький зверек с большими горящими глазами и коротким мехом.

– Пока ты болел, он жил со мной, и теперь мне жалко расставаться с ним. А еще больше мне не хочется расставаться с тобой, Сокол... Но я возвращаюсь домой. Эй, Хог, иди к своему хозяину!

Ветч погладил отака и опустил его на пол. Тот уселся на соломенный матрац Геда и принялся вылизывать шерстку коричневым, похожим на засохший листик, язычком. Ветч рассмеялся, но Гед даже не улыбнулся. Пряча лицо, он нагнулся к отаку и стал гладить его.

– Я думал, ты уже не придешь, – сказал Гед.

Он ни в чем не хотел винить Ветча, но тот ответил:

– Я не мог прийти раньше. Мастер Целитель не пускал меня. Зимой же меня заперли в Роще, я зарабатывал там свой посох. Слушай, когда ты тоже будешь свободен, плыви в Восточный Предел. Я буду ждать тебя. Там полно маленьких симпатичных городков, нуждающихся в волшебнике.

– Свободен... – прошептал Гед и поморщился, пытаясь улыбнуться.

Ветч, не отрываясь, смотрел на Геда, и во взгляде его любви было не меньше, чем раньше, но, возможно, больше мудрости. Он мягко сказал:

– Ты не останешься здесь на всю жизнь.

– Я подумывал над тем, чтобы остаться в Башне насовсем, став одним из тех, кто ищет среди книг и звезд потерянные Имена и... не причинять больше никому зла, если творить добро – не в моих силах...

– Может, я не ясновидец, – сказал Ветч, – но я вижу в твоём будущем не темные комнаты и пыльные фолианты, а дальние моря, огнедышащих драконов, башни прекрасных городов... То, что видит сокол с высоты своего полета!

– А в прошлом, что ты видишь в моем прошлом? – спросил Гед и встал. Освещавший комнату огонек-обманка оказался между ними и отбрасывал тени на стены и пол. Затем Гед отвернулся и, запинаясь, спросил:

– Расскажи мне, куда ты собираешься отправиться и чем будешь заниматься?

– Я еду домой, повидать братьев и сестру, о которой я тебе рассказывал. Когда я уезжал, она была совсем еще крошкой, а теперь ей пора давать Имя – никак не могу поверить в это! Потом я найду себе работу на каком-нибудь маленьком островке... Мне очень хочется поговорить с тобой еще немного, но мой корабль скоро отплывает. Сокол, если ты когда-нибудь окажешься на Востоке, приходи ко мне. Окажешься в беде – позови меня. Мое Имя – Эстарриол.

При этих словах Гед поднял свое израненное лицо и посмотрел прямо в глаза Ветчу.

– Эстарриол, – сказал он, – меня зовут Гед.

Затем они тихо простились друг с другом. Ветч повернулся и спустился вниз по каменной лестнице. Вскоре он покинул остров.

Гед остался стоять с видом человека, который только что получил важную весть и пытается осознать ее значение. Ветч преподнес ему величайший подарок – свое Настоящее Имя.

Никто не знает Настоящего Имени человека, кроме него самого и того, кто дал ему это Имя. Конечно, иногда он может открыть его брату, жене или другу, но и они никогда не должны пользоваться им, если их могут подслушать посторонние. В присутствии других они обязаны называть человека его обычным именем или прозвищем. Таким, например, как Сокол, Ветч [Vetch (англ.) – дрок] или Огион, что значит «еловая шишка». Если даже простые люди скрывают свое Имя от всех, кроме тех, кого любят и кому полностью доверяют, то что же тогда говорить о магах, которые подвергаются несравненно большей опасности! Знающий Имя человека держит его жизнь в своих руках. Ветч доказал Геду, который было совсем уже потерял веру в себя, что и у него есть друг.

Гед уселся на постель и погасил огонек-обманку, оставивший после себя слабый запах болотного газа. Он погладил отака, который растянулся у него на коленях и уснул с таким видом, словно никогда в жизни не спал в других местах. Большой Дом затих. Геду вдруг вспомнилось, что завтра – годовщина его собственного Посвящения – дня, когда Огион дал ему Имя. С тех пор прошло четыре года. В памяти возник холод горного источника, который он пересек обнаженный и безымянный; Гед вспомнил сверкающие заводи реки Ар, где он так любил купаться, деревушку Тэн Алдерс на склоне великой Горы; утренние тени на пыльной деревенской улице; темную, полную таинственных ароматов хижину колдуньи; огонь, гудящий в горне отцовой кузни холодным зимним днем. Казалось, он давно забыл детство, но в ночь семнадцатилетия оно вернулось к нему. Все годы и события его короткой изломанной жизни снова сошлись вместе и образовали единое целое. И он вновь осознал после долгих дней, наполненных отчаянием и горечью, кто он такой и зачем живет.

Гед не мог видеть своего будущего, но боялся его.

На следующее утро, как всегда посадив на плечо отака, Гед отправился в путь через весь остров. Только через три дня (вместо двух, как раньше), продрогнув до костей и смертельно устав, увидел он Башню, угрюмо торчащую над ревущими волнами на Северном Мысе. Внутри все осталось по-прежнему – темнота, холод и Курремкармеррук, восседающий на высоком табурете над длиннющим списком Имен. Он обернулся на звук шагов Гед и, не здороваясь, словно тот и не уходил, произнес:

– Ложись и спи. Усталый человек глуп. Завтра откроешь Книгу Дел Создателей и начнешь учить Имена.

В конце зимы Гед вернулся в Большой Дом. На этот раз Верховный Маг принял его клятву. После этого Гед перешел от изучения иллюзий к более сложным вещам, настоящей магии, готовясь к получению желанного посоха. Запинки в его речи и движениях исчезли, и новые заклинания давались ему без труда, хотя прежняя ловкость так и не вернулась к нему. Это была плата за тот жестокий урок. Теперь даже работа с наиболее опасными Великими Заклинаниями Созидания и Изменения не вызывала у него неприятных ощущений. Тень перестала являться ему во снах, и Гед часто задумывался, что же случилось с ней. То ли она ослабела, то ли покинула наш мир... Но в глубине души он понимал, что эти надежды тщетны.

Разговаривая с Мастерами и изучая древние книги, Гед пытался хоть что-нибудь разузнать об этом кошмарном создании, но почти ничего не выяснил. Никто и нигде не говорил прямо о подобных существах, ограничиваясь в лучшем случае намеками. Они не были ни душами умерших людей, ни творениями Древних Сил земли, но имели нечто общее и с теми, и с другими. В «Существе драконов», книге, прочитанной Гедом особенно внимательно, был рассказ об одном из Повелителей Драконов, попавшем под власть Древних Сил, принявших образ некоего Говорящего Камня. Дело происходило на одном из далеких северных островов. «По приказу Камня, – говорилось в книге, – он вызывал призрак из царства мертвых, но воля Камня извратила заклинание, и вместе с призраком явилось незваное существо, которое подчинила Мага своей воле и отправилось в его обличье

странствовать по свету, уничтожая людей». Книга не объясняла, что это была за тварь, и чем все закончилось. Мастера тоже не знали, откуда могла явиться Тень: «из Антижизни», – сказал Ганчер, «из другой Вселенной», – ответил Мастер Изменения. Мастер же Вызова сказал: «Я не знаю». Он часто навещал Геда во время болезни. Он всегда был строг и серьезен, но Гед чувствовал его участие и отвечал ему тем же.

– ...Я знаю только одно – лишь огромная сила могла вызвать из небытия подобное существо, возможно одна-единственная сила – один-единственный голос – твой голос. Но что все это значит, я не знаю. Ты узнаешь об этом сам... или узнаешь, или погибнешь. И хорошо, если ты просто умрешь, – задумчиво говорил Мастер Вызова, печально глядя на Геда. – Тебе казалось, что маг всемогущ. В свое время я тоже так думал, и не я один... Но истина такова, что когда сила человека растет, а знания его увеличиваются, одновременно сужается открытый для него путь. В конце концов он уже не выбирает, а поступает так, как *должен поступить* ...

Когда Геду исполнилось восемнадцать, Верховный Маг послал его к Мастеру Образов, в Вечную Рощу, о которой мало что известно. Рассказывают, будто в ней не действует ни одно заклинание, ибо она сама – источник всех заклинаний. Роща эта не всегда находится на одном месте, а деревья ее не всегда видимы. Говорят еще, что деревья эти обладают разумом, и что если они погибнут, то волны поднимутся и затопят все населенные людьми и драконами острова Земноморья, которые Сегой поднял из пучины вод в незапамятные времена.

Но все это – домыслы. Маги не говорят об этом.

Месяцы пролетели незаметно, и однажды весенним днем Гед вернулся в Большой Дом, не зная, что ему предстоит. У дверей, в которые упиралась тропинка, ведущая через поля к Холму Рокка, его встретил какой-то старик. Поначалу Гед не узнал его, и только покопавшись хорошенько в памяти, вспомнил, что это именно он впервые впустил его в Школу пять лет назад.

Улыбнувшись, старик спросил:

– Ты знаешь, кто я?

Гед задумался. Люди всегда говорили: «Девять Мастеров Рокка», а Гед знал только восьмерых – Целитель, Руки, Сказитель, Мастера Ветров, Изменения, Вызова, Имен и Образов. Ему почему-то всегда казалось, что девятый – Верховный Маг. Но Ганчера избрали все-таки девять Мастеров...

– Я думаю, ты – Мастер Привратник!

– Верно. Когда ты назвал свое Имя, я впустил тебя. Получи теперь свободу, отгадав мое Имя. – Так сказал старик и, улыбаясь, ждал ответа. Гед застыл как истукан.

Конечно, он знал тысячи способов отыскать Имя человека или вещи – это было частью его мастерства, без этого не было бы настоящей магии. Но совсем другое дело – узнать Имя Мага или Мастера. Оно скрыто, как мелкая рыбешка в море и охраняется лучше драконьего логова. На заклинание маг ответит заклинанием, на уловку – еще более хитрой уловкой, на силу – сокрушительным ударом.

– У твоей двери очень узкий проем, Мастер, – сказал, наконец, Гед. – Мне придется посидеть рядышком и поголодать, пока я не стану толщиной с травинку и не смогу проскользнуть в нее.

– Я не тороплюсь, – улыбаясь, ответил Привратник.

Гед отошел и уселся под ивой на берегу Твиллберна. Отак спрыгнул с его плеча и принялся охотиться за крохотными крабами на песчаных отмелях. Зашло яркое весеннее солнце, в окнах Большого Дома зажглись свечи и огоньки-обманки. Улицы Твилла у подножия Холма погрузились во тьму. Заухали над крышами филины, во влажном воздухе над рекой замелькали летучие мыши, а Гед все думал, с помощью чего – силы, обмана или волшебства – можно узнать Имя Привратника. Чем дольше он думал, тем яснее становилось следующее: ничто из того, чему он научился за эти пять лет на Рокке, не в силах помочь ему вырвать подобный секрет у столь могучего мага.

Он уснул в поле под звездами, вместе с забравшимся к нему в карман отаком. Проснувшись, он вновь подошел к двери и постучал.

– Мастер, – сказал Гед, – я недостаточно силен, чтобы забрать твое Имя и недостаточно мудр, чтобы узнать его. Я смирился с мыслью, что мне придется остаться здесь и выполнить все твои просьбы, если ты только не ответишь на один вопрос.

– Спрашивай.

– Как тебя зовут?

Привратник улыбнулся и сказал свое Имя. Гед повторил его и вошел в Большой Дом в последний раз.

Когда он покинул его, на плечах у него был тяжелый темно-синий плащ – дар города Лоу Торнинг, куда он направлялся. Городу нужен был маг. Гед нес посох, высотой с него самого, вырезанный из тиса и окованный медью. Мастер Привратник открыл ему дверь и попрощался. И Гед пошел вниз по улицам Твилла к кораблю, который ждал его, покачиваясь на прозрачных волнах.

5. Дракон Пендора

К западу от Рокка, между большими островами Хок и Энсмер, сгруппировались так называемые Девяносто Островов. Из них ближе всего к Рокку Серд, а самый дальний, что лежит почти у Моря Пелн – Сеппиш. Действительно ли их девяносто – неизвестно. Если считать острова с пресной водой – около семидесяти, а если каждую скалу – больше ста. Во время прилива число их меняется. Каналы между островами очень узки, а приливы здесь самые высокие во всем Внутреннем Море, поэтому там, где в прилив было три острова, в отлив может остаться один. Так как приливы одинаково опасны для всех, то если здешний ребенок умеет ходить и может грести, значит у него есть маленькая лодка. Домохозяйки переправляются через проливы, чтобы выпить чашку чая с соседкой, а бродячие торговцы расхваливают свой товар в такт с ударами весел. Вместо дорог здесь – каналы с соленой водой. В некоторых местах они перегорожены на небольшой глубине сетями, в которые попадает маленькая рыбка тарбис, жир ее – богатство островов. Больших городов здесь нет, мостов очень мало. На каждом островке – множество ферм и рыбацких домиков, и группы из десяти-двадцати таких островов называют городами. Лоу Торнинг – самый западный из них. Он глядит в Открытое Море, на пустынный уголок Архипелага, где лежит только Пендор – разоренный драконами остров. За ним – совершенно безлюдные воды Западного Предела.

Дом для нового волшебника города был уже готов. Он стоял на холме среди зеленых ячменных полей, и от западного ветра его защищала рощица цветущих деревьев пендик. Из открытой двери дома видны были не только соломенные крыши, рощи и сады, но и другие крошечные островки с их полями и холмами, а между ними – яркие извилистые проливы. Дом был плох – без окон, с земляным полом, но все же лучше того, в котором Гед родился. Островитяне с Лоу Торнинга с благоговением взирали на волшебника с острова Рокк и сгорали со стыда за скромность приема.

– У нас нет строительного камня, – сказал один.

– Мы не богаты, но никто не голодает, – сказал другой, а третий добавил:

– Крыша, по крайней мере, не будет протекать. Я настелил ее сам, сэр.

Гед дом вполне устраивал. Он искренне поблагодарил островитян, так что все восемнадцать встречавших его человек разъехались на лодках по своим островкам и рассказали согражданам, что новый волшебник оказался странным угрюмым юношей, говорящим мало, но дружелюбно и без гордыни.

По правде говоря, гордиться Геду было особенно нечем. Обычно выпускники Школы уходили в большие города или замки служить их правителям, и пользовались огромным уважением. При обычном стечении обстоятельств рыбаки Лоу Торнинга удовлетворялись бы простой колдуньей или доморощенным заклинателем, который заговаривал бы рыбацкие сети, накладывал чары на новые лодки и лечил людей и скотину от всяких пустяковых

болячек. Но в последние годы у старого Дракона, что обитал на острове Пендор, появилось потомство и, по слухам, уже целых девять драконов таскали свои чешуйчатые животы по мраморным лестницам в развалинах дворца Повелителей Моря. Пендор – пустынный остров, и было ясно, что научившись летать, они не удовлетворятся скудным пропитанием. Четыре дракона уже были замечены к юго-западу от Хока. Они нигде не опускались, но кружили над островами, высматривая овчарни, амбары и деревни. Голод драконов трудно пробуждается и долго утоляется. Островитяне обратились с просьбой к Верховному Магу, умоляя прислать им волшебника, способного защитить их, и Ганчер решил, что те беспокоятся не зря.

В тот день, когда Верховный Маг возвел Геда в ранг волшебника, он сказал ему:

– Там тебя не ждут слава и богатство. Жизнь твоя будет унылой и однообразной. Поедешь?

– Поеду, – ответил Гед, движимый не только послушанием. Памятная ночь на Холме Рокка начисто изгнала из него страсть к славе и богатству. Он начал сомневаться в своей силе и страшиться серьезных испытаний, но разговор о драконах пробудил в нем любопытство. На Гонте драконов не было уже много сотен лет, и ни один из них не осмеливался появиться вблизи Рокка, так что для него они были существами, о которых поют в песнях, и только. Гед довольно много знал о драконах, но одно дело знать, а другое – воочию встретиться с ними. Возможность эта показалась ему заманчивой, и он ответил:

– Поеду.

Ганчер кивнул, но глаза его были тревожны.

– Скажи мне, – произнес он наконец, – ты не боишься покинуть Рокк, или тебе не терпится сделать это?

– И то, и другое, милорд.

Ганчер снова кивнул.

– Не знаю, правильно ли я поступаю – ведь на нашем острове ты находишься в безопасности, – сказал он задумчиво. – Я не вижу твоего пути, он скрыт во тьме. Далеко на севере дремлет какая-то сила, которая может уничтожить тебя, но что это такое и где прячется – в твоём прошлом или будущем – мне неизвестно. Получив прошение из Лоу Торнинга, я сразу вспомнил о тебе. Городок этот показался мне достаточно тихим местом, там ты сможешь отдохнуть и собраться с силами. Но я не знаю, существует ли на свете место, где ты почувствуешь себя в безопасности. Мне не хочется посылать тебя во тьму...

Геду понравился маленький домик в тени цветущих деревьев. Обосновавшись здесь, он частенько поглядывал на запад и внимательно следил за тем, не видно ли там взмахов чешуйчатых крыльев. Но драконы не появлялись. Гед проводил время, ухаживая за огородом и рыбака на крохотной лодке. Иногда он целыми днями размышлял над какой-нибудь страницей, словом или буквой в Книгах Легенд, которые привез с собой с Рокка. Он сидел в тени деревьев, а отак спал или охотился в густой траве. Гед безотказно служил жителям Лоу Торнинга, выполняя все их немудреные просьбы – заживить рану или послать дождь на поля фермеров. Ему никогда не приходила в голову мысль, что все это недостойно настоящего волшебника – ведь в детстве он жил среди таких же, если не беднее, людей. Они же, благоговей перед ним, не слишком докучали ему – не только потому, что он был волшебником с легендарного Острова Мудрости, но и потому, что его молчание и покрытое ужасными шрамами лицо не располагали к излишней назойливости.

С одним человеком он все-таки подружился – с плотником по имени Печварри, который жил на соседнем островке. Познакомились они, когда Печварри устанавливал мачту на почти готовой лодочке, а Гед остановился посмотреть на его работу. Плотник с улыбкой взглянул на Геда и сказал:

– Я трудился над ней почти месяц, а вы, сэр, наверное, смогли бы создать ее одним лишь словом, а?

– Да, но стоило бы мне ослабить внимание хоть на секунду, лодка мгновенно пошла бы ко дну. Если хочешь... – Гед замолчал.

– Что, сэр?

– Ты построил чудесную маленькую лодку. Она хороша сама по себе, но я могу зачаровать ее так, что эта лодочка никогда не разобьется о скалы и всегда найдет дорогу домой.

Ему не хотелось обижать плотника, сомневаясь в его мастерстве, но лицо Печварри просияло.

– Я хочу подарить ее моему маленькому сынишке, и было бы здорово, если бы она никогда не разбилась.

После этого случая они часто стали работать вместе, переплетая чары Геда с искусством плотника и в новых, только что построенных лодках, и в тех, что им приходилось чинить. Гед научился строить лодки, а также управлять ими без помощи магии – этому на Рокке почему-то не учили. Часто Гед вместе с Печварри и его маленьким сынишкой Иоэтом плавал по бесчисленным лагунам и проливам на веслах и под парусами, и на глазах превратился в опытного моряка. Дружба их крепла.

Поздней осенью Иоэт заболел. Его мать послала за колдуньей с острова Теск, сведущей во врачевании, и один или два дня казалось, что мальчик выздоровеет... Но одной штормовой ночью Печварри постучал в дверь Геда, умоляя спасти его сына. Сквозь тьму и бурю они на веслах с трудом добрались до дома плотника. Там Гед увидел больного ребенка, склонившуюся над ним мать и колдунью, сидящую с курящимся корнем корли в руках в углу комнаты и распеваящую Отвращающее заклинание – на большее старуха была неспособна. Но она прошептала Геду:

– Лорд Волшебник, мне кажется, что у ребенка рыжая лихорадка, и он не доживет до завтрашнего утра.

Когда Гед встал на колени и взял Иоэта за руку, он пришел к тому же выводу и на мгновение упал духом. В последние месяцы его собственной болезни Мастер Целитель научил его многим премудростям искусства врачевания, в том числе и основному правилу: лечи рану и болезнь, но если душе тесно в телесной оболочке, не мешай ей уйти.

Мать заметила его нерешительность и, догадавшись, чем она вызвана, заплакала навзрыд. Печварри стал успокаивать ее, приговаривая:

– Лорд Сокол спасет его, не надо плакать, ведь он здесь, он все может...

Видя отчаяние матери и безграничную веру в него Печварри, Гед был не в силах разочаровать их. Споря сам с собой, он подумал, что ребенок может быть спасен, если удастся сбить жар, и сказал:

– Я сделаю все, что в моих силах, Печварри.

Обмывая мальчонку холодной дождевой водой, которую ему набирали прямо за порогом, Гед забормотал одно из подходящих к случаю заклинаний. Оно почему-то не действовало, и внезапно Гед понял, что ребенок умирает у него на руках.

Призвав на помощь все свое мастерство, забыв обо всем на свете, Гед в почти безнадежной попытке послал свой дух вдогонку за духом мальчика. Он позвал:

– Иоэт! – и услышав, как ему показалось, слабый голосок, продолжил погоню. Через некоторое время Гед увидел далеко впереди мальчика, быстро сбегающего вниз по склону высокого черного холма. Стояла полная тишина. Звезды, горевшие над холмом, он видел впервые, хотя и знал названия созвездий: Ножны, Дерево, Дверь... Звезды эти никогда не садились, ибо солнце здесь никогда не восходило, и Гед понял, что зашел вслед за умирающим ребенком слишком далеко.

Внезапно он почувствовал, что остался один на темном склоне. Повернуть назад было мучительно тяжело.

Медленно, шаг за шагом, он начал взбираться обратно по склону, и каждый последующий шаг был труднее предыдущего.

Звезды были неподвижны. Ветер не дул над этой иссушенной землей. Во всем нескончаемом царстве тьмы двигался только он один, медленно карабкаясь вверх. Добравшись, наконец, до вершины, Гед увидел невысокую каменную стену. За стеной стояла Тень.

Тень не имела образа, она была бесформенна, едва видима, но она шептала что-то и тянулась к нему. Она стояла на стороне живых, а он – на стороне мертвых.

Он должен был или уйти вниз, в пустоши и погруженные во тьму города мертвых, или шагнуть через стену в жизнь, где его ждало само Зло, принявшее облик бесформенной Тени.

В руках Геда был посох, и он поднял его. Это движение вернуло ему силы. Он приготовился прыгнуть через стену прямо на Тень, и посох внезапно вспыхнул ослепительным белым пламенем. Гед прыгнул, почувствовал, что падает, и провалился в темноту.

А в это время Печварри, его жена и колдунья видели следующее: юный волшебник вдруг остановился посреди заклинания и некоторое время молча и не двигаясь держал ребенка в руках. Потом он осторожно положил маленького Иоэта в кроватку, выпрямился, взял посох и снова застыл без движения. Затем он высоко поднял посох, и тот ярко вспыхнул, словно Гед держал в руках молнию. Когда зрение вернулось к ним, они увидели, что Гед лежит ничком на земляном полу. Рядом в кроватке лежал мертвый ребенок.

Печварри показалось, что маг тоже умер. Жена его плакала, а он выглядел крайне озадаченным. Но колдунья слышала кое-что о том, как умирают настоящие маги и проследила за тем, чтобы с Гедом обращались не как с мертвым, хотя он и был холоден и не подавал признаков жизни, а как с больным человеком. Геда перенесли домой, и старуха осталась сидеть около его постели, ожидая, пока тот проснется или заснет, наконец, вечным сном.

Маленький отак, как всегда при появлении посторонних, спрятался на чердаке. Здесь он и притаился, слушая шум дождя, а когда огонь в очаге начал гаснуть и старуха задремала, потихоньку спустился вниз к кровати, на которой неподвижно лежал Гед. Своим крошечным язычком-листочком зверек терпеливо, не останавливаясь ни на секунду, принялся лизать руки Геда, его виски, израненную щеку, закрытые глаза. И медленно, очень медленно, Гед начал пробуждаться. Он пришел в себя, не понимая, где он был и где сейчас находится, и откуда взялся окружающий его бледный свет. Это забрезжил рассвет наступающего дня. Сделав свое дело, отак, как обычно, свернулся клубочком у его плеча и уснул.

Позднее, вспоминая эту ночь, Гед догадался, что если бы никто не прикоснулся к нему тогда, когда он лежал бездыханный, не позвал бы из страны теней, он остался бы там навсегда. Спас его только мудрый инстинкт зверя, который лижет своего больного или раненого товарища. Гед почувствовал в этой мудрости что-то сродни своей собственной силе, сродни истинной магии. И с тех пор он верил, что истинный мудрец тот, кто не отделяет себя от других существ – неважно, могут они говорить или нет. И всю свою последующую жизнь Гед старался проникнуть в мысли своих неразговорчивых собратьев – читать в глазах животных, разбираться в полете птицы и размашистых жестах деревьев.

Вот так Гед впервые сознательно пересек границу, которую только величайшие маги могут пересечь с открытыми глазами, и даже для них этот шаг связан с огромным риском. Вернулся он полный сожаления и страха. Сожаления к своему другу Печварри и страха за себя. Теперь он понимал, почему Верховный Маг боялся отпускать его с Рокка, и почему будущее Геда оказалось скрытым даже от него. Сама Тьма ждала его, Нечто, не имеющее Имени, существо, не принадлежащее нашему миру, освобожденное, а может быть и созданное самим Гедом. Долго ждало оно его у стены, разделяющей миры живых и мертвых и, наконец, дождалось. Теперь Тень пойдет по его следам, будет подбираться все ближе и ближе, чтобы высосать из него жизнь и облачить себя в его плоть.

Вскоре Геду стала сниться Тень в облике медведя без головы. Ему казалось, что она кружит вокруг дома в поисках двери. Ничего подобного ему не снилось с тех пор, как зажили раны, которые нанесла эта тварь. Он проснулся замерзшим и совсем разбитым – шрамы на лице и теле нестерпимо ныли.

Настали тяжелые времена. Когда ему снилась Тень, или когда он просто думал о ней, его охватывал леденящий ужас – казалось, что силы вытекают из него, и он беспомощно бродит в потемках. Гед досадовал на собственную трусость, ругал себя, но все было

напрасно. Не от кого было ждать помощи – у Тени не было ни плоти, ни жизни, ни души. Безымянная, она обладала силой, которую он сам дал ей – ужасной силой, не подчиняющейся законам мира под солнцем. Но он не знал, в какой форме придет Тень к нему, а также когда это случится.

Он решил, что мог бы возвести магический барьер вокруг своего дома и островка, на котором жил. Но подобного рода защита требовала постоянного обновления и вскоре Гед понял, что если он бросит все свои силы на оборону, то от него не будет никакой пользы жителям островов. А что произойдет, если Дракон вдруг нападет с Пендора, и Гед окажется меж двух огней?

И снова ему приснился сон: Тень пробралась в дом, она тянулась к нему и шептала слова, которых он не понимал. Гед проснулся в холодном поту и несколькими огоньками-обманками ярко осветил все темные углы так, чтобы ни один предмет не отбрасывал тени. Он подбросил дров в очаг и сидел, слушая как осенний ветер шелестит соломой на крыше и свистит среди голых веток деревьев. В сердце его заклокотала первобытная ярость – он не будет покорно ждать смерти, сидя на маленьком островке и защищаясь бесполезными заклинаниями. Но просто покинуть остров Гед не мог – это означало предать доверие островитян и оставить их беззащитными перед Драконом. Ему оставался только один путь.

На следующее утро Гед пришел вместе с рыбаками на главную пристань Лоу Торнинга и, разыскав Старейшину острова, сказал ему:

– Мне необходимо покинуть остров. Мне угрожает опасность, значит и вы в опасности. Я должен уйти, но прежде следует покончить с драконами на Пендоре и тем самым выполнить свой долг перед вами. Если меня постигнет неудача сейчас, значит я не справлюсь с ними никогда. Чем раньше встречу я с драконами, тем лучше.

У Старейшины отвисла челюсть от изумления.

– Лорд Сокол, – пробормотал он, – но там же девять драконов!

– Говорят, что восемь из них совсем молоды.

– Да, но один старый...

– Повторяю, мне нельзя оставаться здесь! Но я прошу разрешения перед отъездом попытаться избавить вас от драконов, если мне суждено это сделать.

– Как пожелаете, сэр, – уныло ответил Старейшина.

Всем присутствующим при этом разговоре показалось, что юным волшебником овладел либо каприз, либо безумная храбрость, и они с тоской провожали Геда глазами, не надеясь более увидеть его. Мнения их разделились: одни считали, что он хочет удрать и бросить их на произвол судьбы, другие – и Печварри в том числе – были уверены, что маг сошел с ума и ищет смерти.

Вот уже четыре поколения корабли старались держаться подальше от берегов Пендора. Поскольку остров лежал в стороне от проторенных морских дорог, еще ни один маг не пытался сразиться с Драконом. Древние правители Пендора были пиратами и работорговцами, которых ненавидели все на юго-западе Земноморья. Поэтому никто не жаждал отомстить за Лорда Пендора после того, как с Запада на остров внезапно налетел Дракон и спалил Лорда, пировавшего с приближенными в башне, а вопящих от страха горожан загнал в море и стал властелином острова со всеми его костями, башнями и кучами награбленных за долгое время драгоценностей.

Все это было хорошо известно Геду, который с тех пор, как приехал на Лоу Торнинг, не переставал по крупицам собирать все известные сведения о драконах. Он вел свое утлое суденышко на запад, используя магический ветер, а не весла или навыки моряка, полученные им от Печварри; укрепленный чарами руль держал верный курс – и наблюдал, как на горизонте встает опустошенный остров. Гед торопился и поэтому использовал магический ветер. Впереди его ждало тяжелое испытание, но оно не шло ни в какое сравнение с тем, что осталось за кормой. Но прошел день и страх сменился холодной яростью. По крайней мере, эту опасность он выбрал себе сам и эти последние часы, возможно перед скорой смертью, он

свободен. Тень не осмелилась последовать за ним в пасть Дракона. Среди увенчанных белыми барашками волн, под низкими серыми облаками, гонимыми северным ветром, приблизился Гед, влекомый магическим ветром, к скалам Пендора и увидел перед собой пустынные городские улицы и полуразрушенные башни.

У входа в спокойные воды гавани он остановил магический ветер, и лодка закачалась на волнах. Поднявшись во весь рост, он бросил вызов Дракону:

– Узурпатор Пендора! Выходи и защищай награбленное!

Голос его растворился в грохоте волн, разбивающихся о темно-серые скалы, но у драконов острый слух. Мгновение спустя один из них, темнокрылый и покрытый чешуей, похожий на исполинскую черную летучую мышь, вылетел из развалин какого-то дома и, кружась в порывах северного ветра, приблизился к Геду. При виде знакомого только по легендам чудовища сердце Геда учащенно забилося. Он громко рассмеялся и крикнул:

– Эй, ты, червяк небесный, скажи Старику, что я его жду!

Это был один из молодых драконов, рожденный несколько лет назад, когда на Пендор с дальнего Запада прилетала дракониха и, отложив среди руин восемь гигантских кожистых яиц, улетела обратно. Вылупившихся малышей взял под свое покровительство Старый Дракон Пендора.

Молодой дракон не ответил Геду. По размерам он еще не превосходил сорокавесельной галеры, и весь, от головы до кончика хвоста, был совершенно черен. Он не обладал пока ни даром речи, ни драконьей хитростью. Раскрыв зубастую пасть, бросился он подобно стреле прямо на маленькую лодку. Так что Геду не составило труда одним быстрым и резким заклинанием связать ему лапы и крылья... Камнем врезался дракон в море, и серые волны навеки сомкнулись над ним.

От подножия самой высокой башни в воздух взмыли еще два дракона. Подобно первому, ринулись они на мага и тоже нашли свою смерть в морских глубинах. А ведь Гед пока что даже не пускал в дело свой посох.

Через некоторое время с острова поднялись еще три дракона. Один из них был значительно крупнее остальных, из его пасти вырывалось пламя. Двое устремились на Геда спереди, а здоровяк, сделав быстрый круг, бросился в атаку сзади, чтобы сжечь мага вместе с лодкой своим огненным дыханием. Никакие чары не смогли бы остановить их всех сразу – слишком велико было расстояние между ними. Как только Гед понял это, он тут же соткал заклинание Изменения и в образе дракона взвился в небо.

Распростерши свои широкие крылья и выставив вперед когти, он встретился с первыми двумя драконами лицом к лицу, испепелил их одним сгустком пламени и сразу же развернулся, чтобы встретить третьего, который был крупнее его и тоже вооружен огнем. В порывах ветра, над бурлящим морем, раз за разом бросались они друг на друга, сталкивались, рвали когтями, пока все вокруг не заволочло дымом, сквозь который сверкали кроваво-красные отблески их дыхания. Внезапно Гед рванулся вверх, и противник устремился на него снизу. Подняв крылья, Гед резко остановился, как это делают соколы и, выставив вперед когти, обрушился на врага. Он вцепился ему в голову и шею. Черные крылья затрепетали, и капли черной драконьей крови с шипением упали в море. Последним усилием дракон с Пендора вырвался и, стелясь над водой, медленно и неуверенно полетел к берегу, мечтая спрятаться в какой-нибудь пещере или разрушенном доме.

Увидев это, Гед постарался как можно быстрее принять свой обычный облик и вновь оказаться в лодке – опасно быть драконом дольше, чем необходимо. Руки его были ошпарены черной кровью, волосы на голове обгорели, но он не замечал этого. Гед перевел дыхание; и снова разнесся над островом его голос:

– Я видел шестерых, пятерых лишил жизни! Говорят, вас девять! Выползайте, черви!

Но ничего не двигалось на острове и ответом ему был только гул прибоя. Но вот Геду показалось, что самая высокая башня на берегу начала менять свои очертания, вспучиваясь с одной стороны, словно в этом месте у нее росла рука... Гед боялся драконьей магии, ибо старые драконы коварны и очень сильны в этом искусстве, совершенно непохожем на

человеческое волшебство. Но это не было магией – Геда подвели собственные глаза. То, что он принял за выступ башни, оказалось плечом Дракона Пендора, который медленно приподнимал свое чешуйчатое тело.

Его голова с раздвоенным языком, украшенная остроконечным выступом, поднялась над разрушенной башней, когтистые лапы попирали развалины города. Чешуя дракона напоминала полированный гранит. Он был строен, как гончая, и огромен, как гора. Гед смотрел на него с благоговейным ужасом – никакие песни и легенды не в силах передать подобного великолепия. Он смотрел, не отрываясь, и едва не совершил роковой ошибки – чуть было не заглянул в глаза Дракону. Усилив воли отвел Гед свой взор от маслянисто-зеленых зрачков и высоко поднял посох, казавшийся сейчас не более, чем лучиной.

– Восемь сыновей было у меня, маленький волшебник, – раздался хриплый голос исполина. – Пятеро погибло, еще один вскоре умрет, – этого достаточно. Убивая их, ты не получишь моих богатств!

– Твои богатства меня не интересуют!

Из ноздрей Дракона с шипением вырвался желтоватый дымок – исполин рассмеялся.

– А ты не хочешь сойти на берег и полюбоваться моими сокровищами, маленький волшебник? Там есть на что посмотреть!

– Нет, Дракон.

Драконы рождены для ветра и огня, и не любят морских просторов. Пока Гед не ступал на сушу, преимущество оставалось на его стороне. И он не собирался терять его, каким бы хрупким оно не казалось.

Трудно, очень трудно было не смотреть в эти внимательные зеленые глаза...

– Ты очень молод, – молвил Дракон. – Я и не подозревал, что столь юные волшебники могут обладать таким могуществом.

Как и Гед, Дракон Пендора говорил на Древнем Наречии, на котором до сих пор объясняются драконы. Человек, пользуясь им, может говорить только правду, но к драконам это не относится – это их родной язык. Они могут лгать, смешивая правду с ложью, запутывая неосторожного слушателя в лабиринте слов-зеркал, в каждом из которых отражается истина, в конце концов искажаясь до неузнаваемости. Зная об этом, Гед был настороже и слушал Дракона недоверчиво. Но его слова казались простыми и ясными:

– Ты пришел ко мне просить помощи, маленький волшебник?

– Нет, Дракон!

– А ведь я могу помочь тебе. И в помощи ты будешь нуждаться очень скоро – против того, что преследует тебя во тьме.

От изумления Гед потерял дар речи.

– Так что же охотится за тобой? Назови мне его Имя.

– Если бы я мог... – Гед умолк.

Желтый дым закружился над головой Дракона, извергаясь из похожих на кратеры вулканов ноздрей.

– Справиться с Тенью ты сможешь, только зная ее Имя. Возможно, я смогу узнать его, когда увижу ее поближе. Давай подождем немного – она обязательно явится сюда за тобой. Но если ты не стремишься к встрече, ты должен бежать, не останавливаясь. А эта тварь будет преследовать тебя. Так ты хочешь узнать ее Имя?

Гед молчал. Он не мог понять, как Дракон проведал о Тени, выпущенной им на свободу, и каким образом он сможет узнать ее Имя. Верховный Маг сказал, что у Тени нет Имени. Но мудрость драконов велика, род их значительно древнее человеческого. Очень мало людей могут угадать, что знает дракон и как он это узнал – таких людей называют Повелителями Драконов. Геду же было ясно только одно: даже если Дракон говорит правду, и он действительно способен назвать Геду Имя Тени и тем самым дать ему власть над ней, то сделает он это только в своих собственных интересах.

– Крайне редко, – сказал наконец Гед, – драконы предлагают кому-либо свою помощь.

– Но кошка, – ответил Дракон, – частенько играет с мышкой перед тем, как съесть ее.

– Я приплыл сюда не для игр, а чтобы заключить с тобой договор.

Словно меч, взвился над башней, над закованной в броню спиной Дракона, кончик его скорпионьего хвоста, который был впятиро длиннее любого меча. Исполин прохрипел:

– Я не заключаю договоров. Я просто беру. Что ты можешь предложить мне такого, чего я сам не могу взять?

– Безопасность. Твою безопасность. Поклянись, что ты не будешь летать к востоку от Пендора, и я обещаю, что не причиню тебе вреда.

Похожий на шум далекого горного обвала скрежещущий звук вырвался из горла Дракона, огонь выплеснулся из его пасти. Он приподнял свое чешуйчатое тело, возвышаясь над руинами.

– Ты *мне* предлагаешь безопасность! Ты угрожаешь мне! Чем?

– Твоим Именем, Еавуд!

Голос Геда дрожал, но Имя Дракона он произнес ясно и громко. Услышав его, Дракон замер. Прошла минута, потом другая, и Гед, стоящий в крохотной качающейся лодчонке, улыбнулся. Его судьба и сама жизнь зависела от того, правильно ли он угадал Имя. Еще будучи в Школе, он выискивал в древних книгах все упоминания о драконах, и некоторые странные совпадения навели его на мысль, что Дракон Пендора – это тот самый дракон, который во времена Эльфарран и Морреда натворил много бед на западном берегу Осскила, пока не был изгнан оттуда магом Эльтом, большим знатоком всяческих Имен. Догадка оказалась верной.

– Мы равны, Еавуд. У тебя – сила, у меня – твое Настоящее Имя. Как насчет договора?

Дракон по-прежнему молчал. Много лет прожил он на этом острове, где слитки золота и изумруды раскиданы среди битых кирпичей и истлевших костей. Ящер наблюдал за тем, как его черное отродье резвится в развалинах и планирует с высоких утесов. Он долго нежился на солнышке, и его не беспокоили чужие голоса. Он постарел. И теперь ему было трудно двигаться и разговаривать с хрупким мальчишкой-волшебником. Еавуд, Старый Дракон, взглянул на посох в его руках и вздрогнул, словно от боли. Шипящим от ненависти голосом он произнес:

– Разрешаю тебе взять девять камней из моей сокровищницы. Выбирай самые лучшие и уходи.

– Мне не нужны твои камни, Еавуд.

– Куда девалась людская жадность? В добрые старые времена люди любили яркие камешки... Мне известны все твои желания, волшебник. Я тоже могу предложить тебе безопасность, ведь мне скоро станет известно то единственное Имя, что может спасти тебя! Ужас преследует тебя. Я назову тебе его Имя.

Внезапно вспыхнувшая надежда ошеломила Геда. Он крепко сжал посох и замер недвижимо, как только что стоял Дракон.

Но с драконом можно заключить одно и только одно соглашение... Не о своей жизни беспокоился Гед, направляясь к Пендору. Гоня из памяти последние слова Дракона, он сказал то, что должен был сказать.

– Я попрошу тебя не об этом, Еавуд.

Когда Гед произнес Имя Дракона, у него было такое чувство, будто он держит Дракона на тоненьком поводке, затянутом на шее исполина. Немигающий изумрудный взгляд Дракона источал злобу, стальные когти величиной с человеческую руку впивались в израненную землю, пламя клочкотало в пасти. Но поводок затягивался все туже... Гед снова заговорил:

– Еавуд! Поклянись своим Именем, что тебя и твоих сыновей никогда не увидят над Архипелагом!

Ослепительное пламя выплеснулось из пасти Дракона, и он проревел:

– Я клянусь в этом своим Именем!

В наступившей тишине Еавуд опустил свою исполинскую голову.

Когда он снова поднял ее, волшебник исчез, а белый парус превратился в маленькую точку у самого горизонта, направляясь к тучным, полным богатств островам на востоке. В бессильной ярости повалив башню, распростер Дракон свои гигантские крылья над разрушенным городом, но клятва связывала его, и больше ни разу не появился он в небе Архипелага.

6. Бегство

Едва Пендор скрылся из виду, Гед почувствовал, глядя на восток, что страх перед Тенью снова сжимает в тисках его сердце. Невыносимо тяжело было поворачиваться лицом к бесформенному кошмару. Гед убрал магический ветер и двигался только при помощи обычного. Сейчас он никуда не торопился. Гед не имел ни малейшего представления о том, что ему теперь делать. Дракон сказал, что спасение – в бегстве. Но куда бежать?.. Рокк! Там он, по крайней мере, окажется в безопасности и сможет получить мудрый совет.

Однако, сперва следовало посетить Лоу Торнинг и отчитаться перед островитянами. Прошло уже пять дней с его отплытия. При вести о том, что Гед вернулся, послушать и посмотреть на него собралось полгорода. Когда он закончил свой рассказ, кто-то сказал:

– Но кто из нас своими глазами видел все эти чудеса – мертвых драконов, одураченных драконов? А что, если он...

– Заткнись! – грубо оборвал его Старейшина. Он прекрасно знал, что волшебники обычно молчаливы, но если они о чем-то говорят, так оно и есть. Волшебство не уживается с ложью... Так что островитяне мало-помалу успокоились, и ворчание сменилось радостью. Началось веселье. Они еще теснее обступили своего молодого волшебника и попросили его рассказать обо всем еще раз. Потом подошли новые слушатели... К вечеру Геду уже ничего не нужно было рассказывать. У островитян это получалось гораздо лучше. Деревенские сказители уже приспособили его рассказ к какой-то старой мелодии, и на каждом углу толпы народа распевали «Песню Сокола». Огромные костры запылали не только в Лоу Торнинге, но и на ближайших островах. От лодки к лодке, от острова к острову рыбаки передавали друг другу весть:

– Зло повержено! Отныне мы можем не бояться Дракона Пендора!

В эту ночь, одну-единственную ночь, Гед радовался вместе со всеми. Никакая Тень не смогла бы пробиться к нему сквозь яркие огни, горевшие в знак благодарности и признательности на каждом утесе и пляже, сквозь толпы танцующих и смеющихся людей, громко славивших его. Снопы искр взлетали от факелов и быстро гасли на осеннем ветру...

На следующий день Гед встретил Печварри, который сказал:

– Я не знал, что ты столь могуществен, мой повелитель, – в голосе плотника слышался страх, поскольку он осмеливался называть Геду своим другом, но слышалось и осуждение. Гед победил драконов, но не смог спасти жизнь маленького мальчика. После этой встречи Гед снова почувствовал то же нетерпение, которое раньше гнало его к Пендору, а сейчас – из Лоу Торнинга. И хотя островитяне готовы были держать мага у себя всю жизнь, чтобы восхвалять его и хвастаться им перед соседями, на следующий день Гед покинул дом на холме. С собой он взял только книги, посох и верного отака.

Он отплыл в шлюпке с двумя молодыми рыбаками, удостоенными чести стать его лодочниками. Они плыли среди судов, заполнявших восточные проливы Деяноста Островов, под окнами и балконами стоящих у самой воды домов; мимо гаваней Неша, лугов Дромгана, зловонных маслобоен Гета, и везде молва обгоняла их. При его появлении островитяне начинали насвистывать «Песню Сокола» и умолять его провести ночь именно в их гостеприимном городе и рассказать о победе над Драконом. В конце концов они прибыли на Серд и капитан корабля, которого Гед попросил доставить его на Рокк, ответил:

– Это будет огромной честью для меня и моего корабля, Лорд Волшебник!

Но как только корабль вышел из гавани Серда и поднял паруса, навстречу подул сильный восточный ветер. Всем это показалось странным, ибо небо было чистым и с утра

ничто не предвещало бури. От Серда до Рокка всего тридцать миль и, посчитав это расстояние пустячным, капитан смело отправился в путь. Ветер все усиливался, но корабль не сдавался. Как и на большинстве торговых судов, на нем нашелся высокий косой парус, при помощи которого можно лавировать против ветра, а капитан судна был старым морским волком, который гордился своим искусством. Так, отклоняясь то к северу, то к югу, они все же продвигались в восточном направлении. Но к ветру скоро прибавился дождь, заряды которого были столь мощны, что грозили перевернуть судно. Гед стоял на корме рядом с капитаном. Это место считалось почетным, хотя весьма трудно держаться с достоинством, когда ты, промокнув до нитки, судорожно цепляешься за поручни, чтобы тебя не смыло за борт.

– Лорд Сокол, – сказал капитан. – Не сможешь ли ты вразумить этот ветер?

– Как далеко мы от Рокка?

– Примерно на полпути, но за последний час мы не продвинулись вперед ни на дюйм, сэр.

Гед поговорил с ветром, тот немного утих, и корабль пошел легче. Внезапно невероятной силы порыв ударил с юга и корабль отбросило назад. Облака вскипели, и небеса разверзлись страшным ливнем, а капитан хрипло выругался:

– Этот чертов ураган дует со всех сторон сразу! Господин, нам может помочь только магический ветер!

Эта просьба не понравилась Геду, но эти люди рисковали ради него своими жизнями, и он решился... Судно сразу рванулось вперед, на восток, и морщины на лице капитана стали разглаживаться. Но мало-помалу, хотя Гед и старался изо всех сил, магический ветер слабел и слабел, пока корабль не остановился совсем и, казалось, завис на бушующих волнах с обвисшим парусом среди бешеной круговерти дождя и ветра. Продержавшись так несколько минут, он вдруг сам по себе сделал поворот фордевинд и, словно испуганный кот, прыгнул на север.

Гед ухватился за поручень и крикнул:

– Поворачивай обратно, капитан!

Тот прокричал в ответ:

– Как? Волшебник на борту, я – лучший капитан Архипелага на лучшем из всех кораблей, которые у меня были когда-либо – и поворачивай назад?!

Вдруг судно почти легло на борт, будто попало в водоворот и, чтобы удержаться на ногах, капитан сам вцепился в ахтерштевень. Гед сказал ему:

– Высади меня на Серде и плыви куда хочешь. Этот ураган противодействует мне, а не твоему судну.

– Противодействует волшебнику Рокка?

– Ты слышал что-нибудь о Ветрах Рокка?

– Конечно, они отгоняют от Острова Мудрости злые силы, но какое отношение имеют эти ветры к тебе, Повелителю Драконов?

– Это касается только меня и моей Тени, – коротко, как и подобает магу, ответил Гед. Судно легло на обратный курс и под проясняющимися небесами понеслось обратно к Серду.

...Когда Гед выходил из гавани Серда, в сердце его царили страх и уныние. Наступила зима, и сумерки не заставили себя ждать. С наступлением вечера тревога Гедов удваивалась, за каждым поворотом мерещился враг. Только усилием воли он заставлял себя не оборачиваться через плечо... Гед направился к Дому Моря, где путешественники и купцы за счет городских властей могли плотно поужинать и переночевать в большом, но теплом зале – таково было гостеприимство процветающих островов Внутреннего Моря.

Гед оставил от ужина немного мяса и перед сном, сидя у очага, выманил своего верного отака из складок капюшона плаща, где тот прятался весь день. Он пытался накормить зверюшку, ласково приговаривая:

– Хог, маленький ты мой молчун... – но отак от угощения отказался и снова забрался в свое убежище. Поведение зверька, унылая неуверенность самого Гедов, тьма, собравшаяся в

углах огромной залы, ясно указывали на то, что Тень где-то поблизости.

Здесь собрались люди с разных островов. Никто из них не слышал «Песни Сокола», никто не узнал Геда и не заговорил с ним. В конце концов он выбрал себе соломенный тюфяк, улегся на него, но всю ночь пролежал, не сомкнув глаз. Он старался угадать, какую избрать дорогу, что следует делать, а чего не следует. Каждый план казался заранее обреченным на неудачу, на всех дорогах его могла поджидать Тень. Только на Рокке он смог бы жить в безопасности, но туда ему не позволяли добраться древние могучие заклинания, охраняющие остров. Ветры Рокка восстали против него. Значит тварь, охотящаяся за ним, должно быть, рядом.

Это бестелесное, слепое в свете солнца существо было порождением царства, где не существовало таких понятий, как пространство, время и свет. Днем Тень была слепа и ей приходилось преследовать его, полагаясь лишь на осязание. Она принимала видимый облик только в темноте и во снах, ибо была невидима при солнечном свете. Настигнув Геда, Тень высосет из его тела жизнь, силу, тепло и саму волю, управляющую этим телом.

Вот какая его ждала участь. Гед знал, что развязка, скорее всего, уже близка, ибо Тень, находясь рядом с ним, становилась все сильнее и, возможно, уже могла использовать в своих целях силы зла или злых людей, скрывая свой облик и говоря чужим голосом. Он предполагал, что Тень спряталась в одном из тех людей, что спали этой ночью в зале Дома Моря. Она притаилась в темных закоулках черной души и терпеливо выжидала, следя за Гедом и наслаждаясь его слабостью, неуверенностью и страхом.

Это было выше его сил. Он мог надеяться только на счастливый случай и бежать до тех пор, пока удача не улыбнется ему. Лишь только забрезжил холодный рассвет, Гед поднялся и поспешил в гавань Серда, решив сесть на первый попавшийся корабль. Какая-то галера, принимавшая на борт масло тарбис, должна была вот-вот сняться с якоря и отправиться в Великий Порт Хавнора. На большинстве кораблей посох волшебника служит и пропуском и платой за проезд, так что Геда охотно взяли на борт. Через час корабль вышел в море, и звук маленького барабана, отбивающего ритм гребцам, немного приободрил совсем упавшего духом Геда.

Юноша не представлял себе, что он будет делать на Хавноре и куда отправится потом. Можно было податься на север, поскольку он сам был северянином. Может быть, с Хавнора ему удастся перебраться на Гонт, и он снова увидит Огиона... Или сесть на корабль, плывущий в далекие Пределы, так далеко, что Тень потеряет его след и прекратит охоту... Эти смутные идеи не подкреплялись никаким планом. Только бежать, только спастись...

К исходу второго дня сорок крепких весел унесли его корабль на сто пятьдесят миль от Серда. Судно встало на якорь в Оррими – порту на восточном берегу большого острова Хок. Торговые галеры во Внутреннем Море всегда стараются держаться поближе к берегам и, если возможно, обязательно заходят на ночь в порт. Было еще светло. Гед сошел на берег и принялся бесцельно бродить по крутым улочкам портового города.

Оррими – старый город. Дома в нем сложены из огромных камней, а высокая стена защищает его от разбойных Лордов внутреннего Хока. Купеческие дома больше походили на крепости, а склады и магазины – на форты. Но для Геда эти исполинские здания были лишь вуалью, за которой пряталась зловещая тьма, а люди, спешащие мимо него по своим делам, казались бестелесными тенями. Стало смеркаться и Гед отправился обратно к гавани, которая в кровавом свете угасающего солнца показалась ему угрюмой и притихшей – как и он сам.

– Куда держишь путь, Господин Волшебник? – внезапно раздался голос позади него. Гед обернулся и увидел человека в сером плаще и с увесистой палкой в руке, непохожей на посох волшебника. Лицо незнакомца было скрыто капюшоном, но Гед почувствовал, как внимательно изучают его невидимые глаза. Непроизвольно он поднял свой тисовый посох.

Человек спокойно спросил:

– Чего ты боишься?

– Того, что идет за мной по пятам.

– Вот как? Но я же не твоя Тень!

Гед промолчал.

Он знал, что кем бы ни был этот человек, не следует его бояться – он не был Тенью, призраком или геббетом. В этом призрачном мире, где царила гробовая тишина, он казался единственной реальностью, обладающей к тому же голосом. Вот он откинул капюшон и перед Гедом предстало изборожденное морщинами лицо. Хотя голос незнакомца звучал твердо, выглядел он глубоким стариком.

– Я не знаю тебя, – сказал человек в сером, – но, кажется, встретились мы не случайно. Недавно я услышал рассказ о молодом, но уже покрытом страшными шрамами волшебнике, завоевавшем всеобщее уважение. Про тебя этот рассказ или нет, запомни мои слова: меч для схватки с тенями ты найдешь при Дворе Терренона. Тисовый посох тут тебе не поможет.

Гед слушал, и в сердце его боролись надежда и недоверие. Любой маг вскоре начинает понимать, что действительно случайных встреч в жизни почти не бывает.

– На каком острове находится Двор Терренона?

– На Оскиле.

При звуке этого имени перед мысленным взором Гед на мгновение встал черный ворон на зеленой траве, который искоса смотрел на него глазами-пуговками и что-то говорил. Слов Гед не помнил...

– В имени этого острова слишком много мрака, – сказал он, пытаясь понять, что за человек его собеседник. Что-то подсказывало Геду, что тот не чужд волшебства, но выглядел незнакомцем каким-то поникшим, словно раб или смертельно больной человек.

– Ты с Рокка. Волшебники Рокка дают черные имена тайнам, которых не могут разгадать.

– Что ты за человек?

– Странник. Торговец с Оскила, здесь по делам, – ответил человек в сером. Видя, что Гед больше не задает вопросов, он тихо пожелал ему спокойной ночи, повернулся и ушел.

Гед стоял в нерешительности, не зная, стоит ли обращать внимание на слова незнакомца. Красноватый свет заката быстро угасал над высокими холмами и беспокойным морем. Опустились серые сумерки, а за ними пришла ночь.

Внезапно решившись, Гед быстро подошел к рыбаку, возившемуся в своей лодке, и окликнул его:

– Не знаешь ли ты, идет какой-нибудь корабль на север, к Семелу или на Энлад?

– Вот тот большой корабль – с Оскила. Он может сделать остановку на Энладе.

Так же поспешно Гед подбежал к указанному судну, на которое ему указал рыбак – шестидесятивесельной, длинной как змея, галере с носом, напоминающим клюв ворона. Ее высокая резная корма была инкрустирована раковинами, порты выкрашены в красный цвет и на каждой черной краской выведена руна Сифл. Это был надежный, быстроходный корабль, уже готовый к выходу в море, с полным экипажем на борту. Гед подошел к капитану и попросил взять его на Оскил.

– А ты сможешь заплатить за себя?

– Я умею обращаться с ветрами.

– Я и сам умею. Деньги у тебя есть?

Жители Лоу Торнинга хотели заплатить Геду за работу множеством перламутровых дисков, которыми пользуются торговцы Архипелага при расчетах. Он взял только десять, хотя они давали ему намного больше. Их он и предложил оскилианцу, но тот отрицательно покачал головой.

– У нас они не в ходу. Если у тебя нечем заплатить, то у меня нет места.

– А рабочие руки тебе нужны? Когда-то я греб на галере.

– Договорились, у нас не хватает двух гребцов. Ищи свою скамью. – С этими словами капитан отвернулся и больше не обращал на Гедo внимания.

Итак, положив под скамью свой посох и мешок с книгами, Гед на десять промозглых зимних дней превратился в гребца на этом корабле с севера. Судно покинуло Оррими на

рассвете и в тот день Геду пришлось туго. От старых ран его левая рука плохо сгибалась, а путешествия в проливах Девяноста Островов не могли как следует подготовить его к изнурительной работе с длинным веслом под ритм барабана. Вахта у весла длилась два или три часа и отдыха хватало только на то, чтобы мускулы Геда успели немного отойти. А потом – опять за весло. Второй день оказался еще тяжелее, но скоро Гед пообвык и справлялся со своими обязанностями довольно сносно.

В отличие от «Тени», корабля, на котором Гед приплыл на Рокк, на этом судне совершенно отсутствовало чувство товарищества. Матросы андрадских и гонтийских кораблей – партнеры, работающие для общей выгоды. Торговцы же Осскила или пользуются трудом рабов и крепостных, или же нанимают гребцов, платя им маленькими золотыми кружочками. Золото может быть чем угодно, но только не источником дружбы между людьми. Это относится и к драконам, которые также ценят его весьма высоко. Половина гребцов на корабле была крепостными крестьянами, и поэтому корабельные офицеры являлись скорее надсмотрщиками, причем весьма жестокими. Они не трогали лишь гребцов, работающих за плату или за проезд. Вряд ли можно было ожидать добрых отношений в экипаже, половину которого разрешается бить, а половину – нет. Соседи Геда редко говорили друг с другом, и еще реже – с ним. В большинстве своем они были уроженцами Осскила и объяснялись не на языке Архипелага, а на своем собственном наречии. Они были угрюмыми людьми, с бледной кожей, обвислыми усами и длинными волосами. Между собой они называли Геда «Келуб», что означает «красный». Гребцы хотя и знали, что он волшебник, относились к нему безо всякого почтения, а даже с каким-то осторожным злорадством. Да и сам Гед был не в том настроении, чтобы набиваться в приятели. Даже на своей скамье, захваченный могучим ритмом гребли, в окружении шестидесяти крепких мужчин, на огромном корабле, летящем по серому морю, он чувствовал себя беззащитным. Когда с наступлением ночи они заходили в очередной незнакомый порт и Гед пытался заснуть, завернувшись в свой плащ, его начинали мучить кошмары. Он просыпался и снова проваливался в сон только для того, чтобы проснуться через несколько минут. От ужаса Гед не помнил своих снов, но они, казалось, были связаны с кораблем и матросами. Юноша не доверял уже никому.

Все свободные осскилианцы носили на поясе длинные ножи и как-то, когда смена Геда обедала, один из них спросил:

– Келуб, ты кто – раб или клятвopecтyпник?

– Ни то, ни другое.

– Тогда почему у тебя нет ножа? Боишься драться? – спросил, ухмыляясь, человек, которого звали Скиорх.

– Нет.

– Так значит за тебя дерется твоя маленькая собачка?

– Отак, – поправил его один из гребцов. – Это не собака, а отак, – и прошептал осскилианцу нечто такое, что заставило того помрачнеть и отвернуться. Гед заметил, что на какое-то мгновение лицо Скиорха изменилось – черты его расплылись и сдвинулись, словно что-то посмотрело на Геда его глазами. Но уже в следующую секунду лицо стало обычным и Гед постарался убедить себя, что это его собственное отчаяние и страх отразились в чужих глазах. Но в следующую ночь на стоянке в порту Эсена ему приснился этот человек. Впоследствии Гед всячески избегал его, да и осскилианец старался держаться от волшебника подальше, больше не пытаясь с ним заговорить.

Вскоре покрытые снегом вершины Хавнора растворились в промозглом тумане. Корабль прошел мимо входа в Море Эа, на дне которого с давних пор покоятся останки прекрасной Эльфарран, и вошел в Энлады. Здесь он два дня простоял в порту Берила, который прозвали Городом Китовой Кости за белизну его башен, вздымающихся над водами легендарных Энлад. Во всех портах, в которые они заходили, экипаж всегда оставался на борту судна. На третий день с первыми лучами красноватого зимнего солнца они вошли в Осскильское Море. Навстречу с необъятных морских равнин Северного Предела дул

сильный ветер. Еще через два дня исхлестанный жгучим морем корабль вошел в Несхум – торговый порт на восточном побережье Осскила, доставив свой груз в целости и сохранности.

Гед увидел перед собой пологий, продуваемый всеми ветрами берег, серый, притаившийся под защитой образующих гавань длинных волноломов город, а за ним – голые холмы и свинцовое небо. Этот остров лежал вдали от обласканных солнцем вод Внутреннего Моря.

На борт поднялись грузчики Морской Гильдии Несхума и принялись таскать на берег груз – золото, серебро, драгоценные камни, тончайший шелк и южные ковры, короче, все то, что так любят Лорды Осскила. Экипаж был распущен. Гед остановил одного из матросов, чтобы спросить дорогу – до этого он держал в секрете цель своего путешествия, но сейчас просто вынужден был открыть ее, оказавшись совершенно один на незнакомом острове. Матрос терпеливо ответил, что первый раз слышит о подобном месте, но стоявший поблизости Скиорх сказал:

– Двор Террена? Это на болотах Кексемт. Я тоже иду в ту сторону.

Такая компания была Геду не по душе, но выбора не было – юноша не знал ни языка, ни дороги. Гед сказал себе, что теперь ему все равно – привела же его сюда чужая воля, она и ведет его дальше. Он натянул на голову капюшон, взял в руки посох, мешок с книгами и последовал за своим провожатым вверх по улицам города к заснеженным холмам. Маленький отак не пожелал оставаться у него на плече – прячась от холода, он забрался под плащ, в карман куртки. Они шли молча. Тишина зимы сковала холмы, которые постепенно перешли в поросшую вереском пустынную равнину.

– Далеко ли нам идти? – спросил Гед после нескольких миль пути, на котором им не встретилось ни единой деревни или фермы. Еды у них с собой не было ни крошки.

Скиорх обернулся, поплотнее закутался в плащ и ответил:

– Нет...

У него было отвратительное лицо – болезненно бледное, грубое и жестокое. Гед не боялся Скиорха, но юношу беспокоила мысль, куда тот может его завести. Дорога казалась тонким шрамом на пустоши, покрытой толстым слоем снега и поросшей низкорослым кустарником. В нескольких местах ее пересекали какие-то тропинки. Дымки Несхума скрылись за холмами, и в опускающихся сумерках Гед потерял всякое представление о том, откуда и куда они идут. Единственным ориентиром был ветер – он дул всегда с востока. Прошло еще несколько часов. Геду показалось, что впереди, на склоне далекого холма, к которому вела тропа, он видит какую-то крохотную царапину. Но дневной свет угасал, и Гед никак не мог разобраться, что это такое – башня, дерево или еще что-нибудь.

– Мы идем туда? – спросил он, указав рукой вперед.

Скиорх не ответил, но упрямо продолжал шагать, закутавшись в свой грубый плащ с подбитым мехом капюшоном. Гед догнал его. Шли они уже долго и от размеренного ритма и усталости, наложившейся на долгие корабельные дни и ночи, Гед стал дремать на ходу. Ему начинало казаться, что он идет испокон веков и будет так же шагать сквозь темное безмолвие рядом с молчаливым спутником до конца времен. Осторожность покинула юношу. Он шагал словно в полусне, не чувствуя под собой ног.

Отак заворочался в кармане и смутный страх Гед начал расти. Он заставил себя проговорить:

– Скоро пойдет снег и станет совсем темно. Далеко еще, Скиорх?

Не оборачиваясь, тот ответил, немного помедлив:

– Нет...

Но голос его уже не был похож на человеческий – хриплый и невнятный, он больше напоминал рычание дикого зверя, пытающегося говорить. Гед остановился.

– Скиорх! – позвал он его, и тот обернулся, остановившись. Под капюшоном была пустота.

Прежде чем Гед смог что-либо сказать или собраться с силами, геббет, в которого

превратился Скиорх, прохрипел:

– Гед!

Услыхав свое Настоящее Имя, Гед понял, что вся его магическая сила потеряна и он, вынужденный оставаться в человеческом облике, беззащитен. В этой чужой стране неоткуда ждать помощи, никто не откликнется на его зов. Между Гедом и врагом не было ничего, кроме тисового посоха, зажатого в правой руке юноши.

Существо, сожравшее разум Скиорха и завладевшее его плотью, заставило тело осскилианца сделать шаг вперед и поднять руки, нащупывая Геда. Смешанная с ужасом ярость наполнила юношу и подняв свой посох, он со свистом обрушил его на капюшон, скрывающий Тень. Под страшным ударом плащ сжался почти до земли, но сразу же, извиваясь и размахивая пустыми руками, поднялся опять. Геббет высосал из тела плоть, и теперь оно напоминало скорлупу в форме человека, прикрывающую Тень, которая совершенно реальна. Дергаясь и колыхаясь как от ветра, Тень распростерла руки и попыталась схватить Геда, как в свое время на Холме Рокка. Если бы ей это удалось, она отбросила бы шелуху, оставшуюся от Скиорха и вошла в Геда, уничтожив его разум и овладев его телом. Это было ее единственным желанием. Гед снова ударил ее тяжелым, уже дымящимся посохом и на мгновение Тень отступила, но тут же атаковала вновь. Еще один удар, и раскаленный посох, опалив ему руку, упал на землю. Гед отступил на несколько шагов, повернулся и побежал.

Юноша бежал, а геббет неся за ним, не отставая. Гед не оборачивался, он бежал, бежал через огромную сумеречную страну и нигде было спрятаться. Хриплым шепотом геббет еще раз позвал Геда по Имени, отнимая тем самым у него силу магическую, но над силой телесной он был не властен и не мог заставить Геда остановиться. А тот бежал со всех ног...

Над охотником и его жертвой сомкнулись крылья ночи. Началась метель, и Гед уже не различал тропинки. Сердце готово было выпрыгнуть из его груди, воздух раскаленным ножом резал горло. Он уже не бежал, а спотыкаясь, брел неведомо куда. Но неутомимый преследователь, казалось, никак не мог догнать его, оставаясь все время в нескольких шагах позади. Тень опять начала шептать его Имя, и Гед понял, что этот шепот всю жизнь звучал у него в ушах, чуть ниже уровня слышимости. Теперь он расслышал его и должен был остановиться, сдаться... Но юноша продолжал взбираться по какому-то бесконечному склону. Ему начало казаться, что впереди забрезжил слабый свет и какой-то голос зовет:

– Ко мне! Ко мне!

Гед хотел ответить, но не смог. Бледный свет был теперь ясно различим – он горел перед ним в каком-то проеме. Юноша не видел стен, но догадывался, что это – ворота. При виде их Гед остановился. Геббет тут же ухватился за плащ, пытаясь задержать его. Собрав последние силы, Гед ворвался в светящуюся дверь и хотел захлопнуть ее перед геббетом, но тут отказали ноги. Гед пошатнулся, в глазах его все поплыло, он почувствовал, что падает. Кто-то подхватил его обессилившее тело, и Гед провалился во тьму.

7. Полет Сокола

Гед проснулся и долго лежал, думая о том, как приятно пробуждаться (ведь он не ожидал, что вообще проснется), как приятно видеть свет, купаться в океане окружавшего его дневного света. Он как бы плыл в этом свете, подобно лодке, скользящей по зеркальной глади. Гед догадался, что лежит в постели, но в такой, в какой ему еще не приходилось спать. Она покоилась на резных изогнутых ножках, алый полог ограждал спящего от сквозняков. Мягчайшие пуховые перины создавали иллюзию легкой морской качки. С двух сторон полог был отдернут и Гед увидел, что находится в комнате с каменным полом и стенами. За высокими окнами видна была освещенная тусклыми лучами зимнего солнца знакомая пустошь, прикрытая кое-где снежными заплатами. Судя по открывавшемуся из окон виду, комната была расположена довольно высоко.

Гед сел в постели, и набитое пухом бархатное покрывало мягко соскользнуло с него. На нем была шелковая ночная рубашка, достойная любого лорда. На кресле подле кровати лежали приготовленные явно для него ботинки из тончайшей кожи и плащ, отороченный мехом пеллави. Он немного посидел, стараясь окончательно прийти в себя, затем встал и протянул руку за посохом. Но посоха не было.

Его правую руку, хотя и забинтованную, саднило – ожог от посоха давал о себе знать. Все мышцы нестерпимо ныли.

Он постоял немного, приходя в себя, потом тихо и безнадежно позвал:

– Хог! Хог!

Но маленький верный зверек, бессловесное создание, вызволившее его когда-то из царства мертвых, куда-то пропал. Был ли отак с ним прошлой ночью, когда он бежал? Или это произошло много ночей назад? Он не знал... Геббет, полыхающий посох, бегство, шепот, ворота – все это вспоминалось смутно, мозг Геда словно заволокло туманом. Он еще раз позвал отака, но без всякой надежды на ответ, и на глазах его выступили слезы.

Где-то вдалеке прозвенел колокольчик. Ему ответил второй, где-то совсем рядом с комнатой Геда. Тут же открылась дверь, и в комнату вошла молодая женщина. Улыбнувшись, она произнесла:

– Добро пожаловать, Сокол.

Женщина была высока ростом, одета в белые с серебром одежды, и волосы ее, черным водопадом ниспадавшие на плечи, прикрывала тончайшая серебряная сетка. Гед неловко поклонился.

– Значит, ты не помнишь меня?

– Вас, Леди?

Геду один-единственный раз в жизни довелось увидеть женщину, красота лица которой не уступала красоте одежды – Леди острова О, которая посетила Школу в праздник Возвращения Солнца. Но если Леди О была похожа на хрупкое и яркое пламя свечи, то эта женщина напоминала белую полную луну.

– Я так и думала, – сказала она с легкой улыбкой, – но хотя ты и забывчив, мы рады тебе, как старому другу.

– Что это за место? – спросил Гед. Язык все еще плохо слушался его, и он не мог оторвать глаз от женщины. Ее королевские одежды смущали его, камни, по которым она ступала, казались незнакомыми, воздух в комнате был чужим, да и сам Гед был уже не тот, что раньше.

– Эта крепость зовется Двор Терренона. Мой Лорд, Бендереск – властелин страны, простирающейся от Моховых Болот Кексемт до горы Ос на севере. К тому же, он – хранитель драгоценного Камня, именуемого Терренон. Что касается меня, то здесь, на Оскиле, я ношу имя Серрет, что означает «серебряная». А тебя, я знаю, зовут Сокол, и ты стал волшебником на Острове Мудрости.

Гед посмотрел на свою обожженную руку и ответил:

– Я не знаю, кто я. Когда-то я обладал силой, но сейчас, мне кажется, я потерял ее.

– Нет! Ты потерял ее временно, лишь для того, чтобы стать в десятки раз сильнее! Друг мой, здесь ты в безопасности. Нашу башню окружают крепкие стены, сложенные из непростых камней. Здесь ты сможешь отдохнуть и вновь обрести силу, новую силу. Другим станет и посох – он больше не сгорит дотла в твоих руках. В конце концов дурная дорога может привести к хорошему концу. Пойдем, я покажу тебе наши владения.

Гед плохо различал слова, завороченный звуками ее голоса. Не раздумывая, он последовал за ней.

Как оказалось, его комната находилась почти на самом верху башни, выроставшей, словно острый зуб, из вершины холма. Они спускались по мраморным винтовым лестницам, шли через богато убранные комнаты и залы, мимо высоких окон, выходивших на север, запад, юг и восток. Из них были видны только безжизненные унылые холмы, простирающиеся до самого горизонта и сливавшиеся с омытым зимним солнцем небом.

Только далеко на севере на голубом фоне ярко выделялись снежные пики, а на юге угадывалось сверкание морской глади.

Слуги открывали для них двери и отступали в сторону – все как один бледные, мрачные осскилианцы. Сама Леди тоже была очень белокожей, но в отличие от них прекрасно говорила на языке Архипелага – Геду даже показалось, что с гонтийским акцентом. Она привела юношу к своему мужу – Бендереску, Лорду Терренона. Второе старше ее, бледный как кость, и как кость же худой, с затуманенными глазами, Бендереск приветствовал Геда с угрюмой холодной вежливостью, пригласив его быть гостем замка, сколько он пожелает. Казалось, ему нечего больше сказать – он не спросил Геда ни о его странствиях, ни о враге, загнавшем его сюда. Впрочем, Леди Серрет тоже не касалась этих вопросов.

Все это было частью одной большой тайны, окружавшей замок и его пребывание в нем. Разум Геда еще не прояснился окончательно, и он не мог трезво оценить ситуацию. Он оказался в этой башне случайно, но не была ли эта случайность предопределена заранее? По совету незнакомца из Оррими Гед решил отправиться искать помощи на север – и в порту его ждал корабль с Осскила. Скиорх сыграл роль его проводника. Неужели все это подстроено Тенью? Однако не исключено, что и сам Гед и его противник были игрушками какой-то другой, неизмеримо более могущественной силы, а Скиорх просто подвернулся под руку в удобный момент. Скорее всего, дело обстояло именно так, ибо Тень все же не смогла проникнуть в крепость. С момента своего пробуждения в башне Гед не чувствовал ее присутствия. Но что привело его сюда? Двор Терренона не был местом, куда приходят случайно – даже своим затуманенным разумом он понимал это. Ни один чужак не явился через эти ворота. Одиноко стояла башня, отвернувшись от Несхума, ближайшего к ней города. Никто не приближался к ней, и никто не выходил из нее. Окна башни глядели в пустыню.

...Один серый день сменял другой, а Гед, отчаявшийся и продрогший, сидел в своей комнате и безотрывно смотрел в эти окна. Несмотря на богатые ковры, меховые одежды и мраморные каминные, в башне царствовал холод. Он пробирал до самых костей, от него не было спасения. Не было спасения и от стыда, поселившегося в сердце Геда. Стыд обжигал его каждый раз при воспоминании о своем позорном бегстве. Ему представлялось, что собрались вместе все Мастера Рокка во главе с хмурым Ганчером, и среди них – Неммерле, и Огион, и даже та колдунья, что научила его первому заклинанию – все они осуждающе смотрели на Геда, и он понимал, что обманул их доверие. Он уверял их: «Если б я не убежал, Тень завладела бы мной... Она обладала всей силой Скиорха и частью моей, я не мог бороться с ней – она знала мое Имя... Геббет служил страшным силам зла и разрушения. Я вынужден был бежать!» Но никто не отвечал ему... И он продолжал смотреть, как падает бесконечный снег на безжизненную равнину, пока и в нем не умерли все чувства, кроме усталости.

Много дней провел Гед в одиночестве, заново переживая свои беды. Когда он вышел из своей комнаты, то был молчалив и неловок. Красота Леди смущала его, и в этом богатом и довольно странном замке юноша вновь почувствовал себя козым пастухом.

Когда Геду хотелось побыть одному – его оставляли в покое, а когда он больше не мог смотреть на падающий снег и оставаться наедине со своими мыслями – Серрет встречала его в каком-нибудь из залов, и они разговаривали. Мало веселья было в хозяйке Замка – она никогда не смеялась, хотя улыбалась часто. При виде ее улыбки Гед забывал про свой стыд и неловкость. Скоро они начали встречаться каждый день, и разговоры их стали длиннее. Они держались немного поодаль от фрейлин, всегда сопровождавших Серрет, стоя у камина или у высоких окон огромных залов башни.

Старый Лорд пребывал в основном в своих покоях, выходя оттуда только по утрам, чтобы побродить по заснеженным внутренним дворикам. Он походил на старого колдуна, который всю ночь бормотал заклинания. Встречаясь с Гедом и с Серрет за ужином, он молчал, изредка бросая на свою жену тяжелый алчный взгляд. Геду было жаль ее. Она

казалась ему белой газелью в клетке, лебедем с подрезанными крыльями, серебряным кольцом на скрюченном старческом пальце, частью казны. Когда Бендереск удалялся к себе, Гед оставался с ней, пытаясь скрасить ее одиночество, как она скрашивала его собственное.

– Что это за Камень, в честь которого назван ваш замок? – спросил он в один из таких вечеров, когда они сидели в освещенном свечами огромном зале у стола, заставленного пустыми золотыми тарелками и кубками.

– Разве ты не слышал о нем? Мне казалось, об этом известно всем.

– Нет... Но я слышал, что Лорды Осскила обладают несметными богатствами.

– Ах, этот Камень превосходит все. Хочешь посмотреть? Пойдем.

На этот раз в ее улыбке проскользнула насмешливая отвага, но было видно, что она чего-то ужасно боится. Она повела Геду по узким коридорам вниз, к основанию башни, а потом еще ниже, к запертой двери, которой Гед раньше не замечал. Серрет открыла ее серебряным ключом, поглядывая на молодого волшебника со своей обычной улыбкой на устах, как бы поддразнивая его. Открылся короткий проход, а в конце его еще одна дверь. Серрет отперла ее золотым ключом. Опять короткий коридор и третья дверь, подчинявшаяся только Великому Заклинанию Открытия. За этой последней дверью свеча осветила маленькую, напоминавшую тюремную камеру комнатку – ее пол, стены и потолок были выложены грубыми, необработанными камнями.

– Видишь? – спросила Серрет.

Гед внимательно оглядел комнату и наметанный глаз волшебника сразу выделил один камень из тех, что покрывали пол. Он был таким же шершавым и сырым, как и остальные, и походил на один из тех булыжников, которыми мостят улицы, но сила, таившаяся в нем, кричала во весь голос. Гед почувствовал, что у него перехватывает дыхание и подкашиваются ноги. Эта комната являлась сердцем всего замка и здесь было холодно, страшно холодно – ничто не могло согреть эту комнату. Камень был древний, как сама Земля, и столь же древний и ужасный призрак был погребен в этом куске скалы. Он не ответил Серрет, не произнес ни слова, и через минуту, бросив на него любопытный взгляд, она сказала, указав на Камень:

– Это и есть тот самый Терренон. Как ты думаешь, почему мы храним такую «драгоценность» за семью замками?

Из осторожности Гед продолжал молчать. Возможно, Серрет испытывала его, хотя он был почти уверен, что она плохо представляла себе сущность этого Камня, и потому говорила о нем столь небрежно. Серрет знала слишком мало, чтобы бояться его.

– В чем его сила? – спросил он наконец.

– Этот Камень был создан до того, как Сегой поднял острова из Открытого Моря. Он был создан одновременно с нашим миром, и будет существовать, пока существует Вселенная. Время для него – пустой звук. Если положить на него руку и задать вопрос, он ответит, но чтобы услышать его голос, надо уметь слушать. Он говорит о том, что было, есть и будет. Камень давно предсказал твое появление здесь. Спроси его о чем-нибудь!

– Нет.

– Он ответит тебе.

– Мне не о чем спрашивать его.

– Он может подсказать тебе, – тихо произнесла она, – как одолеть твоего врага.

Гед молчал.

– Неужели ты боишься этого Камня? – спросила она, словно не веря своим ушам.

И Гед ответил:

– Да.

В смертельном холоде и безмолвии комнаты, окруженной магическими и каменными стенами, при слабом свете свечи, которую она держала в руках, Серрет смотрела на него пылающим взором.

– Сокол, – сказала она, – ты не боишься!

– Но я не буду разговаривать с призраком, – пробормотал он и, повернувшись к Серрет,

добавил с неожиданной решимостью: – Леди! В Камне заключен, как в темнице, призрак, а сам Камень запечатан могущественнейшими заклинаниями и окружен неприступными стенами не потому, что он драгоценный, а потому, что чрезвычайно опасен. Я не знаю, что говорили тебе о нем, когда ты впервые появилась здесь, но ты, такая молодая и нежная, не должна прикасаться к нему, и даже глядеть на него. Может случиться непоправимое.

– Но я уже прикасалась к нему. Я спрашивала, и он отвечал. Со мной не случилось ничего плохого.

Она повернулась и вышла из комнаты. Гед последовал за ней. Они прошли сквозь те же двери и коридоры, и Серрет задула свечу. Попрощавшись друг с другом, они расстались.

В эту ночь Гед спал мало. Он думал не о Тени – перед его глазами неотрывно стоял Камень, на котором покоилась башня, и прекрасное лицо Серрет. Снова и снова чувствовал он на себе ее взгляд и мучительно пытался вспомнить, что же промелькнуло в этих глазах, когда он отказался прикоснуться к Камню: презрение или разочарование? Много раз просыпался он во тьме под холодным, как лед, покрывалом, и все время стояли перед ним Камень и глаза Серрет.

На следующий день он разыскал ее в сводчатом мраморном зале, где Леди часто проводила весь день, играя или занимаясь рукоделием со своими фрейлинами.

– Леди Серрет, – сказал он. – Я оскорбил вас и прошу прощения.

– Нет, – сказала она задумчиво, и снова, – нет. – Отослав фрейлин, женщина продолжила: – Мой гость, мой друг! Взор твой ясен, но, возможно, ты не видишь самого главного. На Рокке преподают высокое искусство магии, но там не учат всей магии. Оскил – Страна Ворона. Это необычный остров, маги не знают о нем почти ничего и не властны здесь. Тут происходят странные события и обитают существа, Имен которых нет в Списках. Неизвестности страшатся, но тебе нечего бояться при Дворе Терренона. Пусть трепещут слабые духом! В тебе есть сила, способная подчинить то, что живет в запертой комнате. Я знаю это, и потому ты здесь.

– Не понимаю.

– Мой Лорд Бендереск был не совсем откровенен с тобой. Я скажу больше. Садись рядом со мной.

Гед уселся на подоконнике. Последние лучи заходящего солнца заливали зал сиянием, в котором не было тепла; выпавший прошлой ночью снег белым саваном покрывал вересковую пустошь.

Серрет заговорила очень тихо:

– Бендереск – Лорд и Наследник Терренона, но он не может воспользоваться им, не может заставить его служить себе. Я тоже не могу. Даже у нас двоих не хватает для этого ни силы, ни искусства. У тебя есть и то, и другое.

– Откуда тебе это известно?

– Сам Камень сказал мне об этом! Как я уже говорила, он предсказал твое появление. Камень знает, кто его хозяин. Он ждал тебя, когда ты еще не родился: ждал того, кто придет и будет владеть им. Тот, кто повелевает Терреноном, всемогущ: у него хватит сил, чтобы сокрушить любого врага, будь тот даже из царства теней. Он будет обладать знаниями, богатством, и такой властью, что не снилась самому Верховному Магу! Сделай правильный выбор, и весь мир будет у твоих ног!

Странные светящиеся глаза Серрет вновь пронзили Геда, и тот задрожал, словно в лихорадке. Однако в ее взгляде сквозил страх – она искала его помощи, но была слишком горда, чтобы просить. Гед был потрясен. Когда она начала говорить, то положила свою руку на его. Прикосновение ее ладони было едва ощутимо. Она выглядела маленькой и беззащитной рядом с его смуглой и сильной рукой. С мольбой в голосе он произнес:

– Серрет! Сила моя не столь велика, как ты думаешь. Я ничем не могу помочь тебе. Но я твердо знаю одно – людям нельзя тешить себя мыслью, что можно приручить Древние Силы земли. В наших руках они могут только разрушать, а не созидать. Дурные средства ведут к плохому концу. Я пришел сюда не по своей воле и та сила, что вела меня, рано или

поздно меня же и погубит. Я ничем не могу помочь тебе.

– Отрекающийся от своей силы часто получает взамен еще более великую силу, – сказала Серрет и улыбнулась, словно все ее страхи были сущим пустяком. – Мне известно, что привело тебя сюда. Знаешь, с кем ты разговаривал на улицах Ооррими? Этот человек был посланцем, слугой Терренона. Когда-то и он был волшебником, но променял свой посох на служение более могущественной Силе. Ты приплыл на Оссил и на пустоши попытался сразить Тень деревянным посохом... Мы с трудом спасли тебя, ибо это создание оказалось значительно более коварным, чем можно было предполагать, к тому же оно успело отобрать у тебя большую часть твоей силы... Только тьма может одолеть тьму! Сокол, хочешь ли ты, наконец, уничтожить притаившуюся за нашими стенами Тень?

– Для этого мне нужно то, чего я никогда не смогу узнать – ее Имя.

– Всемогуший Терренон, который знает Имена всех – живущих и уже мертвых, а также еще не родившихся, скажет его тебе!

– А какова цена?

– Даром! Повторяю, Камень будет повиноваться тебе, служить тебе, как верный раб!

Потрясенный и страдающий, Гед молчал. Солнце скрыла туманная дымка, в зале потемнело, но глаза Серрет не потеряли своего блеска. Она взяла его руки в свои и, глядя ему прямо в глаза, прошептала, чувствуя, что он колеблется:

– Ты станешь величайшим среди людей, их властелином... И я буду царствовать вместе с тобой...

Гед вдруг встал и сделал шаг вперед. С того места, где он оказался, прекрасно было видно, что за изгибом мраморной стены, у двери, стоит Лорд Бендереск и слегка улыбается...

Мозг Геда очистился от тумана. Он взглянул на Серрет.

– Только свет может одолеть тьму, – запинаясь, пробормотал он, – только свет...

Слова его сами по себе подобны были лучу света – произнеся их, он отчетливо увидел и понял, как его заманили сюда, как, пользуясь страхом, навязывали ему непоправимое решение, как использовали его в корыстных целях. Да, Геда спасли от Тени, но лишь потому, что они хотели прежде сделать его рабом Камня. Как только Гед оказался бы во власти Древних Сил, они тут же впустили бы в башню Тень, ибо геббет – раб более послушный, чем человек. Скажи он Камню хоть одно слово, или прикоснись к нему – все было бы кончено. Ведь Камень, как и Тень до этого, иначе не смог бы полностью овладеть им. А ведь Гед уже почти сдался, почти... Но не совсем. Злу трудно завладеть непокорной душой.

Бендереск подошел к ним, и Гед оказался между двух людей, которые сдались.

– Я предупреждал тебя, Серрет, – сухо сказал Лорд Терренона своей Леди, – что он выскользнет из твоих рук! Они не такие уж дурни, твои гонтийские колдуны. Ты – женщина Гонта и тоже глупа, если думала провести нас обоих и, завоевав нас своей красотой, воспользоваться Терреноном в собственных интересах. Но я – Лорд Камня, и вот что я сделаю с моей неверной женой: «Екавроэ аи оелвантар...» – Это были первые слова заклинания Превращения, длинные руки Бендереска уже поднялись, чтобы вылепить для сжавшейся от страха женщины ее ужасный новый образ – свиньи, собаки или безумной старухи... Гед шагнул вперед и ударил по рукам Бендереска, произнеся одно лишь короткое слово. Без посоха, на чужой враждебной территории, в окружении темных сил, его воля все же взяла верх. Бендереск замер, как истукан, его затуманившиеся глаза с ненавистью смотрели на Серрет, не видя ее.

– Бежим, – крикнула Серрет, – быстро, пока он не кликнул Слуг Камня...

И будто в ответ на ее слова сухой дребезжащий шепот пробежал по стенам башни, словно заговорила сама земля...

Взявшись за руки, Гед и Серрет понеслись по коридорам и залам, по длинным извивающимся лестницам. Скоро они выскочили во двор, где последние серебристые лучи солнца еще освещали мокрый, истоптанный снег. Трое слуг с выражением недоумения на лицах преградили им путь, словно подозревая заговор против своего хозяина.

– Темнеет, Леди, – мрачно сказал один из них, – уже поздно выезжать.
– Прочь с дороги, мерзавец! – крикнула Серрет и добавила что-то на шипящем осскилианском наречии. Слуги отпрянули и, извиваясь, попадали на землю. Один из них пронзительно закричал.

– Нужно найти ворота, другого выхода отсюда нет. Ты сможешь найти их, Сокол?

Она тянула его за руку, но он медлил.

– Что ты сделала со слугами?

– Я влила в их кости расплавленный свинец. Они скоро умрут. Быстрее, говорю я тебе, скоро здесь будут слуги Камня, а я не могу найти ворота, они заколдованы... Скорее!

Гед не понимал, что она имеет в виду – сам он видел каменную арку зачарованных ворот совершенно отчетливо. Он подвел Серрет к нужному месту, произнес заклинание Открытия и провел ее сквозь заколдованную стену.

В тот миг, когда они очутились снаружи, вне серебристого полумрака Двора Терренона, Серрет изменилась. Она не стала менее прекрасной в тусклых сумерках вересковой пустоши, но в красоте ее появились резкие, яростные черты, словно у лесной ведьмы. И Гед, наконец, узнал ее – дочь Лорда Ре Альби и колдуньи с Осскила. Это она много лет назад насмеялась над ним на зеленых лугах близ дома Огиона, это она первая заставила его прочитать заклинание, выпускающее Тень на свободу. Но не это было сейчас главным для Гед. Он настороженно озирался вокруг, ища признаки близости врага, который наверняка поджидал его у заколдованных стен башни. Тень могла остаться геббетом, одетым в кожу Скиорха, а могла притаиться в сгущающихся сумерках, дожидаясь удобного случая, когда она сможет соединить свою бесформенность с его живой плотью. Гед чувствовал, что она где-то рядом, но не видел ее. Вдруг Гед заметил под ногами в нескольких шагах от ворот какой-то маленький, темный, полужасыпанный снегом предмет. Он остановился, нагнулся и медленно выпрямился, держа в ладонях труп крошки отака. Его пушистая шерстка была залита кровью, и тельце казалось легким, холодным и безжизненным.

– Изменяйся, изменяйся, они идут! – пронзительно закричала Серрет, хватая его за руку и указывая на башню, возвышавшуюся над ними, словно клык. Из низких окон около ее основания выбирались какие-то существа, расправляя длинные перепончатые крылья, приближаясь к стоящим на склоне холма Серрет и Геду. Дребезжащий шепот, который они слышали еще в башне, стал громче, и земля застонала у них под ногами.

Ярость горячим пламенем вспыхнула в сердце Гед, его ослепила ненависть ко всем смертоносным жестоким силам, что обманули его, заманили в ловушку и загнали, как охотники раненного зверя.

– Изменяйся! – продолжала вопить Серрет, и сама, пробормотав на едином вздохе быстрое заклинание, превратилась в серебристую чайку и взмыла в воздух. Но Гед не торопился. Он сорвал с того места, где лежал отак, сухую травинку, торчавшую из-под снега, поднял ее и начал громко произносить фразы на Древнем Наречии. Мало-помалу травинка удлинялась, становилась толще, и когда Гед произнес последнюю фразу, в его руке оказался большой посох, посох волшебника. Черные порождения Двора Терренона стали пикировать на Гед, но посох загорелся не багровым огнем, как прежде, – из него бил ослепительно белый магический свет, который не обжигает, но рассеивает тьму.

Черные создания – древние твари, жившие еще до появления драконов и людей, давно забытые, но вызванные к жизни злобой, древней властью Камня – не испугались. Нацелив на Гед острые, как бритва, когти, они окружили его. От испускаемого ими зловония Гед едва не потерял сознание. Однако он неистово продолжал отражать их удары и нападал сам, потрясая пылающим посохом, сотворенным из ярости и крохотной травинки. Внезапно черные твари, словно спугнутые с трупа вороны, одна за другой взмыли вверх и молча полетели в том направлении, куда унеслась в образе серебристой чайки Серрет. Казалось, их перепончатые крылья движутся медленно, но летели они быстро – каждый взмах уносил их на огромное расстояние. Никакая чайка не смогла бы тягаться с ними в скорости.

Не мешкая более не секунды, Гед принял образ гигантского сокола – не крошечной

пустельги, а сокола-странника, что летает быстрее стрелы, быстрее ветра, и на мощных сильных крыльях устремился в погоню за врагами. Уже совсем стемнело, и в разрывах облаков появились первые звезды. Скоро Гед увидел, как впереди на небе сгустилась черная туча. Дальше, за этим зловещим пятном, лежало море, бледно-розовое от последних лучей угасающего солнца. Не сворачивая, Гед-сокол бросился в самую гущу Слуг Камня, и они разлетелись в стороны, будто капли воды, упавшие на раскаленный камень. Враги успели завладеть добычей – кровь капала с клюва одного, белые перья прилипли к когтям другого. И нигде не было видно серебристой чайки...

Быстро развернувшись, черные существа устремились на Геда, широко раскрыв стальные клювы. Но он, увернувшись от них и издав гордый клич разъяренного сокола, молнией полетел прочь от низких берегов Оскила в свободное небо над морем.

Его враги, хрипло крича, покружились еще немного и один за другим полетели над пустошами вглубь острова. Древние Силы не пересекают моря. Они всегда привязаны к какому-либо острову, определенному месту – пещере, камню, источнику. Итак, они вернулись в башню, и неизвестно, смеялся или плакал Лорд Бендереск при их возвращении. А Гед на крыльях сокола, подобно неустоимой стреле, подобно мысли, что гложет человека, мчался над морем сквозь зимнюю ночь. Он летел на восток.

Огион Молчаливый поздно возвратился домой, в Ре Альби, из своих осенних странствий. С годами он говорил все меньше и все больше любил одиночество. Даже новый Лорд Гонта не слышал от него ни единого слова, когда, потратив много сил, взобрался к самому Гнезду Сокола, чтобы посоветоваться с магом насчет пиратского рейда на Андрады. Огион, который беседовал с пауками и вежливо приветствовал деревья, не удостоил Лорда Острова своим вниманием и пришлось тому удалиться несолоно хлебавши. Проведя все лето и осень в странствиях по острову, Огион только к Празднику Возвращения Солнца вернулся к своему очагу.

На следующее утро Огион поднялся поздно и отправился к роднику, который весело журчал, стекая по склону холма за его домом, за свежей водой для чая. Родник по краям замерз, и мох вокруг покрылся островками инея. Солнце должно было выйти из-за Горы только через час – весь западный Гонт от пляжей до вершины Горы дремал в огромной тени. Этим ясным зимним утром маг стоял около родника, всматриваясь в раскинувшуюся перед ним панораму острова, гавани и необъятных серых просторов моря, и вдруг услышал над головой хлопанье крыльев. Он поднял глаза вверх. Исполинский сокол спустился с неба и сел прямо на его вытянутую руку. Он сидел твердо, словно хорошо выдрессированная ловчая птица, но на нем не было ни ошейника, ни колокольчика. Когти его больно впились в запястье Огиона, крылья дрожали, круглые золотистые глаза были подернуты дымкой.

– Кто ты, посланник или послание? – тихо спросил Огион. – Пойдем со мной. – Сокол посмотрел на мага, и тот на минуту задумался.

– Кажется, когда-то именно я дал тебе Имя, – сказал наконец Огион и направился к дому. Он вошел, по-прежнему неся птицу на запястье, затем посадил ее около очага и предложил воды. Сокол отказался. Тогда Огион очень тихо начал читать заклинания, плетя волшебную паутину больше руками, чем голосом. Закончив, он нежно произнес только одно слово: – Гед... – и отвернулся. Подождав немного, он снова повернулся к очагу и подошел к юноше, который, дрожа, стоял на том месте, где только что сидел сокол, и глядел пустыми глазами в пламя очага.

Одет Гед был по-королевски – в меха, шелка и бархат, но вся одежда была изорвана и затвердела от морской соли. Сам он был сторблен и изможден, нечесанные волосы безвольно свисали на покрытое ужасными шрамами лицо.

Огион снял с плеч Геда тяжелый плащ, подвел его к небольшой нише в стене, где тот спал, когда был его учеником, заставил прилечь на соломенный тюфяк и, пробормотав насылающее сон заклинание, отошел. Он не сказал ему более ни слова, зная, что Гед пока не помнит человеческой речи.

Когда-то давно, будучи еще мальчишкой, Огион (как и все мальчишки) думал, что принимать любой образ, какой захочется – человека или зверя, дерева или тучи – очень приятное времяпровождение. Став магом, он узнал, что у этой игры есть своя страшная цена – потеря собственного "Я", распад личности. Чем дольше пребывает человек в чужом облике, тем сильнее эта опасность. Каждый маг-ученик на первых же уроках узнает историю некоего Борджерера с острова Уэй, которому очень нравилось превращаться в медведя. Он делал это все чаще и чаще, пока наконец разум человека совсем не умер в нем, и он не стал настоящим медведем. Забыв прошлую жизнь, Борджер задрал в лесу своего маленького сына и был за это безжалостно убит... Никто не знает, сколько дельфинов, резвящихся во Внутреннем Море, были прежде людьми, чья мудрость и Имя растворились в неугомонном веселье.

Гед принял образ сокола в приступе неукротимой ярости и когда устремился прочь от Осскила, он думал лишь о том, как бы, опередив Камень и Тень, умчаться подальше от предательского ледяного острова и поскорее оказаться дома. Воля обратилась в волю сокола и мысли начали постепенно принимать чужую окраску. Так он пролетел над Энладами, спустившись только раз, чтобы попить из затерянного лесного озера, и продолжил свой полет, подгоняемый страхом перед Тенью, которая преследовала его по пятам. Он пересек широкий залив, именуемый Челюсти Энлада, и продолжал мчаться вперед, на юго-восток, оставляя холмы Оранэа справа и Андрады далеко слева, пока на горизонте из бушующих волн не поднялась та волна, что не двигалась – белоснежный пик Гонта. К тому времени из всех чувств в Гедде остались лишь чувства сокола: голод, ветер, направление полета.

Он летел к единственно возможному убежищу. Всего лишь несколько человек на Рокке и один-единственный на Гонте способны были вернуть ему прежний облик.

...Когда Гед проснулся, он не произнес ни слова, и взгляд его был дик. Огион, тоже молча, усадил его у очага и дал воды и мяса. Целый день Гед просидел не двигаясь, словно огромная нахохлившаяся птица. Пришла ночь и он уснул... На третье утро Гед подошел к магу, который сидел, пристально глядя на языки пламени и сказал:

– Учитель...

– Здравствуй, парень, – ответил Огион.

– Я вернулся к тебе таким же, каким ушел – самонадеянным глупцом, – хрипло произнес юноша. Маг слегка улыбнулся, жестом показал Геду на место рядом с собой у огня и принялся заваривать чай.

Падая снег, первый снег в эту зиму на Гонте. Ставни на окнах в доме Огиона были закрыты, но было слышно, как мокрые хлопья тихо ложатся на крышу. Долго сидели они у огня, и Гед рассказывал старому учителю обо всем, что произошло с ним с того момента, как он покинул Гонт на корабле под названием «Тень». Огион не задавал вопросов и, когда рассказ подошел к концу, надолго задумался. Потом он встал, поставил на стол хлеб, сыр и вино. Они молча поели. И только после того, как со стола было убрано, Огион заговорил:

– Твои шрамы ужасны, парень.

– Я был бессилен против Тени, – ответил Гед.

Огион покачал головой и, помолчав немного, сказал:

– Странно... У тебя хватило сил, чтобы превзойти искусного мага в его собственных владениях, на Осскиле. У тебя хватило сил, чтобы развеять чары и отбить нападение Слуг Камня. А на Пендоре ты справился с Драконом...

– На Осскиле мне просто повезло, – сказал Гед. При воспоминании о промозглом и дремотном Дворе Терренона по его телу пробежала дрожь. – Что касается Дракона, то ведь я знал его Имя. У черной Тени, что охотится за мной, нет Имени.

– Все на свете имеет свое Имя, – сказал Огион с такой уверенностью, что Гед не осмелился повторить слова Верховного Мага Ганчера о том, что выпущенное Гедом на волю существо безымянно. Хотя Дракон Пендора и предложил назвать Имя Тени, Гед не доверял драконам. Не поверил он и словам Серрет, когда та предложила спросить Имя у Камня.

– Если у Тени и есть Имя, она вряд ли откроет его мне.

– Конечно, – сказал Огион, – но ведь и ты не говорил ей своего... Однако на пустошах

Осскила она окликнула тебя по Имени, по Имени, данному тебе мною. Странно...

Огион опять задумался. Наконец Гед сказал:

– Я здесь не для того, чтобы прятаться. Я пришел за советом. Учитель, я не хочу привести сюда за собой Тень, а она непременно явится, если я задержусь здесь. Однажды ты изгнал ее из этой самой комнаты...

– Это был всего лишь ее предвестник, тень Тени. Сейчас я не справился бы с ней. Только тебе это по силам!

– Но я не могу! Если бы нашлось такое место... – он оборвал себя на полуслове.

– Безопасного места не существует, – мягко ответил Огион на его невысказанный вопрос. – Не перевоплощайся больше, Гед. Тень уже почти добилась своего, заставив тебя принять образ сокола. Как ни тяжело мне говорить об этом, я не знаю, что тебе следует сделать.

Взгляд Гед требовал только правды, и после долгого молчания Огион произнес:

– Ты должен повернуться.

– Повернуться?

– Если ты будешь продолжать спасаться бегством, опасность будет поджидать тебя повсюду. Тень гонит тебя, выбирая твой путь. Повернись лицом к Тени и начни охоту за охотником.

Гед молчал.

– Я дал тебе Имя у истока реки Ар, что сбегает с Горы в море, – сказал маг. – Человек должен знать, к чему он идет, и что его ожидает. Но это навсегда останется для него тайной, если он не сможет вернуться к началу своей жизни, к своим первым поступкам, и удержать в себе это начало. Если он не хочет стать щепкой, увлекаемой потоком, он сам должен стать потоком, всем потоком – от истоков до устья. Ты вернулся на Гонт, ты вернулся ко мне, Гед. Вернись же теперь к самому началу и к тому, что было до него. В этом твоя надежда!

– В этом, учитель? – с ужасом воскликнул Гед. – В чем?

Огион не ответил.

– Если я повернусь, – продолжал Гед, – если, как ты говоришь, я начну охоту за охотником, охота будет недолгой. Тень ищет встречи со мной! Дважды это случилось, и дважды я был побежден.

– Посмотрим, что будет в третий раз, – сказал Огион.

Гед возбужденно ходил по комнате – от очага к двери, от двери к очагу.

– Если Тень победит меня окончательно, – говорил он, споря то ли с Огионом, то ли с самим собой, – то она завладеет моими знаниями, моей силой, и, конечно, воспользуется ими. Пока Тень угрожает только мне, но одолев меня, она сможет натворить много зла!

– Верно. Если только она одолеет тебя.

– Но если я побегу опять, она непременно найдет меня. Бегство отнимает много сил. – Гед походил по комнате еще немного, внезапно остановился и опустился перед магом на колени. С любовью и радостью в голосе он сказал: – Я беседовал с великими волшебниками и жил на Острове Мудрости, но ты, Огион – мой настоящий и единственный учитель!

– Хорошо, – сказал Огион. – Теперь ты понял это. Лучше поздно, чем никогда. В конце концов *ты* станешь моим учителем. – Маг встал, подбросил дров в очаг, повесил над ним чайник и, накинув теплый непромокаемый плащ, сказал: – Пойду посмотрю, как там мои козы. Последи за чайником, парень.

...Когда Огион вернулся, стряхивая с себя снег, в руках его была длинная тисовая палка. Весь день при свете лампы работал он над ней ножом и магией, часто проводя по ней рукой, словно выискивал малейшие изъяны. Иногда Огион что-то тихо напевал себе под нос. Гед, все еще слабый, задремал, и этой снежной ночью в полумраке комнаты ему представилось, будто он находится в хижине колдуньи в деревушке Тэн Алдерс. Воздух пропитан ароматом трав, и в полусне он слушает длинные песни о героях, сражавшихся со злом в давние времена на далеких островах, и побеждавших. Или погибавших в схватке...

– Вот, – сказал Огион, протягивая Геду готовый посох. – Верховный Маг выбрал для

тебя тис, и это хороший выбор, я разделяю его. Сначала мне хотелось сделать из этой ветки лук, но, по-моему, так лучше. Спокойной ночи, сынок.

Когда Гед, не найдя слов, чтобы отблагодарить его, отвернулся и направился к своей постели, Огион посмотрел ему вслед и тихо прошептал:

– О, мой юный сокол, летай высоко!

Когда ранним промозглым утром Огион проснулся, Геда уже не было в доме. О его присутствии напоминали только руны, выцарапанные на камнях очага, которые пропали, как только Огион прочел их: «Учитель, охота началась!»

8. Охота

Гед ступил на дорогу, ведущую из Ре Альби в Порт-Гонт, еще до рассвета и незадолго до полудня пришел в город. Взамен роскошных осскилианских одежд Огион снабдил его приличной гонтийской обувью, бельем, рубашкой и кожаной курткой. Но королевский плащ, подбитый мехом пеллави, Гед сохранил для защиты от холода. Одетый таким образом, без багажа, но с посохом, высота которого точно равнялась его росту, подошел он к городским воротам. Скучавшие стражники, что стояли, облокотясь на резных драконов, сразу признав в нем волшебника, раздвинули копы и впустили его, не задавая вопросов, а потом долго провожали глазами.

В гавани и в Доме Морской Гильдии он задавал всем один и тот же вопрос: не отправляется ли какой-нибудь корабль на север или запад – на Энлады, Андрады, Оранэа? Везде ему отвечали, что зимой корабли стоят на приколе и даже рыболовные шхуны не выходят за Боевые Утесы в столь неблагоприятную погоду.

Ему предложили пообедать в Доме – волшебникам редко приходится самим просить об этом. Он посидел немного с грузчиками, плотниками и рыбаками, с удовольствием прислушиваясь к их немногословным, неторопливым разговорам, ворчливому гонтийскому выговору. Гед мечтал о том, что останется здесь насовсем, забудет всю магию и приключения, власть и ужас, и будет тихо и мирно жить, как все люди на хорошо знакомой, такой родной земле. Но это были только мечты, сделать же он собирался прямо противоположное. Узнав, что кораблей не будет, Гед не стал задерживаться ни в порту, ни в городе, а зашагал по берегу бухты, пока не дошел до первой маленькой рыбацкой деревушки к северу от столицы Гонта. В ней он быстро нашел рыбака, который собирался продавать лодку.

Рыбак оказался угрюмым стариком и его двенадцатифутовая обшитая досками лодка настолько растрескалась и покособилась, что едва ли годилась для морских путешествий. Тем не менее старик запросил высокую цену: безопасность для своей новой лодки, самого себя и сына сроком на один год. Гонтийские рыбаки не боятся никого, даже волшебников. Они боятся только моря.

Подобное заклинание, на которое очень надеются в северной части Архипелага, никого еще не спасало от тайфунов и штормовых волн, но если его наложил маг, хорошо знающий местные воды, устройство лодки и искусство рулевого, то оно надежно защищает от всяких мелких неприятностей. Гед честно занялся трудной работой – он ткал паутину заклинания весь день и всю следующую ночь, не пропуская ни единого слова, ни единого жеста, при этом Гед не переставал думать о том, где и как он встретится с Тенью, и в каком облике явится она ему. Когда труд был завершен, Гед очень устал. Следующую ночь он провел в хижине рыбака, в гамаке, сделанном из желудка кита, и утром проснулся, весь пропахший копченой селедкой. Не мешкая, он сразу отправился к гроту под утесом Катнорт, где стояла его новая лодка.

Гед столкнул ее в спокойное море, и вода сразу же начала просачиваться внутрь сквозь многочисленные трещины. Мягко, словно кот, он ступил в нее и поправил все неровные доски и колышки, работая инструментами и заклинаниями, как в свое время с лодкой Печварри в Лоу Торнинг. Подошедшие жители деревни с почтительного расстояния молча

следили за его быстрыми руками и прислушивались к его тихому голосу. И эту работу он выполнял терпеливо, успокоившись лишь тогда, когда последняя дырочка была наглухо запечатана. Вместо мачты Гед поставил свой посох, укрепил его короткой фразой и поперек пристроил крепкий деревянный брус длиной в ярд. С этого бруса он спустил сотканный из заклинаний прямоугольный парус, белый, как снега на вершине горы Гонт. Следившие за ним женщины завистливо вздохнули. Встав рядом с мачтой, Гед поднял легчайший магический ветер, и лодка заскользила через обширную бухту в сторону Боевых Утесов. Когда молча наблюдавшие за всем этим рыбаки увидели, что полусгнившая гребная шлюпка летит под парусом словно молодой кулик, они разразились приветственными криками, широко улыбаясь и притопывая ногами под холодным морским бризом. Гед на мгновение обернулся и посмотрел на них, весело махавших ему руками на фоне темной зазубренной громады Катнорта, над которым уходят в облака белоснежные склоны Горы.

Гед пересек бухту и между Боевых Утесов вышел в Гонтийское Море. Он рассчитал курс так, чтобы пройти к северу от Оранза. У него не было никакого плана, он просто решил вернуться уже пройденной однажды дорогой. Гед не мог точно сказать, каким путем идет за ним Тень, но он знал, что разминуться в открытом море им невозможно.

Геду хотелось, чтобы его встреча с Тенью произошла именно в море. Он не совсем понимал причину такого желания, но при мысли о встрече на суше сердце его сжимал ужас. Из моря поднимаются штормовые волны и чудовища, но не черные силы. Все зло – на суше. В стране тьмы, где Геду довелось однажды побывать, не было ни моря, ни рек, ни озер, ни ручьев. Царство смерти – безводная страна. Хотя зимнее море и таило опасности, но его изменчивость и бурный нрав Гед рассматривал скорее как свою защиту. Когда они в конце концов встретятся, думал Гед, возможно, ему удастся схватить ее и весом своего тела и ценой своей жизни утащить Тень во тьму морских глубин, откуда, если держать ее покрепче, она уже не поднимется. Может быть, своей смертью ему удастся искупить то зло, что совершил он в жизни.

Гед плыл по беспокойному бурному морю, над которым нависали свинцовые облака. Он не использовал магический ветер, и лишь иногда отрывистыми словами поддерживал сотканный из заклинаний парус, и тот сам принимался ловить ветер, устойчиво дующий с северо-запада. Без этого ему трудно было бы удержать утлое суденышко на правильном курсе в этом бурном море. И так он плыл, внимательно следя за всем, что происходило вокруг. Жена рыбака дала ему в дорогу два больших ломтя хлеба и кувшин воды. Близ Камеберской Скалы, единственного острова между Гонтом и Оранза, он поел, с благодарностью вспоминая молчаливую женщину. Проплыв мимо облачком видневшейся на горизонте земли, Гед стал уклоняться к западу. Над морем висела мелкая морось, на суше она могла бы выпасть мокрым снегом. Окружавшее его безмолвие нарушали только скрип лодки да слабый плеск волн о ее дно. Не было видно ни птиц, ни кораблей. Ничто не двигалось, кроме волн и облаков. Гед помнил, как в полете, когда он летел точно тем же курсом, но в обратном направлении, они плотной пеленой окружали его, и он смотрел тогда на серое море так же, как сейчас – на серое небо.

Когда Гед посмотрел вперед, то не увидел там ничего. Он встал, продрогший и усталый от постоянного напряжения, и пробормотал:

– Иди ко мне, иди, ну чего же ты ждешь? – Но ответом была тишина. Никакое черное облачко не мелькнуло на фоне тумана и волн, но с каждой минутой в маге росла уверенность, что совсем близко Тень слепо рыщет по его холодному следу. Наконец он не выдержал и закричал: – Я здесь! Я – Гед! Я – Сокол! Я вызываю свою Тень!

Поскрипывала лодка, шелестели волны, ветер тихонько трепал белый парус. Текли мгновения. Положив руку на тисовую мачту, Гед ждал, вглядываясь в пелену дождя, неторопливо тащившего с севера свои струи. Текли мгновения... Но вот далеко, в тумане, он увидел приближающуюся к нему Тень.

Она уже сбросила с себя тело осскилианского гребца Скиорха, ибо геббет не смог бы последовать за Гедом через море, но и не приняла облика зверя, в котором Гед видел ее на

Холме Рокка и в своих снах. Однако у нее была форма, и даже при дневном свете Гед мог видеть ее. Во время преследования и короткой схватки с Гедом на вересковой пустоши она смогла высосать из него и влить в себя достаточно сил... а, быть может, как раз то обстоятельство, что Гед вызвал ее, заставило Тень обрести какую-то форму. Сейчас она имела некоторое сходство с человеком, но, будучи Тенью, сама тени не отбрасывала. Из Челюстей Энлада устремилась она на Геда – туманное нечто, неуклюже бегущее по волнам и слегка колеблющееся от порывов ветра. Холодные капли дождя пролетали сквозь нее.

При дневном свете Тень была почти слепа, и Гед первым заметил ее. Гед и Тень могли узнать друг друга где угодно, в любом обличье.

Так, в беспредельном одиночестве холодного зимнего моря, встретил наконец Гед то, чего так страшился. Казалось, что ветер и волны гонят Тень прочь, но та все приближалась. Теперь и она увидела Геда. А он, захлестнутый смертельным ужасом, холодным оцепенением, которое высасывало из него жизненные силы, стоял и ждал. Затем Гед произнес одно слово, похожее на удар хлыста, белый парус мгновенно заполнился магическим ветром, и лодка рванулась вперед, прямо на колеблющегося на ветру врага.

По Тени волнами прокатилась дрожь, она повернулась и в полной тишине обратилась в бегство.

Тень устремилась к северу, против ветра, и туда же направил Гед свое суденышко: быстрота зла против искусства магии; неистовство дождя против них обоих. Не жалея голоса, подгонял Гед лодку, ветер, парус, волны – как охотник, заведя волка, подгоняет гончих. Ни один сделанный человеческими руками парус не выдержал бы такого напора. Лодка буквально летела по волнам, словно подхваченный ветром сгусток пены.

Тень, став еще более туманной и расплывчатой, теперь больше смахивала на колеблющуюся на ветру дымку, чем на человека. Она резко повернула и, сделав полукруг, устремилась по ветру в направлении Гонта.

Гед развернул лодку с помощью руля и заклинания, и та, подобно дельфину выпрыгнув из воды, понеслась быстрее прежнего, но Тень по-прежнему удалялась. В спину и левый бок Геда ударил снежный заряд, шторм крепчал, и юноша потерял Тень из виду. И все же Гед был уверен, что идет верным курсом, словно он преследовал не призрака, летящего над волнами, а зверя, который оставлял четкий след на свежеснеженном снегу. Хотя ветер и был попутным, он не ослаблял силы ветра магического, и парус дрожал от напряжения, а лодка со свистом рассекала воду.

День клонился к вечеру, а отчаянной гонке не было видно конца. Гед понимал, что при такой скорости он уже обогнул Гонт с юга и направляется сейчас к Спеве или Торхевену, а может быть, и в открытый Предел. Но это его мало заботило – он вышел на охоту, и страх покинул его.

На мгновение Гед увидел впереди Тень. Ветер стихал, и на смену дождю явился промозглый туман, густевший с каждой минутой. Сквозь его дымку юноша и заметил Тень, летящую над волнами немного справа по курсу. Сказав нужные слова ветру и парусу, Гед повернул руль, и снова продолжилась охота вслепую. Туман, рвущийся в клочья там, где он сталкивался с магическим ветром, сгустился настолько, что плотным занавесом сомкнулся впереди лодки, снизив видимость до минимума. Когда Гед произнес первые слова заклинания Очищения, он снова заметил Тень – она была совсем рядом и двигалась еле-еле. Туман свободно проникал сквозь ее верхушку, напоминающую искаженную тень человеческой головы. Гед успел подумать только, что загнал, наконец, жертву, но в это самое мгновение Тень исчезла. Вместо нее из тумана выросла скала и лодка на полном ходу врезалась в нее. Гед успел намертво вцепиться в мачту, прежде чем подоспела новая волна. Это была огромная волна, она со всего размаха бросила лодку на скалу – так человек разбивает о камень раковину улитки.

Волна потянула Геда обратно в море, но крепок был сработанный Огионом посох и велика была заключенная в нем сила. Стараясь удержать голову над водой, ослепший и задыхающийся Гед из последних сил вцепился в него. Чуть в стороне он разглядел, когда

приподнимался над волнами, чтобы глотнуть воздуха, лоскуток песчаного пляжа. Напрягая все свои силы и силу волшебного посоха, он попытался доплыть до него, но не смог приблизиться к нему ни на йоту. Волны швыряли его как пробку и холод моря быстро высасывал из Геда тепло, он уже еле шевелил руками. Юноша потерял из вида и скалу, и пляж, и уже не сознавал, где находится. Вода шипела и вздымалась вокруг Геда, стараясь задушить его, утащить на дно.

Но одна из тысячи волн все-таки подхватила его, перевернула несколько раз и со вздохом мягко положила на песок, словно кусок плавника.

...Гед лежал, крепко ухватившись за посох обеими руками. Шторм стихал, но волны все еще доставали до него, пытаясь стащить обратно в море. Туман опустился снова, пошел дождь и струи его безжалостно хлестали по бесчувственному телу...

Много часов прошло, прежде чем Гед смог пошевелиться. Он встал на четвереньки и пополз по пляжу прочь от воды. Стояла ночь, но он пошептал, и над посохом повис слабый огонек. При его мерцающем свете юноша стал карабкаться к дюнам. Гед так замерз и был так избит и изломан, что эта короткая прогулка в кромешной тьме по влажному песку под аккомпанемент бушующего сзади моря показалась ему самым тяжким из всех выпавших на его долю испытаний. Несколько раз Геду начинало казаться, что рев ветра и моря затих, мокрый песок под руками превратился в сухую пыль и странные неподвижные звезды светят ему в спину, но он полз и полз вперед, не поднимая головы, и через некоторое время снова начинал слышать море и чувствовать, как струи дождя стекают по его лицу.

Движение немного согрело его и, добравшись наконец до дюн, где не так чувствовался ветер, Гед даже ухитрился встать. Заставив огонек гореть поярче, поскольку вокруг царила беспросветная тьма, он прошел, опираясь на посох, примерно полмили вглубь острова. Но поднявшись на одну из дюн, Гед совершенно неожиданно вновь услышал шум моря, но не сзади, а впереди себя. Значит, его выбросило даже не на остров, а на какой-то риф, заплатку на великой равнине моря.

Гед слишком устал, чтобы впадать в отчаяние, но, издав звук, похожий на рыдание, он долго стоял неподвижно, опираясь на посох. Потом, повернув налево, чтобы по крайней мере ветер дул в спину, Гед поплелся дальше в надежде отыскать углубление среди обледеневшей травы, которое могло бы послужить ему убежищем. Пройдя сотню ярдов, нащупывая дорогу посохом, он наткнулся на деревянную стену...

Это было нечто вроде сарая, маленького и шаткого, словно его построил ребенок. Гед постучал в низкую дверь своим посохом, но никто не ответил ему. Тогда он открыл дверь и вошел, согнувшись при этом чуть ли не вдвое. Даже внутри хижины, как выяснилось потом, он не смог окончательно выпрямиться. В очаге тлели угольки, и в их красноватом свете Гед увидел человека с длинными, совершенно седыми волосами, в ужасе скорчившегося у дальней стены, и другое существо (он не мог сказать, женщина это или мужчина), со страхом взиравшее на него из кучи тряпья на полу.

– Не бойтесь меня, – прошептал Гед.

Они продолжали молчать. Юноша переводил взгляд с одного на другого: в глазах их застыл смертельный ужас. Когда он положил свой посох, существо, прятавшееся в тряпье, еще глубже зарылось в зловонную кучу. Гед сбросил с себя промокшую насквозь, обледеневшую одежду и присел к огню.

– Дайте мне что-нибудь накинуть на себя, – попросил он, едва выговаривая слова одеревеневшим языком. Если они и слышали его, то не подали виду. Тогда Гед протянул руку и поднял какую-то тряпку, рваную и засаленную – много лет назад она была, вероятно, козьей шкурой. В ответ послышался протяжный стон. Не обратив на него никакого внимания, Гед насухо вытерся и спросил:

– У вас есть дрова? Подкинь немного дров в огонь, старик. Я пришел к вам не по своей воле и не причиню вам никакого вреда.

Глядя на него, как кролик на удава, старик не сдвинулся с места.

– Вы понимаете меня? Разве вы не говорите на Хардике? – Гед помедлил и добавил: –

Каргад?

Услышав это слово, старик кивнул – один короткий кивок, словно он был марионеткой на веревочке. Это означало конец разговора, потому что больше по-каргадски Гед не знал ни слова. Обнаружив сложенную у стены кучу сухого плавника, он сам подбросил в огонь несколько деревяшек и жестами попросил пить – он наглотался соленой воды и рот его горел от жажды. Дрожа от страха, старик показал на огромную раковину, в которой оказалась вода и подвинул к нему другую раковину – с кусочками копченой рыбы. Усевшись поближе к огню, Гед немного поел и попил, и по мере того, как к нему возвращались силы, начал задумываться – где же он? Империя Каргад лежала далеко и вряд ли он смог бы добраться до нее так быстро даже с помощью магического ветра. Этот островок, наверное, лежал к востоку от Гонта, но все же западнее Карего-Ат. Казалось очень странным, что здесь, на затерянной песчаной косе, живут люди. Может, они изгнанники? Гед настолько устал, что не стал ломать голову над этой загадкой.

Он попробовал подсушить у огня свой плащ. Серебристый мех пеллави высох быстро и, как только тяжелая ткань немного согрелась, Гед закутался в нее и вытянулся у очага.

– Спите, бедняги, – сказал он своим молчаливым хозяевам, положил голову на песчаный пол и мгновенно уснул.

Три ночи провел Гед на этом безымянном островке. В первое утро каждый его мускул болел, а сам он горел в лихорадке. Словно бревно пролежал Гед у очага весь день и всю следующую ночь. Утром второго дня он почувствовал себя немного лучше. Облачившись в свои покрытые соляной коркой одежды – пресной воды для стирки на острове не оказалось, серым ветреным утром Гед вышел посмотреть, куда же заманила его Тень.

Он находился на островке общей площадью примерно в одну-две квадратных мили. Все подступы к нему были утыканы торчащими из воды скалами. Кроме жесткой, стелющейся под ветром травы, на нем ничего не росло. Хижина стояла в углублении между дюн, и старик со старухой жили в ней в полнейшем одиночестве. Ветхий домишко был построен или, скорее, сложен из бревен и веток, принесенных морем. Воду ее обитатели брали из солоноватого источника неподалеку, пищей им служила рыба, моллюски и водоросли. Изодранные шкуры в хижине оказались не козьими, как поначалу решил Гед, а тюленьими. Тюлени снабжали их также костяными иглами, рыболовными крючками и сухожилиями для лесок. Островок был местом, где летом тюлени выводили детенышей. Но кроме них никто не появлялся здесь. Старики испугались Гед не потому, что приняли его за призрак и не от того, что он был волшебником. Они просто уже забыли, что кроме них на свете существуют другие люди.

Страх, поселившийся в старике с появлением Гед, не проходил. Когда ему казалось, что Гед подошел слишком близко, он быстро ковылял прочь, оглядываясь сквозь космы спутанных грязных волос. Старуха же поначалу, стоило Геду шевельнуться, хныкала и зарывалась в тряпье, но когда он лежал в лихорадке, то в немногие моменты просветления видел, что она сидит рядом с ним на корточках и чувствовал на себе ее неподвижный тоскливый взгляд. Когда Гед пришел в себя, она принесла ему воды в раковине, но, стоило ему приподняться, как она от испуга уронила ее и расплакалась, вытирая слезы концами нечесанных седых волос.

Она наблюдала за ним, когда он работал на берегу, пытаясь при помощи каменного топора и заклинания Связывания соорудить новое суденышко из плавника и выброшенных морем обломков своей лодки. Для этой работы не требовалось быть искусным корабелом – нехватку дерева приходилось восполнять за счет чистой магии. Однако женщину, судя по всему, интересовали не странные занятия Гед, а он сам. Она не сводила с него умоляющего взора. Однажды старуха куда-то отошла, но вскоре вернулась, неся подарок – горсть собранных на прибрежных камнях мидий. Гед поклонился ей и съел мидии сырыми. Благодарность Гед придала старухе решимости. Она вошла в хижину и вынесла оттуда что-то, завернутое в тряпку. Не отрывая робких глаз от Гед, она развернула тряпку и показала ему то, что было внутри: детское парчовое платьице, расшитое пожелтевшим от

времени жемчугом. На крошечном лифе жемчужинки слагались в хорошо известную Геду фигуру – двойную спираль Богов-Братьев Каргадской Империи; над ней была вышита королевская корона.

Старуха, морщинистая, грязная, одетая в засаленный мешок из тюленьих шкур, указала пальцем на платице, потом на себя и совсем по-детски, беззащитно улыбнулась. Затем она извлекла из кармана какой-то маленький предмет и протянула его Геду. То был кусочек темного металла, половинка сломанного кольца. Знаками она показала Геду, чтобы он оставил его себе и не переставала жестиковать до тех пор, пока Гед не взял безделушку. После этого старуха довольно улыбнулась – она сделала подарок. Но платице она снова бережно завернула в тряпку и унесла в хижину.

Так же бережно Гед положил половинку кольца в карман куртки – сердце его было полно жалости. Эти двое, думал он, должно быть, члены королевской династии Каргада. Какой-нибудь тиран или узурпатор, боясь пролить царственную кровь, приказал отвезти их сюда, на затерянный островок близ Карего-Ат, где они могли умереть или жить, как им заблагорассудится. Старик был тогда, наверно, мальчишкой лет восьми-десяти, а старуха – маленькой принцессой в расшитом жемчугом платье. Они не умерли и прожили на этом клочке тверди посреди океана может тридцать, а может, и все пятьдесят лет – Принц и Принцесса Одиночества.

Догадка Геда подтвердилась только много лет спустя, когда в поисках Кольца Эррет-Акбе он приплыл в Каргадские Земли, к Гробницам Атуана.

Третий день пребывания Геда на острове оказался Днем Возвращения Солнца, самым коротким в году, и природа приветствовала его спокойным ясным рассветом. Лодочка, сооруженная из досок и магии, щепок и заклинаний, была готова. Гед попробовал объяснить старикам, что может отвезти их на любой остров – Гонт, Спеви, Ториклы, он может даже попробовать доставить их в какое-нибудь уединенное место на Карего-Ат, если они его об этом попросят, хотя каргадские воды и небезопасны для жителей Архипелага. Но им явно не хотелось покидать свой пустынный островок. Старуха, казалось, вообще не поняла, что он хотел сказать своими жестами и тихими словами. Старик же понял и... наотрез отказался, ибо все его воспоминания о других странах и людях были связаны с детскими кошмарами, в котором ручьями лилась кровь и слышались хриплые крики умирающих.

Геду нечем было отблагодарить стариков за тепло и пищу, нечего было подарить так хорошо относившейся к нему женщине, и он сделал единственное, что было в его силах – наложил чары на солоноватый, ненадежный источник, и из него хлынула вода такая же чистая и сладкая, что бьет из горных ключей прекрасного Гонта. Из-за этого источника остров теперь нанесен на карты и приобрел имя: моряки зовут его Островом Родника. Но штормы не оставили на острове ни малейшего следа пребывания людей, проживших на нем всю жизнь и умерших в одиночестве.

Они спрятались в хижине, словно боясь увидеть, как Гед, спустив лодку на воду с южного песчаного мыса островка, позволил северному ветру наполнить волшебный парус и вышел в море.

Предприятие Геда приобрело довольно странный характер – он был охотником, который не знает толком, за кем охотится и где ожидать встречи с жертвой. Он вынужден был искать ее исключительно при помощи догадок, намеков, случайностей, то есть действовать так же, как и Тень, когда та охотилась за ним. Каждый из них был слеп по отношению к другому – Геда ставила в тупик неосязаемость Тени, ее – дневной свет и материальность окружающего мира. Гед был уверен только в одном – в роли охотника выступает именно он. Тень заманила его на скалы, но пока он, полумертвый, лежал на песке и бродил по обледелым дюнам, она не рискнула попробовать расправиться с ним. Она обманула его и сразу исчезла. Огион оказался прав – Тень не могла пить его силы, пока он сам охотился за ней. Теперь он должен найти ее. Однако след врага затерялся в безбрежном океане и Геду ничего не оставалось делать, как отдаться воле ветра, дующего на юг, и надеяться, что он выбрал правильное направление.

Перед заходом солнца Гед увидел слева от себя берег огромного острова Карего-Ат. Его лодка сейчас находилась на самых оживленных морских дорогах белых варваров, и он внимательно следил, не покажется ли где-нибудь их корабль. Гед плыл в багровом закатном свете и вспоминал то утро из своего детства: воинов с перьями на шлемах, огонь, туман. С содроганием он понял, что Тень провела его с помощью такого же трюка – сгустив туман, лишив его возможности видеть опасность, она поступила с ним точно так же, как он тогда с воинами Каргада.

Гед держал курс на юго-восток, и когда из-за западного края мира начала свое наступление ночь, Карего-Ат скрылся из виду. Впадины между волнами заполнились темнотой, но верхушки их продолжали ловить багровые отсветы. Гед спел Гимн Зиме и те куплеты из «Деяний Юного Короля», которые помнил, – эти песни поют на Празднике Возвращения Солнца. Голос его был чист и тверд, но плеск волн заглушал слова. Быстро стемнело и на небе высыпали зимние звезды.

В эту ночь, самую длинную в году, Гед не спал. Холодный зимний ветер нес его по невидимому морю на юг, а он лежал в лодке и смотрел на звезды – одни всходили слева, другие же, завершив ночной путь, исчезали справа в черных глубинах океана. Несколько раз он погружался в дремоту, но сразу же просыпался. Его лодка, более чем наполовину сработанная волшебством, на самом деле лодкой не являлась, и стоило скреплявшим ее заклинаниям хоть немного ослабнуть, она тотчас превратилась бы в кучку досочек и щепочек, плывущих по волнам каждая в отдельности. А парус, сделанный из воздуха, превратился бы в порыв ветра. Заклинания Гед были хороши, но время от времени их следовало обновлять, – вот почему Гед не спал. Конечно, он двигался бы значительно быстрее в облике дельфина или сокола, но Огион не советовал ему перевоплощаться... Гед знал цену советам старого учителя. Итак, он плыл на восток под бегущими на запад звездами, и ночь, какой бы длинной она ни казалась, подошла к концу. Первые лучи нового дня нового года забрезжили на востоке...

Вскоре Гед увидел впереди остров, но ветер утих, и лодка почти не двигалась. Юноша вызвал легкий магический ветер, но чем ближе подплывала лодка к острову, тем невыносимее становился ужас, который гнал его обратно. Ужас этот являлся тем самым свежим следом, и Гед шел по нему, словно охотник, рассматривающий отпечатки когтистой медвежьей лапы и ждущий, что хищник вот-вот бросится на него из засады. Тень была близко – он *знал* это.

По мере приближения остров приобретал все более жуткий вид. То, что издалека казалось плотной скальной стеной, постепенно распалось на несколько крутых хребтов, возможно, отдельных островов, в узких каналах между которыми кипело море. В свое время Гед усердно корпел над картами в Башне Мастера Имен Рокка, но на них были в основном нанесены внутренние моря Архипелага. Он же сейчас находился в водах Восточного Предела и поэтому не знал, что это за земля. Да и нельзя сказать, чтобы его сильно волновал данный вопрос. Перед ним лежал страх. Страх рыскал среди лесов острова, прячась, поджидая его... Уверенной рукой Гед направил лодку к цели.

Темные, поросшие лесом утесы нависли над водой и пена от разбивающихся о них волн стала падать дождем, когда влекомая магическим ветром лодка вошла в глубоко врезавшийся в сушу узкий фиорд, в котором едва могли разминуться две галеры. При полном безветрии сжатое скалами море бурлило и билось о крутые берега. Пляжей здесь не было, утесы отвесно обрывались в черную с холодными отражениями их вершин воду. Было безветренно и очень тихо.

Сначала Тень заманила Гед в пустоши Оскила, потом разбила его лодку в тумане о неведомые скалы... Что приготовила она для него на этот раз? Он ли загнал ее сюда, или она его заманила? Этого Гед не знал, он ощущал только пытку ужасом и уверенность в том, что нужно идти вперед, к источнику его страха. Юноша крайне осторожно продвигался вперед, осматривая все вокруг. Свет нового дня остался позади, в открытом море. Здесь же царил полумрак, и, когда Гед обернулся, устье фиорда показалось ему ослепительно сияющей

аркой. По мере того, как он продвигался все дальше и дальше, полоска воды становилась все уже, а скалы – все выше. Гед до боли в глазах всматривался в их изъеденные пещерами и поросшие деревьями склоны. Корни лесных великанов наполовину висели в воздухе. Ничто не двигалось. Но вот он увидел конец залива – высокую морщинистую скалу, о которую из последних сил бились ослабленные морские волны. Массивные валуны и стволы затонувших деревьев не позволяли грести в полную силу. Ловушка... Мрачная ловушка под корнями молчаливой горы, и он попался в нее... Дальше дороги не было. Вокруг царил могильная тишина.

С величайшей осторожностью, стараясь не ударить лодку о подводные камни и не запутаться в ветвях затонувших деревьев, с помощью нескольких слов и неуклюжего кормового весла ему удалось развернуться. Гед уже хотел поднять ветер и вывести лодку обратно, но слова заклинания застряли у него в горле, а к сердцу подступила ледяная волна. Он оглянулся через плечо. Тень была уже в лодке.

Промедли Гед хоть мгновение, и все было бы кончено, но он был готов к встрече. Юноша бросился на Тень, движимый одной мыслью – схватить и не выпускать этот кошмар, дрожащий и переливающийся перед ним. Никакая магия не могла помочь ему в эти минуты. Только его плоть, сама Жизнь боролась с Антижизнью. Атака его была безмолвна и от броска лодка едва не перевернулась. Боль пронзила руки Геда и достигла груди, сбив ему дыхание; обжигающий холод сковал юношу; он ослеп, но коснувшись Тени, пальцы его схватили только пустоту.

Гед споткнулся, ухватился за мачту, и свет вновь наполнил его глаза. Он увидел, как Тень сжалась в комок, отпрянула от него, потом широким покрывалом распласталась над лодкой и, стелясь словно черный дым на ветру, бесформенной массой понеслась к выходу из фиорда.

Гед обессиленно опустил на колени. Лодка качнулась еще раз, потом выровнялась и успокоилась, слегка покачиваясь на волнах. Гед сидел, судорожно хватая ртом воздух, и ни о чем не думал до тех пор, пока холодная вода не коснулась его ног и не напомнила, что пора обновить скрепляющие лодку чары. Держась за мачту, он встал и сделал то, что требовалось. Гед очень устал, замерз, руки нестерпимо болели, и силы покинули его. Как ему хотелось заснуть в этом полумраке, где море встречается с высокой горой, и спать, спать, покачиваясь на легкой волне.

Гед не знал, откуда взялась эта усталость – от леденящего прикосновения Тени, или просто от голода, бессонницы и неимоверного напряжения всех его сил. Он с трудом заставил себя вызвать магический ветер и направить лодку туда, куда скрылась Тень.

Страх наконец покинул Геда. Ушло и возбуждение – он больше не был охотником, но не был и жертвой. В третий раз встретились они и прикоснулись друг к другу... Гед по своей воле повернулся лицом к врагу. Он не смог удержать Тень, но своим прикосновением к ней выковал между ними цепь, в которой не было слабых звеньев. Не надо было больше никого выслеживать или спасаться бегством. Когда настанет время их последней встречи, она обязательно произойдет.

Но до той минуты Гед не будет знать покоя ни днем, ни ночью, ни в море, ни на суше. Теперь он понял, и знание это тяжким грузом легло на него, что его задача заключается не в том, чтобы исправить содеянное, а в том, чтобы завершить начатое.

Гед проплыл между черными утесами и его встретил яркий утренний свет и легкий северный ветерок.

Он допил оставшуюся воду и поплыл вдоль берега. Вскоре Гед добрался до широкого пролива, отделяющего остров от его западного соседа, и понял, наконец, где находится – карты Восточного Предела встали перед ним в его памяти. Эти острова именовались Руки, пара одиноких островов, простирающих свои гористые пальцы к Империи Каргад. Гед направил лодку в пролив между ними, и когда полуденное солнце скрылось в надвигающихся с севера штормовых облаках, он увидел в устье реки на южном побережье западного острова какую-то деревушку. Ничуть не заботясь о приеме, который ему окажут,

Гед высадился на берег. Вода, тепло очага и сон означали для него жизнь.

Жители деревни оказались суровыми, но застенчивыми людьми. С благоговением глядели они на посох и с опаской – на лицо незнакомца. Но тому, кто приплыл один, и перед штормом, островитяне не могли отказать в гостеприимстве. Они дали ему вдоволь еды, питья, тепла и человеческих голосов, произносивших простые и понятные слова... Они дали ему горячей воды, чтобы смыть соль и грязь, и постель, где он смог спокойно уснуть.

9. Иффиш

Три дня провел Гед в деревушке на острове Западная Рука, восстанавливая силы и готовя к плаванию лодку, сделанную на этот раз не из обломков и заклинаний, а из настоящего дерева, добротной сколоченную и проконопаченную, с крепкой мачтой и отличным парусом. Управлять лодкой было легко, к тому же Гед теперь мог спать, когда душе угодно, не боясь проснуться в воде. Как и большинство лодок на севере и в Пределах, она была обшита досками внахлест и все ее части были плотно пригнаны одна к другой – море в этих краях беспокойное. Гед укрепил ее борта сильными заклинаниями, рассчитывая совершить на ней не один дальний поход. Лодка могла вместить троих, и старик, ее хозяин, поведал Геду, что ему с братьями приходилось попадать на ней в жестокие шторма, но она с честью вышла из всех испытаний.

Совсем не похожий на хитрого гонтийского рыбака, старик, восхищаясь искусством Гед, и в то же время побаиваясь его, хотел отдать ему эту лодку бесплатно. Но Гед не остался в долгу, вылечив старика от катаракты, из-за которой тот уже почти ослеп. Вне себя от радости старик сказал:

– Мы звали эту лодку «Песчанкой» [Sanderling (англ.) – небольшая серо-белая птичка, обитающая на прибрежных пляжах северных морей], а ты назови ее «Ясноглазкой» и нарисуй на ней глаза, ибо благодарность моя заставит прозреть это мертвое дерево, и лодка сама будет огибать рифы и скалы. Я уже забыл, сколько в мире света, пока ты не вернул его мне.

Силы постепенно возвращались к Геду, и он переделал множество дел в деревушке у подножия неприступных утесов. Внешне жители ее походили на гонтийцев, но были куда беднее. Именно среди таких людей, а не среди богачей и знати, Гед чувствовал себя как дома, и без лишних расспросов знал, в чем они нуждаются больше всего. Он вылечил хромых и больных детей, наложил чары плодородия на тощие стада овец и коз, написал руны Симн на веретенах, ткацких станках, веслах и топорах из камня и бронзы, дабы они ломались как можно реже; и руны Пирр на крышах хижин, чтобы защитить их обитателей от огня, ветра и сумасшествия.

Наконец «Ясноглазка» была готова к плаванию. В нее уже погрузили запасы воды, сушеной рыбы и мяса, но Гед задержался еще на день, чтобы научить молодого деревенского сказителя «Деяниям Морреда» и «Балладам Хавнора». Редко заходили сюда корабли Архипелага, и песни, сложенные столетия назад, только теперь дошли до изголодавшихся по новым рассказам о подвигах героев островитян. Будь Гед свободен, он с радостью остался бы тут на неделю, а то и на месяц, чтобы спеть им все песни, которые знал. К сожалению, времени у него было в обрез, и на следующее утро он уже плыл по бескрайним морям Восточного Предела. Не потребовалось никакого заклинания поиска, чтобы определить, что Тень ушла на юг – Гед *знал* это так же точно, как если бы их связывала прочная цепь. И неважно, сколько миль, островов и морей лежало при этом между ними... Безнадежно, уверенно и неторопливо ступил Гед на предначертанный ему путь, и холодный зимний ветер нес его на юг.

Сутки плыл он по пустынному морю и на второй день увидел небольшой островок – Вемиш. В маленьком порту люди почему-то поглядывали на него с недоверием и неприязнью. Загадка такого поведения мучила Гед до тех пор, пока в гавань не примчался запыхавшийся местный колдун. Он пристально взглянул на Гед, после чего поклонился и

произнес напыщенным и одновременно льстивым голосом такую речь:

– Лорд Волшебник! Простите меня за смелость и окажите нам честь, приняв в подарок все, что может потребоваться в путешествии – еду, питье, парусину, канаты. Моя дочь сейчас принесет сюда связку только что зажаренных кур. Однако мне кажется, что вы поступите в высшей степени благоразумно, поспешив опять выйти в море. Люди встревожены, ибо не далее как позавчера многие видели, как некий странник пешком пересек наш скромный остров с севера на юг, но никто не видел ни корабля, на котором он прибыл, ни корабля, на борту которого он покинул остров. Кроме того, некоторым показалось, что незнакомец этот не отбрасывал тени. Те, кто видел его, утверждают, что Ваша Светлость весьма похожа на него.

Услышав это, Гед поклонился, повернулся, сел в лодку и отплыл, ни разу не оглянувшись и не промолвив ни слова. Ни к чему было еще больше пугать островитян и наживать лишнего врага в лице их волшебника. Выспаться он сможет и в море, а кроме того, ему надо было как следует обдумать зловещую новость.

День угас. Всю ночь моросил холодный дождик, переставший лишь под утро, а ветер все нес «Ясноглазку» на юг. После полудня туман рассеялся, и из-за туч время от времени выглядывало солнце. Дело шло к вечеру, когда прямо по курсу появились низкие голубоватые холмы большого острова, ярко освещенные заходящим солнцем. Дым очагов стлался над шиферными крышами крохотных городков, разбросанных среди холмов. После однообразных морских просторов этот вид просто радовал глаз.

«Ясноглазка» вошла в порт вслед за рыбацким флотом, и Гед высадился на берег. Прогулявшись по улицам городка, купавшегося в золотистых сумерках, он наткнулся на таверну под названием «Харреки», где огонь, эль и жареный барашек согрели его душу и тело. За столиками заведения коротали вечер еще двое путников, торговцев из Восточного Предела, но все остальные посетители были местными жителями, заглянувшими сюда отведать хорошего эля и обменяться новостями. Настоящие горожане, внимательные и спокойные, они совершенно не походили на боязливых неотесанных рыбаков Западной Руки. Конечно, они сразу признали в Геде волшебника, но никто, кроме трактирщика, не обмолвился об этом ни словом. Трактирщик же (он вообще оказался разговорчивым человеком) высказался в том духе, что городок этот, Исмэй, главное свое счастье видит в том, что вместе с другими городами этого прекрасного острова владеет неоценимым сокровищем – волшебником, обучавшимся в Школе Рокка и получившем посох из рук самого Верховного Мага. И хотя он и находится в данный момент в отлучке, постоянно проживает в доме своих предков именно в городе Исмэй, вследствие чего этот город, не нуждается в услугах другого представителя Высокого Искусства. – Ведь недаром говорят, что «если в городе есть два посоха, то вскоре не останется ни одного», не так ли, сэр? – спросил трактирщик с приятной улыбкой на устах. Таким образом до сведения Геда было доведено, что если он хочет немного подработать здесь волшебством, то только зря теряет время. Его уже открыто изгнали с Вемиша, теперь вежливо просили убраться отсюда, и у Геда стали возникать сомнения в правдивости рассказов о доброте и мягкосердечности обитателей Восточного Предела. Остров этот назывался Иффиш, тут родился его друг Ветч, но люди здесь были не столь гостеприимны, как уверял тот.

Однако Гед видел, что у жителей города добрые лица. Дело было не в них, а в нем самом. Он здесь казался чужим, как порыв холодного ветра в знойный день, как принесенная ураганом с далеких островов черная птица. И чем скорее Гед покинет остров, унося с собой зло, тем лучше.

– Я здесь проездом, – холодно сказал он трактирщику, – и пробуду на острове всего один-два дня. – Тот ничего не ответил, но бросив выразительный взгляд на стоящий в углу тисовый посох, наполнил чашу Геда коричневым элем так, что пена полилась через край.

Гед понимал, что проведет в городе только одну-единственную ночь, и так будет всегда и везде, пока он не достигнет желанной цели. Но ему настолько опротивели холодная пустыня моря и царящая там тишина, что он решил провести еще сутки на суше и

отправиться в путь послезавтра утром. Так что проснулся он на следующий день поздно. Падал легкий приятный снежок, и Гед лениво бродил по улицам и переулкам Исмэя, наблюдая за людьми, занятыми своими делами. Он понаблюдавал за ребятами в меховых шапках, что строили замки из снега и лепили снеговиков, послушал нехитрые сплетни, перелетавшие из одной открытой двери в другую, поглазел на работу кузнеца, рядом с которым раскрасневшийся мальчишка-подмастерье усердно раздувал длинные мехи. В скупом освещенных окнах он видел женщин за ткацкими станками; иногда они отрывались от дела, чтобы улыбнуться или перемолвиться словом с ребенком или мужем в тепле своих домов. Гед смотрел на все это как бы со стороны, издалека, и сердце его переполняла грусть и печаль, хотя он боялся признаться в этом даже самому себе. Пришла ночь, а он все никак не мог заставить себя вернуться в таверну. Но вот Гед услышал голоса: мимо него по улице прошли, весело болтая, мужчина и девушка. Гед мгновенно обернулся – он узнал мужской голос...

Несколькими быстрыми шагами он догнал эту пару. Дневной свет почти угас, на улице царил полумрак. Девушка отпрянула, а мужчина пристально взгляделся в него и поднял посох, словно желая оградить себя от нападения злых сил. Этого Гед уже не в силах был вынести, и когда он заговорил, голос его дрожал...

– А я-то думал, что ты узнаешь меня, Ветч...

Ветч еще минуту помедлил, потом опустил посох и, словно не веря своим глазам, произнес:

– Я узнаю тебя... Здравствуй, друг, здравствуй! Извини, что я встречаю тебя так, словно ты призрак, явившийся из прошлого! А ведь я ждал тебя, надеялся... – он крепко обнял Геду.

– Так ты и есть тот самый волшебник, которым в Исмэе хвастаются на всех углах! Как же я раньше не догадался!

– Да, я здешний волшебник, но послушай, я хочу объяснить, почему я не признал тебя сразу, парень. Быть может, мне слишком хотелось увидеть тебя... Три дня назад... Ты был три дня назад на Иффише?

– Я приплыл только вчера вечером.

– Три дня назад на улице Квора, деревушки в холмах, я увидел тебя. Теперь-то я понимаю, что это была подделка или просто похожий на тебя человек. Он шел впереди и скрылся за каким-то поворотом. Я позвал его, но он не ответил. Тогда я побежал за ним, но не нашел ни его самого, ни следов, а ведь земля там была покрыта инеем. Все это было довольно жутко, и сегодня, увидев тебя в полумраке, я засомневался... Прости меня, Гед! – последние слова он произнес очень тихо, чтобы девушка, стоявшая чуть поодаль, не могла расслышать их.

В свою очередь понизив голос, Гед сказал:

– Это действительно я, Эстарриол, и я очень рад видеть тебя...

Но Ветч услышал в голосе Геду больше, чем простую радость. Не выпуская друга из объятий, он сказал на Истинном Языке:

– Ты пришел в беде и вышел из тьмы, но твое появление – счастье для меня, – и продолжил уже на языке Архипелага: – Пойдем, пойдем с нами! Мы идем домой – пора наконец выбраться из темноты! Это моя сестра, самая младшая. Она красивее меня, но в уме ей со мной не тягаться. Зовут ее Ярро. Ярро, это Сокол, мой лучший друг!

– Лорд Волшебник, – чинно произнесла девушка и, склонив голову, прикрыла в знак уважения свои глаза руками – таков обычай женщин Восточного Предела. Глаза ее были чисты, застенчивы и любопытны. На вид Ярро было лет четырнадцать. Темнокожая, как и ее брат, девушка, в отличие от него, была стройна и легка. На рукаве у нее, вцепившись когтями в одежду, сидел дракон – размером в ладонь, но во всем остальном весьма походивший на настоящего.

Они пошли по улице вместе, и Гед заметил:

– Говорят, на Гонте живут смелые женщины, но я никогда не видел, чтобы они носили

на руке дракона в качестве браслета.

Ярро засмеялась и ответила:

– Это всего лишь харреки, разве они не водятся на Гонте? – но тут же смутилась и отвела взор.

– Драконов у нас нет. Ведь это дракон?

– Маленький дракончик. Они живут на дубах и питаются осами, червячками и воробьиными яйцами. Этот харреки совсем уже взрослый... Брат много рассказывал мне о вашей зверюшке, диком отаке. Он с вами?

– Нет, его больше нет.

Ветч повернулся к Геду, словно хотел задать какой-то вопрос, но сдержался и ни о чем не спрашивал его до тех пор, пока они, оставшись вдвоем, не уселись у очага в доме Ветча.

Хотя Ветч и был главным волшебником такого большого острова, как Иффиш, жил он в Исмэе – в крохотном городке, где когда-то появился на свет. Вместе с ним жили его младшие брат и сестра. Дом построил отец Ветча, морской торговец. Получился он просторным и крепким, и был украшен глиняной посудой, вышивками и множеством причудливых медных и бронзовых безделушек с далеких островов, разместившихся на резных полках. В одном углу гостиной стояла большая арфа с острова Таон, в другом – инкрустированный слоновой костью ткацкий станок. Так что Ветч, на свой тихий и скромный манер, был как могущественным волшебником, так и хозяином в собственном доме. Здесь жили двое старых слуг, процветавших вместе с домом, брат – жизнерадостный парень, и Ярро – быстрая и молчаливая, как маленькая рыбка. Она подала друзьям ужин, поела вместе с ними, прислушиваясь к их разговору, а потом незаметно ускользнула в свою комнату. Все в этом доме дышало миром и покоем, и Гед, оглянувшись вокруг, сказал со вздохом:

– Так и должен жить человек!

– Ну, можно и так, а можно и по-другому, – сказал Ветч. – А теперь, парень, расскажи-ка мне, что с тобой приключилось с тех пор, как мы разговаривали последний раз, два года назад. И поведай мне о своем путешествии, ведь ты, как я погляжу, не собираешься надолго задерживаться у нас.

Гед поведал другу обо всем, и Ветч надолго задумался. Потом он сказал:

– Я поплыву с тобой, Гед.

– Нет!

– Поплыву...

– Нет, Эстарриол. Это не твое дело. Я один заварил эту кашу, мне ее и расхлебывать. Мне совсем не хочется, чтобы пострадал еще кто-нибудь, а в особенности ты, который с самого начала пытался удержать меня от этого!

– Гордость всегда повелевала тобой, – с улыбкой произнес Ветч, словно речь шла о пустяках. – Но послушай, хоть это дело и касается, в основном, тебя, но если ты проиграешь – кто предупредит Архипелаг об опасности? Ведь Тень тогда получит страшную силу. А если ты победишь, разве не должен кто-то поведать миру об этом подвиге? О тебе будут слагать песни! Знаю, что проку от меня будет мало, и все же, мне кажется, я должен отправиться с тобой!

В ответ на это Гед смог только прошептать:

– Я так и знал! Нельзя мне было задерживаться здесь!

– Волшебники никогда не встречаются случайно... – заметил Ветч. – А еще ты сказал, что я был с тобой с самого начала. Так что будет только справедливо, если я дойду до конца, – Ветч подбросил дров в огонь, и друзья долго сидели молча, глядя на языки пламени. Потом Гед спросил:

– Есть один человек, о котором я ничего не слышал с той самой ночи на Холме, и о ком никогда не расспрашивал – Джаспер...

– Мастера сочли, что он не достоин посоха. Тем же летом он отправился на остров О, надеясь стать там волшебником при дворе Лорда О-Токна. Больше я о нем ничего не знаю.

И снова они надолго замолчали, наслаждаясь, поскольку ночь была холодной, теплом и светом, вытянув ноги так, чтобы огонь едва не лизал подошвы.

Через некоторое время Гед тихо сказал:

– Одного я боюсь, Эстарриол, и буду бояться еще больше, если со мною поплывешь ты. Когда в конце узкого фиорда я попытался схватить Тень, хватать оказалось нечего! Я не смог одолеть ее, и она убежала. Это может случиться снова и снова. Я бессилен перед этим. Возможно, в моем плавании не будет ни смерти, ни победы, ни конца, и не о чем будет слагать баллады. Может случиться так, что я проведу *всю* жизнь в нескончаемой гонке за Тенью из моря в море, с острова на остров, пока не умру где-нибудь в неизвестности.

– Изыди! – сказал Ветч и сделал левой рукой жест, отгоняющий зло. Несмотря на унылое настроение, Гед не мог сдержать улыбки – это было скорее мальчишество, чем настоящее заклинание. Ветч всегда слыл простодушным парнем, но вместе с тем ум его был остр, словно бритва, и мысленным взором он всегда проникал в самую суть вещей. Он сказал: – Довольно мрачная мысль, но, думаю, ты не прав. Почему-то мне кажется, что я все же увижу конец тому, чему видел начало. Рано или поздно ты узнаешь, что представляет собой это создание, поймешь его природу и, поймав, сможешь удержать. Но что же это все-таки такое? Вот чего я не понимаю, и это тревожит меня. Похоже, в последние дни Тень приняла твой облик, или, по крайней мере, чем-то похожий на твой. Ее видели на Вемеше и здесь, на Иффише. Как это могло случиться, и почему этого не происходило на Архипелаге?

– Есть такая поговорка: «В Пределах играют по другим правилам».

– Верно... Некоторые прекрасные заклинания, которым меня научили на Рокке, не имеют здесь никакой силы, или действуют вкривь и вкось, а про некоторые заклинания я впервые узнал только здесь. Каждая страна имеет свои собственные законы, и чем дальше расположена она от Внутренних Островов, тем они непонятнее. Хотя мне кажется, это не единственная причина странного поведения Тени.

– Согласен. Наверное то, что я перестал бегать от нее и сам стал охотником, помогло ей обрести образ и форму. И по той же самой причине она уже не способна высасывать из меня силы. Любая моя мысль и поступок влияют на Тень – мы связаны крепко.

– На Осскиле она произнесла твое Имя и лишила тебя магической силы. Почему же она не сделала этого тогда, когда ты пытался схватить ее в фиорде?

– Не знаю... Что если она черпает силу в моей слабости? Она говорит моим языком – как иначе она могла узнать мое Имя? Я ломаю над этим голову с тех пор, как покинул Гонт, и не нахожу ответа. Наверное, Тень нема, пребывая в своей собственной форме или, вернее, бесформии, а на Осскиле она воспользовалась геббетом. Я не знаю.

– Значит, тебе нужно избегать второй встречи с геббетом.

Гед протянул к огню руки, словно внезапно озябнув.

– Мне кажется, что этого не произойдет. Тень так крепко связана со мной, а я с ней, что она сможет овладеть только мной, если я вдруг ослабею и попытаюсь бежать. Она вряд ли найдет где-нибудь второго Скиорха. Когда я схватил ее, она превратилась в пар и ускользнула от меня... И так будет происходить всякий раз, ибо Тень не сможет скрыться от меня. Я каждый раз буду настигать эту тварь, но одолеть ее мне удастся лишь тогда, когда я узнаю ее Имя.

Ветч осторожно спросил:

– Существуют ли вообще Имена там, откуда она явилась?

– Верховный Маг Ганчер сказал «нет», мой учитель Огион думает по-другому.

– «Бесконечны споры магов...» – процитировал Ветч с улыбкой, в которой было мало веселья.

– Та, что служила Древним Силам на Осскиле, клялась, что Камень откроет мне тайну, но я мало в это верю. Был еще и дракон, который хотел обменять Имя Тени на свое собственное, чтобы избавиться от меня. Драконы иногда знают больше магов.

– Да, драконы мудры, но в них нет милосердия... А что это за дракон такой? Ты успел поболтать и с драконом?

До поздней ночи просидели они у очага, и хотя разговор их все время вращался вокруг главной проблемы – что делать с Тенью, это не омрачало удовольствия, которое они получали друг от друга. С годами их дружба стала лишь крепче. Когда утром Гед проснулся в доме своего друга, у него возникло чувство, что это место надежно защищено от любых напастей. Это ощущение не покидало его весь день – не как доброе предзнаменование, а как бесценный дар; ему казалось, что, покинув этот дом, он покинет последнюю безопасную гавань в своей жизни, и Гед старался не думать о будущем.

Перед отплытием у Ветча обнаружилось множество неотложных дел, и он в сопровождении своего ученика принялся объезжать деревни. Гед остался с Ярро и ее братом, Мюрре, который был старше ее, но младше Ветча. Выглядел он совсем мальчишкой, потому что не обладал даром – или проклятием – магической силы. Из всех островов Архипелага он бывал лишь на Иффише, Токе и Холпе, и жизнь его была легкой и беззаботной. Гед наблюдал за ним с удивлением и некоторой завистью, и точно так же наблюдал за Гедом Мюрре. Каждому из них казалось очень странным, что сверстники могут так отличаться друг от друга. Гед удивлялся, что можно дожить до девятнадцати лет и остаться таким беззаботным. По сравнению с миловидным, жизнерадостным Мюрре Гед казался самому себе безобразным и грубым – он и не подозревал, что на Мюрре наибольшее впечатление произвели уродующие его шрамы. Думая, что это следы от когтей дракона, Мюрре считал Гед героям.

По всем этим причинам молодые люди немного стеснялись друг друга. Ярро же, оставшись за хозяйку дома, быстро преодолела свое первоначальное благоговение перед Гедом. Он был с ней очень ласков, и она задавала ему бесчисленное множество вопросов, ибо, по ее словам, Ветч никогда ей ни о чем не рассказывал. Эти два дня Ярро работала, не покладая рук, готовя провизию для путешественников – сухие пшеничные лепешки, вяленую рыбу и мясо. Она стряпала и стряпала, пока Гед наконец не сказал, что этой горы продуктов им хватит, чтобы без остановки доплыть до Селидора.

– А где находится Селидор?

– На самом краю Западного Предела. Драконы на этом острове столь же обычное явление, как мыши.

– Оставайтесь лучше здесь, на Востоке – драконы у нас размером с мышь. Вот ваше мясо. Ты уверен, что его достаточно? Послушай, я никак не могу понять одного: ты и мой брат – могущественные волшебники. Стоит вам чего-нибудь захотеть, вы помашете руками, пошепчете – и раз-два, все готово. К чему же вам брать с собой еду? Не проще ли, когда в море наступает время обеда, взять и сказать: «Пирожок с мясом!», и он тут же появится, а вы его съедите.

– Что ж, поступить так, конечно, можно. Да что-то нам не очень хочется, как говорится, питаться собственными словами. Несмотря ни на что, «Пирожок с мясом» – это всего лишь слова... Их можно сделать пахучими, вкусными, даже утоляющими голод, но слова остаются словами. Они обманывают желудок, но не придают сил голодному человеку.

– Да, никакой волшебник не сравнится с поваром, – произнес Мюрре, который сидел здесь же, на кухне, вырезая из дерева ящичек: он зарабатывал на жизнь резьбой по дереву, хотя и не хватал в этом искусстве звезд с небес.

– Но и повара, в свою очередь, не волшебники, – добавила Ярро, стоя на коленях перед очагом и наблюдая за тем, как подрумянивается последний противень с пирожками. – И все же мне вот что непонятно, Сокол. Я видела, как мой брат и даже его ученик освещают темное место одним словом. Это настоящий свет, а не просто слово! Он ярок и его видят все!

– Да, – ответил Гед. – Свет – это сила, великая сила, благодаря которой мы существуем. Но он существует сам по себе, а не для того, чтобы служить нам. Свет солнца и звезд – это время, а время – это свет. Жизнь возможна только в солнечном свете, и живое существо может рассеять тьму, позвав свет по Имени... Во всех остальных случаях, если волшебник называет какой-нибудь предмет, и тот появляется, то это всего лишь иллюзия. Чтобы действительно *создать* некий предмет, требуется настоящее искусство. Нельзя заниматься

этим без крайней нужды, а тем более утолять таким образом голод. Ярро, твой дракончик украл пирожок!

Ярро вся обратилась в слух и не заметила, как харреки потихоньку слез с теплого крючка для чайника над очагом и схватил пирожок размером больше его самого. Девушка посадила чешуйчатое создание себе на колени и стала кормить его кусочками пирожка, обдумывая услышанное.

– Значит, не следует создавать настоящий пирожок с мясом, если не хочешь нарушить то, о чем постоянно толкует мой братец... как оно там...

– Равновесие, – подсказал Гед без тени насмешки в голосе.

– Да, Равновесие. А вот когда ты потерпел кораблекрушение у того островка и уплыл оттуда на лодке, сделанной из заклинаний, и она не протекала. Это тоже была иллюзия?

– Не совсем. Просто не слишком приятно видеть под собой сквозь дыры в обшивке лодки бездонные глубины моря, и я заштопал все прорехи главным образом для красоты. Это и было иллюзией. Прочность лодке придало другое заклинание – Связывания. Я связал дерево, и оно стало единым целым – лодкой. Ведь что такое лодка? Предмет, который не пропускает воду.

– Иногда приходится вычерпывать воду, – сказал Мюрре.

– Моя лодка протекала, как только я забывался и заклинание слабело, – Гед взял лепешку и принялся жонглировать ею, дуя на пальцы. – Я тоже украл пирожок.

– И обжегся. Когда в далеком море тебя начнет мучить голод, ты вспомнишь этот пирожок и скажешь: «Ах, если бы я не утащил его тогда, сейчас мне было бы что поесть!» Я съем еще один, чтобы братец поголодал вместе с тобой...

– Так поддерживается Равновесие, – заметил Гед. Ярро, которая жевала горячий пирожок, засмеялась и чуть не подавилась, но тут же приняла серьезный вид и сказала:

– Как хотелось бы мне понять все, о чем ты мне рассказываешь! Но я слишком глупа...

– Нет, сестричка, – возразил Гед, – просто я плохой рассказчик. Будь у меня побольше времени...

– У нас будет время. Ведь ты погостишь у нас еще немного?

– Если смогу, – тихо ответил Гед.

Они немного помолчали, наблюдая за тем, как харреки вновь карабкается на облюбованный крючок.

– Скажи мне, если это не секрет: какие еще, кроме света, существуют Великие Силы?

– Это не секрет. Мне кажется, у всех сил одно начало и один конец. Годы и расстояния, звезды и свечи, вода и ветер, волшебство и искусство человеческих рук, мудрость человеческого разума – все это части одного целого. Мое Имя, твоё Имя, Настоящее Имя солнца, родника или еще не родившегося ребенка – все это слоги, составляющие единое Великое Слово, которое неторопливо шепчет нам звездный свет. Других сил не существует. Других Имен тоже.

Прервав работу, Мюрре спросил:

– А смерть?

Девушка внимательно слушала, склонив голову.

– Чтобы произнесенное слово было услышано, – медленно сказал Гед, – нужна тишина.

И до, и после него. – Он встал и закончил: – Но я не имею права говорить о подобных вещах. То слово, что было моим, я произнес неправильно. Поэтому будет лучше, если я сейчас промолчу. Быть может, кроме тьмы, нет в мире других могучих сил... – С этими словами Гед накинул плащ и вышел из теплой кухни на улицу, под холодный зимний дождь.

– На нем лежит какое-то проклятие, – боязливо прошептал Мюрре, глядя ему вслед.

– Почему-то мне кажется, что в этом путешествии его ждет смерть, – сказала Ярро. – Он боится этого, но идет. – Она пристально всматривалась в пламя очага, словно видя в нем одинокое суденышко, уходящее все дальше и дальше в безбрежное море. Глаза ее наполнились слезами, но больше она ничего не сказала.

Ветч вернулся на следующий день и обратился к совету старейшин, прося разрешения

на некоторое время покинуть Иффиш. Членам совета крайне не хотелось среди зимы отпускать его в открытое море, да еще по делу, которое, как считали они, его не касается. Но хотя старейшины и не одобряли его намерений, воспрепятствовать они ему не могли. Устав выслушивать укорявших его старцев, Ветч сказал:

– Я – ваш по рождению, обычаю и долгу. Я ваш волшебник. Но пришло время вспомнить, что хоть я и слуга, но не ваш слуга. Я вернусь тотчас же, как только смогу. А пока – до свидания!

На следующее утро, с первыми проблесками света на востоке, «Ясноглазка», поймав в свой темный надежный парус устойчивый северный ветер, вышла из гавани Исмэя. Ярро стояла на причале и смотрела им вслед так же, как сестры и жены моряков всего Земноморья стоят на причалах и смотрят вслед уходящим в море мужчинам. Они не кричат и не машут платками, а молча стоят, закутавшись в серые или коричневые плащи, на пирсе, следя за тем, как полоска воды между судном и берегом становится все шире и шире.

10. Открытое море

Гавань скрылась из виду. Исхлестанные волнами нарисованные глаза «Ясноглазки» вновь увидели сумрачную морскую пустыню. Двое суток понадобилось друзьям, чтобы проплыть сто миль от Иффиша до острова Содерс, двое суток ужасной погоды и постоянно меняющихся ветров. В порту они пробыли ровно столько времени, сколько требовалось на то, чтобы пополнить запасы воды и купить кусок просмоленной парусины – прикрыть свое имущество от дождя и брызг. Обычно маги справляются с такими мелочами при помощи простейших заклинаний. Они также не возят с собой воды, опресняя морскую, но Геду крайне не хотелось пользоваться магией. Он и Ветча уговорил не делать этого.

– Лучше не надо, – только и сказал Гед. Его друг не стал спорить. С первой минуты плавания их одолевало мрачное предчувствие, холодное, как зимний ветер. Бухта, гавань, мир, спокойствие – все это осталось позади. На их пути все таило в себе опасность, каждая мелочь имела значение. Самое простое заклинание могло резко нарушить равновесие сил – они приближались к самому центру этого равновесия, к месту, где встречаются свет и мрак. Те, кто ступил на этот путь, должны следить за своими словами.

Обогнув покрытые снегом холмистые берега Содерса, Гед снова направил лодку на юг. Они вошли в воды, крайне редко посещаемые торговцами Архипелага – самую окраину Восточного Предела.

Ветч не спрашивал, куда они плывут. Он знал, что Гед не выбирает путь, а просто следует неумолимому зову. Когда Содерс совсем скрылся из вида и огромное серое кольцо воды опять сомкнулось вокруг них, Гед спросил своего друга:

– Какие острова лежат впереди?

– К югу от Содерса вообще нет земли. На юго-востоке, очень далеко, есть маленькие островки – Пелимер, Корней, Госк и Астовелл, который называют еще Последним Островом. Дальше – Открытое Море.

– А на юго-запад?

– Роламени, он относится к Восточному Пределу, и несколько островков вокруг него. Потом – пустота до самого Южного Предела. Там – Руд, Тум и остров Ухо, на который люди не заглядывают.

– А мы смогли бы... – с кривой ухмылкой заметил Гед.

– Мне бы этого не хотелось, – сказал Ветч. – Говорят, это один из самых неприятных уголков Архипелага, полный чудес и древних полуистлевших костей. Моряки рассказывают, что в тех водах в небе сияют звезды, которых не видно больше нигде. У них нет названий.

– Да, когда я плыл на Рокк, на корабле был один матрос, который говорил об этом. Еще он рассказывал о Народе Плотов, что живет на краю Южного Предела. Они высаживаются на сушу только раз в году, чтобы нарубить гигантских деревьев для своих плотов, а все остальное время странствуют по морям, не приближаясь к суше. Хотелось бы мне взглянуть

на их селения на плотях...

– А мне – не очень, – усмехнулся Ветч. – Мне подавай остров и островитян. Пусть море спит в своей постели, а я – в своей.

Держась за канат и обозревая серую пустыню вокруг, Гед произнес:

– Мне хочется увидеть все города, все острова Архипелага... Хавнор в центре мира; Эа – там родились легенды; фонтаны Шелиета на Уэе – все города и великие страны. И еще все крошечные острова Пределов... Проплыть по гряде Драконьей Тропы на западе, увидеть ледяные поля на севере, которые тянутся до самой Земли Хогн. Одни говорят, что это огромный, больше Архипелага, остров. Другие утверждают, что это просто рифы и скалы, покрытые льдом, но никто не знает точно. Я хочу увидеть китов, которые живут в северных морях... А пока что я должен отвернуться от всех сияющих берегов. Я слишком торопился жить, и теперь у меня не осталось времени! Я променял солнечный свет, прекрасные города и дальние страны на пригоршню власти, на Тень, на мрак. – И как всякий волшебник, Гед выплавил из своего страха и сожаления песню, короткую жалобу, спетую для друга. Ветч ответил ему словами из «Деяний Эррет-Акбе»:

Увижу ль снова я
Блеск очага земли
И белые, как снег,
Хавнора башни...

Итак, они продолжали плыть по выбранному пути среди пустынных вод. За весь день им встретились лишь серебристая стайка рыбешек, спешивших к югу, но ни разу не выпрыгнул из воды дельфин, ни одна чайка не промелькнула на небосводе. Когда небо на востоке потемнело, а на западе вспыхнуло багрянцем, Ветч достал из-под парусины еду и разделил ее на две равные части, сказав при этом:

– Я хочу выпить остатки эля за здоровье той, что догадалась поставить его в лодку, дабы он согрел нас в холод – за мою сестру Ярро!

При этих словах Гед, уныло глазевший по сторонам, оторвался от мрачных мыслей и отсалютовал Ярро даже более горячо, чем Ветч. В своей детской и мудрой прелести она не была похожа ни на одну из знакомых ему девушек (впрочем, у него никогда не было девушки, так что и сравнивать было не с кем).

– Она похожа на маленького пескаррика в прозрачном ручье – кажется такой беззащитной, а попробуй-ка, поймай ее!

Ветч с улыбкой посмотрел на него.

– Да ты просто родился магом! Ее Настоящее Имя – Кест, что, как тебе прекрасно известно, на Древнем Наречии означает «пескарь».

Геду была приятна похвала друга. Однако подумав, он сказал:

– Наверное, тебе не надо было говорить мне ее Имя...

Но Ветч, который ничего не делал просто так, заметил:

– Ее Имя в полной безопасности, так же, как и мое. Вдобавок, ты узнал его без моей помощи...

Багровые отсветы погасли на западе и все погрузилось во тьму. Завернувшись в теплый, подбитый мехом плащ, Гед улегся на дно лодки, а Ветч запел «Подвиги Энлада». Песня рассказывала о том, как маг Морред по прозвищу Белый покинул Хавнор на своем корабле без весел и, приплыв на остров Солеа, увидел в цветущем весеннем саду Эльфарран. Гед уснул прежде, чем Ветч добрался до печального конца их любви, смерти Морреда, разорения Энлада, до горьких морских волн, сомкнувшихся над садами Солеа. В полночь Гед проснулся и встал на вахту, а Ветч уснул. Подгоняемое попутным ветром маленькое суденышко легко несло вперед сквозь непроглядный мрак ночи. В облаках появились разрывы, в них иногда проглядывал узкий серп луны.

– Скоро новолуние, – пробормотал Ветч, проснувшись на рассвете. Ледяной ветер

немного стих. Гед посмотрел на белый полумесяц, низко висевший над горизонтом, но ничего не сказал. Первое новолуние после Возвращения Солнца – несчастливое время для больных и путешественников. В такие дни детям не дают Имен, не поют песен, не точат мечей, не клянутся. В этот день что ни происходит, все ведет к несчастью.

Прошло три дня после отплытия с Содерса. Следуя за морскими птицами, они добрались до Пелимера, небольшого гористого островка. Жители его говорили на Хардики, языке Архипелага, но со странным акцентом, непривычным даже для ушей Ветча. Поначалу они встретили молодых людей, сошедших на землю отдохнуть и наполнить бурдюки с водой, с благосклонным, хотя и несколько шумным удивлением. Все шло очень хорошо, пока не появился местный волшебник. Друзья сразу поняли, что перед ними сумасшедший – он говорил только об огромной змее, которая, по его словам, подтачивала основание острова и в самом скором времени весь Пелимер должен был пуститься в плавание, как отвязанная лодка и свалиться с края мира. Сначала безумец был вежлив, но чем больше он говорил, тем подозрительнее поглядывал на путешественников. Скоро он впал в исступление и начал орать, называя их шпионами и слугами Морского Змея. Услышав это, горожане стали поглядывать на них искоса, ибо хотя старик и был сумасшедшим, он был их магом. Гед и Ветч решили не задерживаться здесь. Вечером они вышли в море и взяли курс на юго-восток.

За все время плавания Гед ни разу не упомянул ни о Тени, ни о цели их путешествия. Они уже покинули знакомые воды Земноморья и удалялись от них все дальше и дальше. Ветч задал Геду всего один вопрос: «Ты уверен?», на что Гед ответил другим вопросом:

– Как железо узнает, где лежит магнит?

Ветч кивнул, и больше они эту тему не затрагивали.

Однако они весьма охотно обсуждали различные приемы и уловки, которыми пользовались маги древности, чтобы отыскать Имена Темных Сил – как Нерегер Палнский, подслушав разговор драконов, узнал Имя Черного Мага; как Морред увидел Имя своего врага, выбитое каплями дождя в пыли на поле брани среди Равнин Запада. Они говорили о заклинаниях Поиска, о требующих ответа вопросах, которые любил задавать Мастер Образов Рокка. Часто Гед заканчивал такие разговоры словами, услышанными им от Огиона той далекой осенью, когда он стал его учеником: «Чтобы слышать, надо молчать!» И он молчал, час за часом, размышляя и глядя вперед. Ветчу иногда казалось, что сквозь волны, мили и грядущие дни Гед действительно видит Тень, которую они преследуют, и мрачный конец их путешествия.

Они прошли между островами Корней и Госк, не заметив их в тумане, и догадались об этом только на следующий день, когда увидели перед собой отвесные скалы, над которыми тучами кружили чайки – их пронзительные крики далеко разносились над водой. Ветч сказал:

– Судя по всему, это Астовелл. Край Земли. К югу и востоку от него на картах – пустота.

– Но те, кто живет здесь, знают, наверное, о более далеких островах, – сказал Гед.

– Почему ты так думаешь? – спросил Ветч.

Ответ Геда прозвучал очень странно:

– Не здесь, – сказал он, глядя на Астовелл и, в то же время, мимо него, сквозь него. – Не здесь. Но и не на море. Не на море, а на суше, но где она, эта суша? За истоками Открытого Моря, за вратами дневного света...

Затем Гед замолк, а когда он заговорил снова, речь его была по-прежнему ясна, словно он освободился от каких-то чар, или прогнал некое видение.

Порт Астовелла разместился на северном побережье, в устье реки, среди крутых скал. Окна всех домов смотрели на север и запад, как будто город повернулся лицом к Архипелагу, к человечеству.

Прибытие незнакомцев вызвало в порту всеобщее возбуждение и смятение – ни один корабль еще не осмеливался зайти сюда в это время года. Когда Гед и Ветч вошли в город,

все женщины попрятались в плетеных хижинах, осторожно выглядывая из-за приоткрытых дверей и заслоняя собой детей. Мужчины же, худощавые и, несмотря на холод, легко одетые, толпой окружили их, и у каждого в руке был каменный топор или сделанный из раковины нож. Убедившись, что путешественники не опасны, островитяне тут же успокоились и засыпали их вопросами. Астовелл был беден, торговать его жителям, кроме бронзы, было нечем и потому корабли с Содерса и Роламани редко появлялись здесь. На острове не росло ни единого деревца. Лодки островитяне плели из тростника и обтягивали их шкурами – нужно обладать исключительной храбростью, чтобы на таком ненадежном суденышке попробовать добраться хотя бы до Госка или Корнея. Так они и жили – в угрюмом одиночестве, на краю всех карт. На острове не было ни волшебника, ни даже самой захудалой колдуньи, и жители не признали в друзьях магов. Их посохи вызвали бурное восхищение лишь потому, что были сделаны из драгоценного материала – дерева. Единственным из островитян, кто хоть раз в жизни видел уроженцев центральной части Архипелага, оказался их вождь, а он был очень стар. На путешественников смотрели как на чудо – привели детей, чтобы те запомнили этот день на всю жизнь. Островитяне никогда не слышали о Гонте, только о Хавноре и Эа, и они приняли Геда за Лорда Хавнора. Как смог, рассказал он им о белоснежном городе, которого никогда не видел. По мере того, как приближалась ночь, беспокойство Геда все увеличивалось. Вечером мужчины собрались в портовом домике, греясь у вонючего очага, в котором тлел козий помет и сухой тростник – единственное их топливо. Гед спросил:

– Какая земля лежит к востоку от вашего острова?

Островитяне молчали, некоторые ухмылялись, другие – хмурились. Ответил ему вождь:

– Дальше – только море.

– Значит, там нет ни единого острова?

– Это Край Земли, и дальше на восток нет суши.

Один из молодых рыбаков заметил:

– Отец, эти люди мудры, они странствуют по свету и могут знать то, чего не знаем мы.

Старик долго смотрел на Геда, потом сказал:

– На востоке нет земли, – и не произнес больше ни слова.

Ночь друзья провели в этом домике, где было хоть и дымно, но тепло. Солнце еще не взошло, когда Гед разбудил своего друга словами:

– Эстарриол, просыпайся, нам пора отправляться в дорогу!

– Почему так рано? – пробормотал Ветч спросонья.

– Не рано – поздно! Тень наша способ скрыться, а если она сейчас убежит, я обречен гоняться за ней до скончания века.

– Куда мы направимся?

– На восток. Пойдем, я уже набрал воды.

Они покинули свое пристанище еще затемно. Улицы были безлюдны, царил мертвая тишина – только младенец вдруг заплакал в какой-то темной хижине, но быстро замолк. При свете звезд они отыскивали путь к устью реки, отвязали «Ясноглазку» от каменной пирамиды, столкнули ее в черную воду и поплыли на восток, в Открытое Море, прежде чем забрезжил рассвет первого дня новолуния.

Наступил день, ясный и холодный. Порывы ледяного ветра налетали с северо-востока, и Гед поднял ветер магический – первый акт волшебства с тех пор, как он покинул остров Западной Руки. Лодка стрелой понеслась по волнам на восток. Удары огромных куривших пеной волн сотрясали «Ясноглазку», но лодка отважно плыла вперед, как обещал ее прежний хозяин, беспрекословно повинаясь воле магического ветра, словно была она построена на самом Рокке.

За исключением нескольких слов, предназначенных для поддержания силы заклинания, Гед в то утро не произнес ни единой фразы. Ветч завершил свой потревоженный сон, свернувшись калачиком на корме. В полдень они пообедали – Гед по-прежнему молча

выделил каждому по пшеничной лепешке и кусочку соленой рыбы.

Не сворачивая и не сбавляя скорости, «Ясноглазка» неслась вперед. Гед лишь однажды нарушил затянувшееся молчание, спросив:

– Одни верят, что за Внешними Пределами лежит только безбрежное пустое море, другие считают, что за горизонтом есть еще не открытые страны и острова. Как думаешь ты?

– Пока что я согласен с теми, кто утверждает, что у нашего мира только одна сторона и тот, кто заплывет слишком далеко, просто свалится с его Края.

Гед не улыбнулся. В нем не осталось веселья.

– Кто может сказать, что человек встретит за пределами карт? Мы проводим всю жизнь среди островов и вряд ли узнаем, кто прав...

– Те, кто хотел узнать это, не вернулись, и ни один чужой корабль ни разу не появлялся в водах Архипелага.

Гед промолчал.

Весь этот день и следующую ночь могучий магический ветер нес их на восток. Ночную вахту стоял Гед – притягивающая его сила в темноте крепла. Он постоянно всматривался вдаль, хотя в непроглядной тьме его глаза видели не больше, чем те, что были нарисованы на носу лодки. К рассвету смуглое лицо Гедосерело от усталости, он так заковенел от холода, что едва мог шевелить руками и ногами. Прошептал:

– Эстарриол! Поддерживай магический ветер с запада! – Гед уснул.

Утром они не увидели солнца – небо затянула плотная пелена облаков, шел сильный дождь. Несмотря на просмоленную парусину, все в лодке отсырело. Ветч чувствовал, что промок насквозь, а Гед дрожал во сне от сырости и холода. Полный сострадания к своему другу, да и к себе тоже, Ветч сделал слабую попытку остановить дождь. Но если магический ветер все-таки повиновался ему и не ослабел, то пропитанный влагой ветер Открытого Моря не прислушался к голосу мага – чем дальше от суши, тем слабее волшебство.

Вдруг в душу Ветча закрался страх: не потеряют ли они всю свою магическую силу, удаляясь все дальше и дальше от населенных мест?

Следующую ночь Гед опять не сводил глаз с моря и по-прежнему гнал лодку на восток. Наутро ветер немного стих, и в разрывах облаков стало появляться солнце, но волны остались такими же высокими – «Ясноглазка» карабкалась на них, как на небольшие горы, мгновение отдыхала на вершине и затем стремительно летела вниз. Через секунду эта мучительная процедура повторялась вновь, и так без конца.

Вечером этого изнурительного дня Ветч сказал:

– Друг, ты говорил, что впереди нас ждет суша. Я не собираюсь оспаривать твое предчувствие. Но скажи, не кажется ли тебе, что это всего лишь очередная уловка Тени, которая пытается заманить нас подальше от обитаемых земель в Открытое Море, где наши силы постоянно тают? Ведь сама Тень не устает, не испытывает голода, не боится утонуть...

Они сидели рядом, но Гед посмотрел на друга так, словно их разделяла бездна. Взгляд его был полон тревоги, и ответил он не сразу.

– Эстарриол, мы уже совсем близко...

Ветч ни на секунду не усомнился в его словах. Липкий страх мгновенно охватил его, но он положил руку на плечо друга и сказал:

– Ну, наконец-то!

Пришла ночь, и снова Гед не спал. Не смог он уснуть и на третий день. Бег «Ясноглазки» был по-прежнему легок, и даже ужасен в своей стремительности. Ветч мог только удивляться тому, что Гед сохранил столько магической силы – его собственные убывали в Открытом Море с каждым часом. Но магический ветер не ослабевал ни на минуту. Они продолжали свой путь, пока Ветчу не начало казаться, что они миновали истоки моря и врата дневного света. Гед стоял на носу лодки, по-прежнему глядя только вперед. Но он не видел океана, по крайней мере, того океана, что видел Ветч – обширного пространства свинцовой воды, сливающейся на горизонте с небом. На глаза Гедословно упала темная пелена, которая закрывала от него серое море и свинцовое небо, и с каждой милей, с каждой

минутой пелена эта становилась все плотнее. Заглянув другу в глаза, Ветч на мгновение увидел то же, что и Гед – тьму. И хотя они сидели в одной лодке, Ветч плыл на восток по обычному морю, а Гед уходил от него все дальше и дальше, в страну, где нет востока и запада, где не восходит солнце и не садится солнце, и только незнакомые звезды вечно сверкают в черном небе.

Вдруг Гед встал во весь рост и громко что-то сказал. Магический ветер стих и потерявшую скорость «Ясноглазку» начало бросать на волнах, словно щепку. Хотя обычный ветер и продолжал дуть с востока, парус безжизненно обвис. Лодка остановилась.

Гед скомандовал:

– Спусти парус. – И Ветч быстро выполнил приказ, а Гед в это время достал весла, вставил их в уключины и принялся грести изо всех сил.

Ветч, видя вокруг только водяные горы, не понял сначала, зачем понадобились весла, но потом заметил, что слабеет даже обычный ветер, а море успокаивается. Через некоторое время лодка под мощными ударами весел Геда вошла как будто в тихую бухту, в полосу совершенно спокойной воды. Гед греб, сидя лицом к корме, и между ударами весел оглядывался через плечо, стараясь заглянуть вперед. Хотя Ветч и не видел того, что Гед – темных склонов под неподвижными звездами – опытным глазом волшебника он начал различать на лениво плещущейся воде сгустки мрака. Вода вокруг лодки начала превращаться в песок.

Если это и было иллюзией, то необычайно мощной – Открытое Море, казалось, обратилось в сушу. Собрав остатки храбрости, Ветч начал медленно произносить заклинание Откровения, после каждого слова поглядывая, не заколеблется, не исчезнет ли песчаная отмель посреди безбрежного океана. Но она не исчезла. Возможно, это заклинание, хотя оно и воздействовало только на его собственное зрение, а не на окружающую действительность, не имело здесь силы. Но вдруг это не иллюзия и они действительно добрались до Края Мира?

Гед греб все медленнее, часто оглядываясь через плечо и тщательно выбирая путь, осторожно направляя лодку в одному ему видимые каналы и протоки. Время от времени киль «Ясноглазки» задевал дно, и она вздрагивала, хотя под днищем лежала бездонная пучина моря. Гед поднял весла, они заскрежетали в уключинах, и звук этот был ужасен в царившей здесь гробовой тишине. Все остальные звуки – вой ветра, скрип дерева, хлопанье паруса – поглотила абсолютная тишина, которую, казалось, ничто не могло нарушить. Лодка замерла. Не чувствовалось даже малейшего дуновения ветерка. Море превратилось в черный песок. Ничто не двигалось ни в темном небе, ни на призрачной суше, простиравшейся во все стороны на сколько хватало глаз, постепенно теряясь в сгущающемся мраке.

Гед встал, взял посох и легко перешагнул через борт. Ветч был уверен, что его друг сейчас упадет и утонет в море, которое, несомненно, прячется за этой призрачной пеленой, скрывавшей воду, небо и свет. Но моря больше не было и Гед пошел прочь от лодки по скрипящему под ногами черному песку, на котором четко отпечатывались его следы.

Посох Геда вспыхнул ясным белым светом, который вскоре стал настолько ярким, что крепко сжимавшие светящееся дерево пальцы мага приобрели багрово-красный оттенок.

Он зашагал вперед, удаляясь от лодки, но там, где они находились, отсутствовало чувство направления: не было ни севера, ни юга, ни востока, ни запада. Только «навстречу» и «от».

Мрак все сгущался. Свет в руке Геда казался Ветчу странствующей во тьме звездой. Это заметил и Гед, но он по-прежнему продолжал смотреть только вперед. И наконец на границе света и тьмы Гед увидел Тень, которая плыла над песком ему навстречу.

Поначалу Тень не имела формы, но, очутившись ближе, она приняла облик человека. Это был старик, седой и угрюмый, и в тот момент, когда Гед узнал в нем своего отца, он увидел, что перед ним уже не старик, а юноша. Джаспер... его надменное красивое лицо, серый плащ с серебряной застежкой, его манера держаться. С ненавистью смотрел он на Геда сквозь окружающую их тьму. Гед не остановился, но замедлил шаг и поднял повыше

посох. Испускаемый им свет стал ярче, и в его лучах приближающаяся фигура превратилась в Печварри, но лицо плотника было раздуто и бледно, как у утопленника. Он вытянул руки и поманил Геда. Расстояние между ними сократилось до нескольких шагов, но Гед продолжал идти вперед. Внезапно Тень вновь изменила обличье – она распростерлась, будто раскрыв гигантские тончайшие крылья, затем съежилась снова. На мгновение Гед увидел в сгустке мрака белое лицо Скиорха и его затуманенные глаза, а потом – ужасную морду, ни звериную, ни человеческую, с дергающимися губами и бездонными ямами глазниц, сквозь которые глядела на него черная пустота.

Гед еще выше поднял посох и сияние его стало нестерпимым. В этом безжалостном свете, рассеявшем даже первозданную тьму, все человеческие формы спали с Тени, словно шелуха. Она сжалась в комок, почернела и на четырех коротких когтистых лапах двинулась вперед, вытянув к Геду бесформенное рыло, на котором уже не было ни губ, ни глаз, ни ушей. Когда они сблизились, Тень, став черной, как ночь, в ослепительном сиянии посоха, поднялась во весь рост. В полной тишине человек и тень сошлись лицом к лицу и остановились.

Громко и ясно, разбив на куски древнее безмолвие, Гед произнес Имя Тени и одновременно с ним, не имея ни губ, ни языка, Тень произнесла то же самое слово, то же самое Имя:

– Гед!!! – и голоса их слились.

Гед бросил посох, вытянул руки и схватил свою Тень, свое черное "Я". Свет и тьма встретились, соединились и стали одним целым.

Ветчу, который в ужасе следил за ними издалека, показалось, что Гед побежден – он увидел, как померкло ослепительное сияние. В отчаянии и ярости выпрыгнул Ветч из лодки, дабы помочь другу или умереть вместе с ним, и что было сил помчался в сторону слабого проблеска света посреди крошечной тьмы пустыни. Но суша начала растворяться у него под ногами, превращаясь в зыбучий песок... внезапно его оглушил рев ветра и волн, ослепил дневной свет, он почувствовал жгучий холод и горечь соли на языке – мир вернулся к нему, Ветч погрузился в настоящее живое море.

Неподалеку от него качалась на волнах одинокая «Ясноглазка», но больше ничего не было видно – вода заливала глаза. Ветч плавал плохо, но все же сумел добраться до лодки и тяжело перевалиться через борт. Кашляя и тряся мокрыми волосами, он стал осматриваться, точно не зная, в какую сторону глядеть. Наконец далеко-далеко он заметил среди волн какой-то темный предмет. Взявшись за весла, Ветч начал грести изо всех сил. Хоть и не скоро, но он все же доплыл до Геда, поймал его за руку и втащил в лодку.

Хотя Гед находился в полубессознательном состоянии и смотрел на Ветча отсутствующим взглядом, с виду он был цел и невредим. Гед крепко сжимал в руке потухший тисовый посох. Обессиливший и промокший до нитки, юноша молча лежал около мачты, ни разу не взглянув на Ветча, который поднял парус и развернул лодку, чтобы поймать северо-восточный ветер. Гед не обращал никакого внимания на окружающий мир, пока прямо по курсу на потемневшем небе в разрыве облаков не появилась, словно круг из китовой кости, новорожденная луна, и отраженный ею солнечный свет слегка рассеял океан тьмы.

Тогда Гед поднял голову и долго-долго вглядывался в светлое пятно на западе.

Насмотревшись вдоволь, он встал во весь рост, держа посох обеими руками, словно воин – длинный меч, и посмотрел на небо, на море, на парус над своей головой и в глаза своему другу.

– Гляди-ка, Эстарриол, я ведь сделал это! Наконец-то все кончено. – Он рассмеялся. – Рана затянулась, и я теперь такой же, как и прежде. Я свободен... – Он сел и, пряча в ладони лицо, заплакал как ребенок.

До этого момента Ветч с беспокойством следил за Гедом, ибо не был полностью уверен в благополучном исходе схватки во тьме. Он не знал, кто находится с ним в лодке и в любую секунду готов был, пробив дно, затопить «Ясноглазку» посреди моря, только бы не привести

в гавани Архипелага порождение мрака, которое могло принять облик Геда. Но теперь, когда Ветч увидел глаза друга и услышал его голос, последние сомнения исчезли. Гед не одержал победу, но и не проиграл. Назвав Тень своей смерти своим собственным Именем, он стал цельной личностью, человеком, до конца познавшим себя, человеком, в душе которого не осталось места для ненависти, мрака и боли. В самой древней балладе, «Сотворение Эа», поется:

В молчаньи слов,
Во мраке света
И только в смерти жизни ты
Отыщешь путь свой к свету, сокол,
Среди небесной пустоты...

Эту балладу и запел Ветч в лодке, несущейся на запад на крыльях холодного зимнего ветра из пустыни Открытого Моря.

Они плыли восемь дней, и еще восемь, прежде чем увидели землю. Много раз приходилось им наполнять бурдюки водой, опресненной при помощи магии. Они пытались ловить рыбу, но даже призвав на выручку все рыбацкие заклинания, почти ничего не поймали, потому что рыбы Открытого Моря не знают своих Настоящих Имен и не обращают внимания на волшебство. Когда друзья разделили между собой последний ломтик вяленого мяса, Гед вдруг вспомнил слова Ярро:

«Когда в море тебя одолеет голод, ты пожалеешь, что украл пирожок».

Но хоть голод и причинил ему немало страданий, воспоминание это согрело его, ибо тогда же Ярро сказала, что будет ждать их возвращения.

Путь на восток они проделали, благодаря магическому ветру, всего за три дня, а чтобы вернуться, потребовалось целых шестнадцать. Никто еще не возвращался из такого далека в разгар зимы, а тем более – в открытой лодке. Но штормы и ураганы не очень донимали друзей, и они уверенно вели «Ясноглазку» по компасу и звезде Толбегрен так, чтобы пройти севернее Астовелла, оставляя далеко справа Фар Толи и Снег. Первая увиденная ими суша оказалась южной оконечностью Коппиша, воздевшего перед ними свои могучие утесы, похожие на гигантские замки. Остров встретил их криками чаек и дымом очагов маленьких деревень.

Отсюда до Иффиша было рукой подать... Падая легкий снежок, когда он тихим вечером вошли в гавань Исмэя, привязали «Ясноглазку», доставившую их домой от берегов царства мертвых, и по узким улочкам зашагали к дому Ветча. Когда друзья окунулись в его тепло и свет, у них было легко на сердце, и Ярро выбежала им навстречу, плача от счастья.

Эпилог

Если Эстарриол с Иффиша и сдержал свое обещание, то его песнь о первом великом деянии Геда была забыта. На островах Восточного Предела рассказывают о лодке, которая села на мель над бездонной пучиной океана в неделях пути от любого острова. На Иффише утверждают, что в ней был Эстарриол, на Токе рассказывают о двух рыбаках, заброшенных жестоким штормом далеко в Открытое Море, а на Холпе настаивают, что это был местный рыбак, лодка которого села на невидимую мель, и он до сих пор скитается там. От предания о Тени остались лишь крохотные клочки, которые долгие годы, как плавник, кидает от острова к острову. Но в «Деяниях Геда» ничего не говорится ни об этом плавании, ни о его встрече с Тенью, которая произошла прежде, чем он живой и невредимый возвратился из скитаний по Драконьей Тропе, вернул Кольцо Эррет-Акбе из Гробниц Атуана обратно на Хавнор и опять поселился на Рокке, но уже в качестве Верховного Мага всех островов мира.